

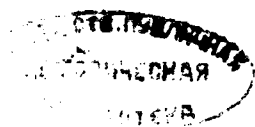
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9-й год издания

№ 10

Октябрь 1939 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. МОЛОТОВА 17 сентября 1939 г.

Товарищи! Граждане и гражданки нашей великой страны!

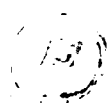
События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. Польские правящие круги обанкротились. Все это произошло за самый короткий срок.

Прошло каких-нибудь две недели, а Польша уже потеряла все свои промышленные очаги, потеряла большую часть крупных городов и культурных центров. Нет больше и Варшавы, как столицы польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие.

В Польше создается положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению.

От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белоруссов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белоруссам, населяющим Польшу.

Ввиду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать

приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Советское правительство заявило также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

В первых числах сентября, когда проводился частичный призыв запасных в Красную армию на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах, положение в Польше было не ясным и этот призыв проводился, как мера предосторожности. Никто не мог думать, что польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый развал, какой теперь уже имеет место во всей Польше. Поскольку, однако, этот развал налицо, а польские деятели полностью обанкротились и не способны изменить положение в Польше, наша Красная армия, получив крупное пополнение по последнему призыву запасных, должна с честью выполнить поставленную перед нею почетную задачу.

Правительство выражает твердую уверенность, что наша Рабоче-Крестьянская Красная армия покажет и на этот раз свою боевую мощь, сознательность и дисциплину, что выполнение своей великой освободительной задачи она покроет новыми подвигами, героизмом и славой.

Вместе с тем, Советское правительство препроводило копию своей ноты на имя польского посла всем правительствам, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, и при этом заявило, что Советский Союз будет проводить политику нейтралитета в отношении всех этих стран.

Этим определяются наши последние мероприятия по линии внешней политики.

Правительство обращается также к гражданам Советского Союза со следующим разъяснением. В связи с призывом запасных среди наших граждан наметилось стремление накопить побольше продовольствия и других товаров из опасения, что будет введена карточная система в области снабжения. Правительство считает нужным заявить, что оно не намерено вводить карточной системы на продукты и промтовары, даже, если вызванные внешними событиями государственные меры затянутся на некоторое время. Боюсь, что от чрезмерных закупок продовольствия и товаров пострадают лишь те, кто будет этим заниматься и накапливать ненужные запасы, подвергая их опасности порчи. Наша страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении.

Наша задача теперь, задача каждого рабочего и крестьянина, задача каждого служащего и интеллигента, состоит в том, чтобы честно и самоотверженно трудиться на своем посту и тем оказать помощь Красной армии.

Что касается бойцов нашей славной Красной армии, то я не сомневаюсь, что они выполнят свой долг перед родиной — с честью и со славой.

Народы Советского Союза, все граждане и гражданки нашей страны, бойцы Красной армии и военно-морского флота сплочены, как никогда, вокруг Советского правительства, вокруг нашей большевистской партии, вокруг своего великого вождя, вокруг мудрого тов. Сталина, для новых и еще невиданных успехов труда в промышленности и в колхозах, для новых славных побед Красной армии на боевых фронтах.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ОПЛОТ МИРА И ДРУЖБЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ ВСЕГО ЗЕМНОГО ШАРА

Советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа текущего года и ратифицированный Верховным Советом СССР 1 сентября, создал поворот в истории Европы и в развитии событий на мировой арене. За самый короткий срок громадное историческое и международное значение этого договора подтверждено всем ходом мировых событий.

В момент, когда вторая империалистическая война сделала крупнейший шаг к перерастанию в войну всеобщую, мировую, Советский Союз своей активной политикой мира своевременно и решительно создал резкое изменение в международной обстановке и добился, несмотря на далеко зашедшее развитие войны, ее локализации, ограничил поле ее разрушительного действия и этим самым умножил возможности ее скорейшего прекращения.

Товарищ Молотов в своем докладе на IV чрезвычайной сессии Верховного Совета подчеркнул, что именно в этом заключается главное значение пакта:

«Главное значение советско-германского договора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой. Тем самым, поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар».

Польско-германская война, объявление со стороны Англии и Франции войны Германии и вовлечение ими в войну ряда зависимых от них стран (Канады, Австралии, Новой Зеландии и других) — все эти вызванные обострением противоречий капитализма события подтверждают, насколько своевременно Советский Союз новым крупнейшим актом внешней политики оказал решающее воздействие на мировое развитие в сторону ограничения размаха войны.

Для народов Советского Союза разыгравшиеся события на мировой арене не были неожиданностью. Товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б) в своем анализе международного положения предостерег народы Советского Союза и трудящихся всех стран против опасности новой мировой бойни, сорвал маску с поджигателей войны, выступавших под флагом пацифизма, а также предсказал, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом». Товарищ Сталин в этом же своем историческом выступлении, указав на основные принципы внешней политики СССР, особенно подчеркнул две задачи партии и правительства в области внешней политики: «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; 2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Сейчас всякий видит, насколько разыгравшиеся события подтвердили гениальное марксистско-ленинское предвидение товарища Сталина.

В течение четырех месяцев внимание общественного мнения всего мира было приковано к переговорам между Англией и Францией с одной стороны и Советским Союзом — с другой. Эти переговоры, задачей ко-

торых Советский Союз ставил заключение пакта о взаимной помощи исключительно оборонительного характера, не могли не заинтересовать самые широкие народные массы всех стран. Заключение такого пакта могло бы стать серьезным препятствием к дальнейшему обострению внешнеполитического положения и послужить исходным пунктом поворота к полному прекращению начавшейся второй империалистической войны. Советское правительство поэтому, несмотря на то что с первых дней переговоров выявились симптомы противоречивого, двусмысленного поведения правительств Англии и Франции, проявив настойчивость и выдержку, не прекращало этих переговоров. Однако ничем не оправдываемое затягивание переговоров со стороны Англии и Франции, выставление ими неприемлемых предложений и другие факты обнаружили отсутствие серьезного намерения со стороны правительств Чемберлена и Даладье заключить такой пакт с Советским Союзом. Это не только стало очевидным для советского правительства, но и было открыто разоблачено целым рядом политических деятелей самой Англии и Франции, в частности виднейшим лидером либералов Ллойд-Джорджем. Ллойд-Джордж прямо обратил внимание на то, что роспуск английского парламента на каникулы до 1 сентября — акт, который не мог не означать умышленную оттяжку заключения пакта. Присылка в Москву военной делегации Англии и Франции тем меньше могла замаскировать красноречивое значение этого факта, что на первых же заседаниях обеих военных делегаций обнаружилась полная беспочвенность и неприемлемость для СССР предложений Англии и Франции. Разоблачения, сделанные теперь обанкротившимися руководителями бывшего польского правительства о роли английских империалистов как непосредственных подстрекателей войны между Польшей и Германией, не только срывают маску с политики «невмешательства», но и бросают новый свет на истинные цели, которые преследовали английские империалисты, срывая англо-франко-советские переговоры.

Срыв англо-франко-советского соглашения в условиях неслыханной напряженности мирового внешнеполитического положения, в условиях, когда под непосредственным давлением Англии война между Германией и Польшей развязывалась в ближайшем соседстве с СССР, сделал преодоление непосредственной угрозы для границ СССР самой неотложной, самой боевой задачей дня, органически неотделимой от задачи недопущения перерастания войны в мировую.

«Пытаются распространять неправду, что будто бы заключение советско-германского договора о ненападении помешало переговорам с Англией и Францией о пакте взаимопомощи. Эта ложь уже заклеена в интервью т. Ворошилова. В действительности, как известно, дело обстоит наоборот. Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов» (М о л о т о в).

Однако и эти обстоятельства не могли бы привести к советско-германскому соглашению, если бы не другое серьезное обстоятельство, а именно: крутой поворот во внешней политике германского правительства — поворот от политики открыто враждебной и агрессивной в отношении СССР к политике сотрудничества обеих стран, к политике улучшения экономических и внешнеполитических отношений между обеими странами.

Реальный учет могущества и непобедимости СССР сыграл главную роль в этом повороте во внешней политике Германии. Этот поворот во внешней политике Германии — один из самых сокрушительных ударов

по политике чемберленов, наиболее существенный момент провала Мюнхена, одна из самых выдающихся побед СССР.

«Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения» (М о л о т о в).

Внешняя политика Советского Союза, главная задача которой — борьба всеми мерами за сохранение мира между СССР и другими государствами и борьба за мир между народами вообще, неизменно опирается на завещанные Лениным и гениально проводимые товарищем Сталиным принципы: охранять всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами страну социализма, учитывая возможность длительного сосуществования социалистической системы с системой капиталистической и используя возможности, создаваемые противоречиями капиталистического развития. Советский Союз, исходя из этих ленинских принципов, заключал договоры и устанавливал длительные добрососедские отношения с капиталистическими странами, в том числе и с фашистскими, несмотря на разницу социально-экономического строя и политических систем. Только политическая близорукость и неспособность в условиях бурного развития событий учитывать крутые изменения в международной обстановке, изменения, которые требуют гибкости и своевременного поворота нашей внешней политики, являются источником непонимания таких поворотов. Советский Союз достаточно силен, чтобы не дать никому использовать себя для чуждых ему целей. Его внешняя политика, опирающаяся на все возрастающую экономическую, политическую, культурную и военную мощь социалистического государства, на несокрушимое морально-политическое единство народов СССР, является политической независимой, самостоятельной, выражающей кровные интересы народов СССР и трудящихся всего мира.

События, разгравшиеся на территории бывшего польского государства, не могут не укреплять надежду народов всех стран на возможность полного и быстрее прекращения начавшейся войны. Эти события не могут не усилить уверенности в широких народных массах, что и теперь еще не поздно предотвратить мировую бойню, предотвратить неслыханные бедствия, во много раз более страшные чем все бедствия первой империалистической войны. И если целые народы и страны, в первую голову их трудящиеся массы, еще не потеряли надежду на быстрое прекращение этой войны или хотя бы на сужение ее размаха, то эти надежды связаны только с Советским Союзом, с нашей героической Красной Армией, с именем великого Сталина.

Наряду с превосходством в военном отношении Германии над Польшей и отсутствием помощи Польше со стороны Англии и Франции имелись глубокие внутренние причины военного поражения польского государства.

Являясь многонациональным государством, в котором 40% населения составляют национальные меньшинства, Польша не представляла собой единого целого. Населяющие ее народы не были сплочены вокруг какой-либо общей задачи. Одиннадцать миллионов украинцев и белорусов, живших на польской территории, жестоко угнетались польской шляхтой, были бесправны и обречены на физическое вырождение и культурное одичание.

Польские правящие круги даже не пытались наладить с национальными меньшинствами мало-мальски нормальных отношений, не обеспечили им никаких национальных прав, проводили политику насильственного ополячивания украинского и белорусского населения. Западная Украина

и Западная Белоруссия являлись для польских правящих кругов объектами зверской эксплуатации, колониями, отданными на поток и разграбление польским помещикам.

Иностранный капитал давно уже стал фактическим хозяином Польши. Доля участия иностранного капитала в нефтяной промышленности Польши составляла 85,6%, в металлургической — 56,8%. Почти половина акций огромного количества польских акционерных обществ принадлежала франко-бельгийскому и англо-американскому капиталам.

Все это привело к тому, что иностранный капитал влиял не только на хозяйственную политику бывшего польского государства, но и на всю его внешнюю и внутреннюю политику. Польский империализм, стремившийся к захватам чужих территорий, был порожден не только великодержавными наклонностями польских помещиков и капиталистов, но и вожделениями иностранного капитала, который толкал Польшу на гнуснейшую, авантюристическую внешнюю политику.

Гнилость польской государственной машины особенно глубоко проникла в польскую армию. Огромная часть польского государственного бюджета тратилась на содержание армии. Типичное милитаристическое государство воспитывало наглых и бездарных офицеров, которые держали в страхе всю страну. Хвастовство и чванство вместо действительно боевой готовности — вот что типично для польской армии. Вместе с тем бездарные ее руководители при помощи палочной дисциплины и жестоких репрессий заставляли трудящихся Польши, угнетенные народы Западной Украины и Западной Белоруссии «приносить себя в жертву без рассуждения, во имя чего эта жертва нужна». О таком «идеальном» польском солдате мечтал соратник Рыдз-Смиглы генерал Сосиковский.

Сейчас видно, к чему привели подобные стремления польской военщины. Не только украинцы, белоруссы и другие национальные меньшинства Польши, из которых в значительной части состояла польская армия, отказались защищать государство, которое превращало их родину в колонию и их самих в безответных рабов польской шляхты: его отказались защищать и польские солдаты.

Польский народ и живущие на территории бывшего польского государства другие народы по воле поджигателей мировой войны и в итоге предательской, империалистической, антинародной внешней политики бывшего польского правительства были вовлечены в войну, которая грозила жестокими бедствиями миллионам и гибелью сотням тысяч трудящихся. Советский народ не мог проявить безразличия к судьбе народных масс Польши вообще и, в первую голову, к судьбе народов Западной Украины и Западной Белоруссии, живших под неслыханно тяжелым гнетом польских панов и теперь войной обреченных на массовое истребление. С полным сознанием своей исторической ответственности, с гордостью и воодушевлением народы Советского Союза восприняли слова исторического выступления по радио тов. В. М. Молотова в день 17 сентября о том, что «Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белоруссам, населяющим Польшу».

Брошенные на произвол судьбы, народы Польши были обречены на роль пушечного мяса в войне, развязанной вопреки кровным интересам этих масс. Территория Польши стала притом полем всевозможных случайностей и неожиданностей и для границ Советского Союза.

«В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению» (М о л о т о в).

Переход Красной Армией западной границы Советского Союза и помощь, оказанная ею народным массам Западной Украины и Западной Белоруссии, навсегда войдут в историю как одна из самых светлых страниц великой освободительной борьбы Советского Союза, его глубокого интернационализма, как одно из ярких проявлений освободительной роли Красной Армии. Помощь Красной Армии украинскому и белорусскому народам в момент, когда территория Польши уже готова была превратиться в арену чудовищной мясорубки, вывела из войны многомиллионные массы. Содействуя своим братьям в деле организации мирного труда, в деле их борьбы против панства и буржуазии, борьбы за лучшую жизнь, Красная Армия еще раз перед всем миром демонстрирует свою верность великому знамени международной солидарности, высоким идеям советского интернационализма.

Героическая Красная Армия, армия Великой Октябрьской социалистической революции, прошедшая богатую школу гражданской войны и социалистического строительства, создавшая замечательные кадры, верная традициям и знамени своей большевистской партии, показала себя на территории Западной Украины и Западной Белоруссии на деле как армия революции, как великая организующая сила и надежная защита трудящихся.

Появление Красной Армии не могло не вызвать воодушевления и ликования народных масс, вчера еще стонавших под игом экономического, политического и национального рабства и обреченных своими работодателями на все ужасы бессмысленной кровавой бойни. Временные управления и крестьянские комитеты являются первыми вестниками растущей организованности и сознательности народных масс Западной Украины и Западной Белоруссии, их революционного сплочения для борьбы за новую, светлую жизнь, совместно со своими братьями всего Великого Советского Союза.

Появление Красной Армии на территории бывшей панской Польши не могло не вызвать животного страха у польских помещиков и капиталистов — и не даром при одном известии о переходе Красной Армией границ бывшей Польши замелькали в воздухе пятки польской шляхты, магнатов промышленности, помещиков, спекулянтов, жандармерии, офицерства, чиновничества.

Выборы Народных Собраний на Западной Украине и в Западной Белоруссии прошли под знаком установления Советской власти, коренной аграрной революции и воссоединения Западной Украины с Украиной Советской и Западной Белоруссии с Белоруссией Советской.

Удивительно ли, что весть о вступлении Красной Армии на землю, облитую слезами и кровью трудящихся, вчера еще находившуюся в руках помещиков и капиталистов, вызвала громаднейший под'ем не только у народов СССР, но и у народов Западной Украины и Западной Белоруссии. Удивительно ли, что известие об этом вызвало восторг и среди украинцев, белоруссов и поляков, рассеянных по всему миру, в частности в Америке. Тем более не удивительно, что советское правительство в своей ноте польскому послу, разосланной послам всех стран, с которыми СССР находится в дипломатических отношениях, подчеркнуло, что советское правительство «намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью».

Заключение советско-германского пакта о ненападении и помощь, оказанная Советским Союзом трудящимся бывшего польского государства в деле вызволения их от ударов войны, которые обрушили на них империалисты и их агентура в лице бывшего польского правительства,

еще раз показали всему миру, что внешняя политика великого социалистического государства рабочих и крестьян принципиально отлична от внешней политики буржуазии. Это политика органического, неразрывного единства слов и дела, политика решительная, смелая в деле защиты мира и интересов трудящихся. Это политика самостоятельная, независимая от каких бы то ни было планов агрессоров. Это политика в интересах народов всего мира, не желающих войны.

Эта единственно реальная политика в интересах трудящихся получила свое дальнейшее развитие в быстром и своевременном реагировании советского правительства на бурно развивающиеся мировые события. Имея своей задачей последовательную борьбу за локализацию войны и за полное ее прекращение, Советский Союз сделал ряд дальнейших шагов в этом направлении. Заключение советско-германского пакта о дружбе и границе наносит еще один удар по поджигателям мировой войны. Тот факт, что два крупнейших государства — СССР и Германия — взяли на себя упрочение мира на Востоке Европы, является вернейшим залогом возможности устойчивого и длительного мира в Европе. Особенно же большое значение для судеб войны и мира имеет твердо выраженное СССР и Германией пожелание немедленного прекращения войны между Англией и Францией с одной стороны и Германией — с другой.

В течение ряда лет стремления империалистов были направлены на то, чтобы разрешить свои противоречия за счет Советского Союза. Ярким выражением этих стремлений в последние годы являлась политика натравливания друг на друга Германии и СССР, попытки спровоцирования военного столкновения между этими двумя странами. Именно поэтому последние договоры между Германией и СССР, двумя сильнейшими государствами на территории Европы, и притом странами, народы которых понесли особенно большие жертвы в первой мировой империалистической войне, имеют исключительно большое, решающее значение для дальнейших судеб Европы, а значит, для судеб мировых.

Трудно переоценить все благотворные последствия и богатые возможности, вытекающие из этих договоров. Этими договорами Советский Союз расстроил планы провокаторов войны, предотвратил единый фронт империалистов против СССР, затруднил дальнейшее развитие войны в войну мировую и создал новые возможности борьбы за мир.

Можно ли удивляться, что в лагере империалистов Англии и Франции, а также в лагере их социал-лакеев, в частности в лагере французских «социалистов», известие о советско-германском соглашении вызвало неслыханный вой, травлю и клевету против СССР? В самом деле, на глазах у всего мира искушенным политикам империализма удавалось под флагом пацифизма предавать один народ за другим, приносить в жертву своим империалистическим интересам одну страну за другой. И вот наступил момент, когда этой беззастенчивой политике, дальнейшему распространению ее на другие страны поставлены границы. Наступил момент, когда плоды этой политики со всей беспощадностью обрушиваются на ее носителей. Банкротство польского правительства, позволившего превратить себя в оружие поджигателей войны, военное поражение Польши и ее распад есть поражение не только лицемерной политики «невмешательства», но также поражение политики «социалистов», поддерживавших политику «невмешательства». И нынешняя их клевета против Советского Союза и травля ими коммунистических партий лишь изобличают их бессилие, лишь подчеркивают их поражение. Все развитие событий говорит о том, что поджигателям войны и их подручным из лагеря «социалистов» придется еще пережить не одно поражение, не одно разочарование.

Советско-германский договор о ненападении, устранив непосредственную опасность войны между Германией и Советским Союзом, по

своим последствиям, как это указывал тов. Молотов, идет гораздо дальше этого важнейшего результата.

Страны Восточной и Юговосточной Европы, а также страны Прибалтики в итоге советско-германских договоров выводятся из неустойчивого международного положения, которое обрекало их на роль орудия в руках империалистов всех мастей, нередко дезориентировало их и толкало на полную колебаний, неуверенности и случайностей внешнюю политику.

Новые договоры со странами Прибалтики являются крупнейшей победой внешней политики СССР, укрепляют его обороноспособность и обеспечивают прибалтийским странам возможность защиты от агрессии империалистических хищников. Договоры о взаимопомощи между СССР и Эстонией, между СССР и Латвией, между СССР и Литвой являются новым ярким образцом политики Советского Союза в отношении малых государств — политики реальной помощи им против империалистических акул при сохранении в полной неприкосновенности их государственной самостоятельности. Договор о передаче Литве города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи — единственный в своем роде во всемирной истории народов и государств пример подлинно принципиальной внешней политики, последовательно проводимой политики дружбы между народами, политики, которая возможна только со стороны могущественного социалистического государства. Укрепляя безопасность границ СССР и одновременно обеспечивая опору мирной политике небольших государств, пакты с Эстонией, Латвией и Литвой указывают другим государствам на сближение с СССР как на единственную реальную возможность для них защитить себя от безудержной агрессии империалистов.

Имеющие громадное государственное и международное значение решительные и твердые шаги советского правительства в области внешней политики в исторические сентябрьские и октябрьские дни 1939 года являются могучим призывом ко всем народам, и в первую голову к трудящимся всех стран, к дальнейшему сплочению сил для борьбы за мир, за свою национальную и государственную независимость, за новую жизнь. Они являются предостережением и призывом к благоразумию всех правительств, которые не хотят стать вольными или невольными агентами поджигателей войны и их соучастниками. Этот призыв уже нашел живой отклик во всем мире.

Поворот, созданный историческими мероприятиями внешней политики СССР, открывает новые, более широкие перспективы и возможности для организованной и сознательной борьбы за мир трудящихся всех стран, для дальнейшего их сплочения вокруг СССР как могущественной крепости мира и социализма, яркого факела, освещающего путь всему трудящемуся человечеству.

Последовательную внешнюю политику своего советского правительства горячо поддерживает весь могучий советский народ своей неутомимой борьбой за новые производственные победы, за успешное выполнение третьей сталинской пятилетки, своей братской помощью народам Западной Украины и Западной Белоруссии.

Политику Советского Союза одобряют и поддерживают рабочий класс и широкие народные массы всех стран, ибо только эта единственно принципиальная политика открывает возможность не только локализовать начавшуюся войну и добиться полнейшего ее прекращения, но и новые возможности борьбы против империалистических войн вообще. Это историческая заслуга Советской державы, ее великого вождя, вождя всех народов — товарища Сталина.

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ

(Краткая историческая справка)

Земли нынешних Западной Украины и Западной Белоруссии в древности входили в состав Киевской Руси, составляя крайнюю западную часть империи Рюриковичей.

Древняя летопись указывает, что на территории нынешней Галиции жили хорваты, на территории Волыни — дулебы, которых летописец потом называет бужанами, или волынянами; далее, к Припяти, жили древяне, а за Припятью, на территории нынешней Белоруссии, — дреговичи и кривичи. Летописец XI века называет всех их участниками рати, поднятой князем Олегом на Византию, что указывает на то, что они входили в состав Киевской Руси. Летописец передает также сведения о существовании еще в более далеком прошлом какого-то союза племен, возглавлявшегося дулебами, жителями Волыни, оборонявшего владения восточных славян от пришельцев-захватчиков, аваров.

В княжение Владимира Святославовича эти земли уже прочно вошли в состав Киевской державы, империи Рюриковичей. В 981 году Владимир ходил ратью в Галицкую землю и освободил ее от власти Польши, пытавшейся продвинуться на восток: «зая грады их Перемышль, Червень и инны города, иже суть и до сего дне под Русью»¹. В то время главным городом был здесь Червень, между верховьями Вепря, притока Вислы, и Зап. Бугом. Самую область между реками Саном, Бугом и Днепром летописец поэтому и обозначал условным названием — Червенские города; лишь в XII веке выдвинулся на юговостоке Галич, ставший княжеским центром и давший название всей области, а его позднейший главный центр Львов становится известным только в XIII веке; Перемышль уже в то время был главным опорным пунктом Киевской Руси на западе. Прочно закрепляется Владимир и на Волыни, основывает здесь новый княжеский центр — город Владимир, в который Владимир сажает одного из своих сыновей, Всеволода, с надежной дружиной. Другой сын

Владимира, Святополк, княжит в Турове и держит все Пинское Полесье. В то же время Владимир берет под защиту земли нынешней Белоруссии от литовского племени ятвягов, стремившегося вклиниться в русские земли между Неманом и Зап. Бугом, до самой Волыни; Владимир нанес им поражение в 983 году. На Двине, в Полоцке, сидел наместником сын Владимира Изяслав.

Междоусобная борьба, возникшая после смерти Владимира, ослабила Русь и дала возможность польскому князю Болеславу под флагом поддержки князя Святополка захватить в 1016 году Червенские города и ограбить землю Волынскую. Но в Киеве утвердился Ярослав и снова объединил Русь под своей властью, продолжая дело Владимира. В 1030 году русские князья «идоста на ляхы и заяста грады Червеньскыя опять»². Как и Владимир, на северозападе он воюет в 1038 году против ятвягов и окончательно отбрасывает их на север, а в 1040 и 1044 годах побеждает и главное литовское племя, собственно Литву, между Западной Двиной и Вилией. С этим временем связывается значительный подъем в западных русских землях (будущей Белоруссии), возникают Новогрудок, Дрогичин, Мельник, Бельск; приобретают административное значение Старые Троки. В это время на крайнем западе уже известны и Городно (нынешнее Гродно) и Берестье (Брест). После Ярослава Городно уже имеет своего князя, а Берестейская земля вошла в XIII веке в Галицко-Волынское княжество. Не позднее начала XII века возник и город Вильно, ставший несколько позже политическим центром Литовского государства.

В процессе феодального распада державы Рюриковичей после смерти Ярослава Владимировича появляются свои князья и в Червенских городах — Перемышле и Тереховле, и во Владимире Волынском, и в Дреговичской земле.

Быстро растет в XII веке значение Галицкой земли. Выдвигнутая далеко на запад, расположенная на больших торговых путях, связывающих ее на западе с Че-

¹ Полное Собрание Русских Летописей. Т. II, ст. 69.

² ПСРЛ. Т. II, ст. 136.

хией, с немецкими городами по Дунаю, на юге — с Венгрией и по Днестру и Пруту — с Причерноморьем, Галицкая земля извлекает выгоды из своего положения. Она богата хлебом и скотом, соль из Коломыи идет до Киева, в большом спросе ее шифер для строительства. Ко второй половине XII века границы Галицкой земли продвигаются на юг до Дуная, влияние галицкого князя чувствуется в самом Киеве.

Автор «Слова о полку Игореве» обращался к галицкому князю Ярославу Осмомыслу (1152—1187): «Галицкыи Осмомысле Ярославе! высоко седиши на своем златокованном столе, подпер горы Угорские своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, мечта времени через облака, суды рядя до Дуная: грозы твоя по землям текут; отворяши Киеву врата; стреляши с отня злата стола Салтаны са землями»¹. К концу века Галицкая земля соединилась с Волынской при князе Романе Мстиславиче, потомке Владимира Мономаха, грозного для своих ближайших соседей — Польши и Венгрии.

Но уже после смерти Романа (1205 год), оставившего малолетних сыновей, Галицкой земле пришлось испытать всю тяжесть своего положения между готовыми к захватам чужой землей соседями. Польша и Венгрия вмешиваются в ее внутренние дела, а венгерский королевич Коломан даже попытался сесть князем в Галиче.

Когда сын Романа, Даниил Галицкий (1229—1264), собрав военные силы, явился под стенами Галича, население встретило его как избавителя. Время Даниила было периодом наибольшего расцвета Галицко-Волынского княжества. Он заставил считаться с собой поляков и чехов. Начавшая усиливаться Литва искала его союза, и его сыновья держали княжение и в Пинские и в Черной Руси, как называли в Литве и у западных соседей земли Западной Белоруссии. Летописец говорит о крупном строительстве в Холме, пострадавшем от пожара, и в др. городах; к этому времени относится и основание города Львова, которому предстояло стать подлинной столицей Галицкой земли.

Но период расцвета оказался непродолжительным. Политический упадок, связанный с процессом раздробления, был усилен повторными набегами татар, начавшимися еще при Данииле Романовиче. В то же время в XIV веке усилились Польша и Венгрия, а с севера к границам Галицко-Волынского княжества подступало сложившееся на исходе XIII века великое княжество Литовское.

Литовские племена занимали территории нижнего течения Западной Двины, среднего и нижнего течения Немана и территорию между Неманом и Вилней, а на западе — до берегов Прибалтики, где сидели литовские племена куроны и пруссы. В XIII веке расплывшиеся литовские племена стали об'единяться во главе с литвой и жмудью. Вступив на северозападе в борьбу с захватившими земли ливов и леттов (латышей) немецкими рыцарями, они в то же время подчиняли себе к югу и востоку русские земли, ослабленные внутренними расприями и татарским нашествием.

В первую очередь в состав нового Литовского государства вошли при князе Миндовге, в середине XIII века, земли между Неманом и Вилней, так называемая Черная Русь. Сюда, в Новгородок был перенесен первоначально политический центр Литовского княжества; здесь раздавались земли литовским феодалам, вводилась литовская администрация. Официально литовцы стали называть Черную Русь — Литовской Русью. Новогрудок стал Новогрудом Литовским, так же как потом и Берестье — Брест-Литовском. По основной массе населения и культура в стране остались русскими. И сами литовцы испытывают на себе сильное русское влияние, так как Русь стояла уже значительно выше Литвы в культурном отношении: русский язык становится здесь официальным, усваивается русское законодательство и русская вера — православие. Западный хронист называет самую столицу Литвы, Вильню, русским городом.

Литовское государство быстро расширяется за счет русских земель при Витене и особенно при его брате Гедимине, в первой половине XIV века. На востоке закрепляются последовательно Полоцк, Минск, Витебск и ведется наступление на Смоленск. При Гедимине присоединяются Пинск и Берестье и начинается наступление на Киев. При преемнике Гедимины, Ольгерде, были присоединены Смоленск и Киев, земли Черниговские, Переяславль. В то же время в 1340 году, с пресечением княжеской династии в Галиции, сын Гедимины Любарт пред'являет претензии на Галицко-Волынское княжество, как наследник по жене, дочери волынского князя.

Сама Волынь уже не могла оказать сопротивления чужеземному захвату, но Литва столкнулась с другим претендентом на галицко-волынское наследство — королем польским Казимиром, а за ним уже стоял на очереди еще один претендент — Венгрия. Война, начавшаяся между конкурентами в 1349 году, тянулась около 20 лет с переменным успехом, сопровождалась разорением края, на территории которого шла вся

¹ «Слово о полку Игореве», стр. 14. 1938.

борьба, и закончилась разделом: за Польшей осталась Галиция и Западная Волынь: Владимир и Кременец, Белз и Холм; Восточная Волынь, Турово-Пинское княжество, Берестейская земля и Черная Русь, включая Городно, остались за литовскими князьями. Борьба на этом не закончилась. Кревская уния 1385 года между Литвой и Польшей имела одной из целей урегулировать русский вопрос и закрепить за Польшей ее приобретения. Дальнейшая борьба за полную реализацию унии также имела целью переход под непосредственную власть Польши всех украинских земель. Борьба за осуществление этой цели затянулась почти на 200 лет и была разрешена Люблинской унией 1569 года. К этому времени на пути захватнических стремлений Польши оказалась новая непредвиденная сила — сплотившийся и ставший на защиту своего национального существования украинский народ. Но и в борьбе, которая два столетия тянулась между Литвой и Польшей, украинцы и белоруссы оставались самой активной действующей силой.

Положение отдельных русских земель, вошедших в состав Литвы и Польши, сложилось при этом по-разному. Если часть из них — расположенные в центре Литовского государства земли Черной Руси и ближайшие княжества (например Минское) — уже с XIV века потеряла свою самостоятельность, то все остальные русские земли в составе великого княжества Литовского сохранили свои княжеские династии до середины XV века и даже до начала XVI века. Так, сохранились князья и в так называемом Подляшье (что означало польское пограничье, ляхи — поляки), в Берестейском, Дорогичинском, Кобринском княжествах и в Турово-Пинском Полесье — в Турове, в Пинске, и в Клецке. Только на Волыни местная княжеская династия исчезла раньше, со смертью Свиригайло. Все эти княжества сохранили прежнее устройство, которое местами санкционировалось земскими привилегиями (жалованными грамотами), и старые порядки. И когда с XV века под давлением Польши начались попытки ликвидации этих порядков, то именно эти русские княжества оказали наиболее энергичное сопротивление. На них опирались литовские князья в борьбе с польской агрессией, распространявшейся и на Литву: Витовт в борьбе с Ягайло, а после Витовта — Свиригайло, который, даже проиграв борьбу за великое княжение, остался князем Волынским.

Эти княжества боролись не только за свои феодальные права, но и за самостоятельность русских земель, противопоставлявшихся Литве и Польше. Обрусели при

этом местные князья даже из литовских династий. На Москву ориентировалось неудачное восстание Михаила Олельковича, князя Кобринского (на территории Подляшья), из потомков Ольгерда Литовского, заявившего наследственные права на Киевский стол (1481 год). На Москву ориентировалось и восстание, руководимое князьями Глинскими, также кончившееся неудачей (1508 год). Связь между русскими землями сохранялась. К Москве порой готова была обратиться и сама Литва, в разгар Ливонской войны даже предложившая московскому царю Ивану IV литовское княжение.

Местная феодальная знать потерпела неудачу: ее силы были недостаточны, а опереться на народные массы она не хотела и не умела. Центральная власть Литвы и Польши тем временем, особенно с середины XV века, перешла в решительное наступление на украинские и белорусские земли, добиваясь их полного подчинения. Небольшими уступками, распространением общих феодальных привилегий на местных феодалов, Литва и Польша добились их прямой измены национальному делу; на протяжении XVI века большинство крупных феодалов: Сапеги, Ходкевичи и др., а несколько позже и влиятельные князья Острожские, — переходят в католичество, порывают с русской культурой, помогают ликвидировать самостоятельность украинских и белорусских земель. Политика польско-литовского панства была направлена на угнетение и закрепощение крестьянских масс Белоруссии и Украины. Особенно тяжелые последствия для народных масс Белоруссии и Украины имела Люблинская уния 1569 года, подчинившая непосредственно Польше, значительно более агрессивной чем Литва, все украинские земли. Церковная уния 1596 года, распространявшаяся на всю территорию объединенной Речи Посполитой, означала уже непосредственное наступление на национальную культуру, на национальное существование украинского и белорусского народов.

Окончательно оформив присоединение Галиции в конце XIV века, поляки повели здесь политику неприкрытого колониального грабежа и насилий. Широкой волной двинулась сюда польская шляхта, захватывая земли с крестьянами и организуя свое управление в крае. В Галиции раньше чем в других украинских землях усилился крепостнический гнет, который в XVI веке лег всей своей тяжестью на массу украинского крестьянства.

Чтобы ослабить силы внутреннего сопротивления захваченной страны, поляки усиленно поддерживали поселение иностранных колонистов в Галиции, главным

образом из Польши и Германии; искусной системой национальных привилегий они стремились разжечь безудержную национальную ненависть и рознь. Эта политика сказалась особенно на развитых, богатых ремеслами и торговлей украинских городах: Львове, Сапоке, Луцке, Ровно и др.

Украинский народ сознавал свое единство, дорожил своей национальной самостоятельностью; в XV веке процесс складывания украинской и белорусской народностей уже был закончен. В трудных условиях чужеземного гнета и полного бесправия украинцы и белорусы сумели отстоять свое национальное единство, отвоевать себе возможность национального развития, сумели сплотить силы, найти пути и формы для их организации.

Такой формой организации были прежде всего братства, объединившие силы наиболее организованного и развитого украинского и белорусского мещанства. Формально братства имели полупереховный характер; это были объединения прихожан, ведавших делами церквей или монастырей, при которых они создавались. Но в условиях того времени, при столкновении православного украинского народа с католическим польским панством, с его агентами — иезуитами, развернувшими активную деятельность в Литве, Белоруссии и Украине, самый вопрос о вере получал национальное значение. Братства выросли в широкие национальные организации, развернувшие прежде всего большую культурную работу. Братства устраивали школы, организовывали типографии, издавали книги.

В конце XVI и в начале XVII века братства возникли во всех более или менее значительных городах Украины и Белоруссии и прежде всего в их западных областях, испытывавших наиболее тяжкий гнет панства. Раньше чем в других местах на Западной Украине, братство возникло во Львове (первые известия о нем относятся к 1463 году), но широкое развитие деятельность братств получает к концу XVI века, когда они появляются в Городке, Бресте, Перемышле, Замостье, Киеве, Луцке; особенно значительную роль играли Львовское и Киевское братства. В Белоруссии первое братство возникло в 1584 году в Вильно; вслед за этим появляются братства в Бельске, Слониме, Слуцке и в других городах.

В это время наиболее крупную культурную роль на западе играют Львов и Вильно. Вильно является первым центром белорусского книгопечатания; сюда в 1525 году перенес типографию из чешской Праги Ф. Скорина, зачинатель типографского дела в Белоруссии; его преемниками во второй половине XVI века были братья

Мамоничи. В Западную Белоруссию перенесли свою издательскую деятельность русские «первопечатники» Иван Федоров и Петр Мстиславец, после бегства их из Москвы¹; отсюда Федоров переехал затем на Украину и продолжал свою деятельность во Львове. Здесь мы снова наблюдаем любопытный факт живой связи в культурной жизни родственных народов — русского и белорусского. Еще резче выражена культурная связь Украины и Белоруссии: в Белоруссию переселился ряд украинских деятелей: сюда переехал из Львова Стефан Зизаний, позже, в 1610 году, из Украины в Белоруссию едет Мелетий Смотрицкий, в то время один из видных писателей и деятелей национального движения в борьбе с унией.

Современники из противного лагеря не могли не отметить исключительного значения движения, возглавленного братствами: «Правда, что в братствах участвуют лица низких сословий, но они имеют возможность собирать огромные деньги, и все им повинуется»². Известно, что одно Виленское братство сумело за 30 лет израсходовать около 200 тысяч злотых на свою культурную деятельность.

В это самое время крестьянская масса отвечала на растущий панский гнет восстаниями и уходом в казачество.

Уже на исходе XV века, в 1490 году, отмечается в Галичине крестьянское восстание под руководством Мухи. Но большая часть недовольного крестьянства искала выхода в бегстве от панов в вольные южные степи на Днепре; там с начала XVI века складывалось вольное Запорожское казачество и туда был перенесен центр борьбы против польских и ополяченных литовских панов.

Это неизбежно должно было ослабить борьбу в самой Западной Украине и в Западной Белоруссии: польские и литовские паны, поддерживаемые центральной властью, были здесь сильнее, а украинское крестьянство и мещанство оказывались ослабленными. Однако казацко-крестьянские восстания конца XVI и XVII веков нашли и здесь деятельную поддержку. Отряды Наливайки дошли до Пинского Полесья в Западной Белоруссии, захватили Слуцк, Пинск, прошли по Волыни; в Белоруссии были созданы местные крестьянские отряды атамана Шаула.

Широко развернулась борьба украинского и белорусского народов против панско-

¹ См. об этом «Исторический журнал» № 1 за 1939 год, статью «Иван Федоров — первопечатник».

² Цит. по книге Б а т ю ш к о в а «Памятники русской старины в западных губерниях». Вып. VI. «Белоруссия и Литва», стр. 218.

го гнета в 1648 году под руководством украинского гетмана Богдана Хмельницкого. И на этот раз движение захватило все самые далекие западные уголки Украины и Белоруссии. Уже в августе 1648 года, до прихода войск Хмельницкого, восстание охватило всю Подолью, Волынь, и Галицию; повстанцы овладели Дубно, Луцком, Оликой, Гусятином, Тереховом, Яновым; восстание продолжалось с той же силой и в 1649 году. В Белоруссии также формировались крестьянские отряды Гаркуши, Кривошапки, Небабы и др.; отряды последнего действовали в районе Турова и Пинска. Но войска Хмельницкого, достигшие в 1648 году Львова, Черемышля, Замостья, отодвинулись назад, а в 1649 году, после боев под Збарожем и Зборовым, по Зборовскому договору, оставили Западную Украину и Западную Белоруссию в руках Речи Посполитой. Местные отряды, предоставленные своим силам, уходили вслед за главными силами Хмельницкого, опасаясь панской расправы.

В 1654 году, выполняя волю народных масс, Хмельницкий оформил на Переяславской раде переход Украины под власть Москвы, правильно учтя, что лишь союз с братским русским народом мог спасти украинский народ от польского гнета.

После этого борьба развернулась с новой силой. Начало московско-польской войны послужило сигналом к восстанию и для белорусского народа. Города Белоруссии: Могилев, Н. Быхов и др. — открывали ворота московским и украинским войскам. Летом 1655 года войска двинулись в Западную Белоруссию, в июле они взяли Вильно, в августе — Гродно. Одновременно со стороны Полесья были взяты Туров, Пинск. Войска доходили на западе до Бреста.

Но и на этот раз освобождение было только временным. У Московского государства не хватило сил для освобождения всей Украины и Белоруссии. Длительная война, тянувшаяся до 1667 года, закончилась разделом украинских и белорусских земель; граница прошла примерно по Днепру; западные земли остались в составе Речи Посполитой.

Эти земли были разорены войной Речи Посполитой с Москвой и со Швецией. На юге последовала вслед за этим длительная война с Турцией. А в начале XVIII века земли Белоруссии стали ареной Северной (шведской) войны. Но еще хуже чем война разоряли крестьянство польские паны. Польша в это время переживала период полного упадка. Торговля пала, города пустыли, жизнь в них замирала; этот хозяйственный упадок захватил также Украину и Белоруссию. Польские и литовские

паны захватывали украинские и белорусские земли, закабалили крестьян и казаков и облагали их непосильными поборами. Казацкое движение на Украине, оставшейся в составе Речи Посполитой, возобновилось уже в конце XVII в.; одним из энергичных его руководителей был казацкий гетман Палей.

Весь XVIII век заполнен борьбой украинских и белорусских крестьян против панов. Это движение носит название гайдамачины. Особенно крупные гайдамацкие движения известны в 1730, 1754 и 1767 годах. На Подольи гайдамаки звались левенцами и дейсками, в Галиции — опришками. Укрываясь в Карпатских предгорьях, опришки вели длительную борьбу против польской шляхты.

Особенно упорным было восстание 1767 года, известное под названием Колявщины; центр восстания находился на Уманщине. Польша, которая была в состоянии полного развала, обратилась за помощью против восставших к Екатерине II.

В это время Речь Посполитая уже доживала последние годы своей политической самостоятельности, обеспечить которую были неспособны ее правящие классы.

В 1772 году состоялся первый раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией, за которым последовали второй раздел в 1793 году и третий и последний в 1795 году. По этим разделам Россия получила белорусские и украинские земли, Белоруссия об'единилась в составе Российской империи. Но население западных земель Украины — Галиции и Буковины — и на этот раз осталось оторванным от основной украинской территории, так как земли эти достались Австрии.

XIX век не прошел бесследно в истории Украины и Белоруссии. Правда, народные массы не избавились от панского гнета. Историк Погодин писал об ужасающей бедности белорусских крестьян. Но подъем национального движения в Европе середины XIX века захватил и украинское и белорусское население. Национальный язык, национальная культура развиваются вопреки всем препятствиям. Об этом развитии говорят такие имена, как Шевченко, Квитко, Мирный, Франко, Коцюбинский, позже Леся Украинка и многие другие — на Украине; как Душин-Марцинкевич, как Янко Купала, Якуб Колас, Максим Богданович — в Белоруссии. Классовое и национальное самосознание народных масс продолжало развиваться; в годы польского восстания 1830 года они шли своей дорогой, боролись за свои права, в период польского восстания 1863 года белорусский народ также восстал, руководимый своими вождями. Галиция, оказавшаяся в составе Австро-Венгерской империи, про-

должала страдать от польского гнета. «Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию»¹. Но украинцы в Галиции не переставали бороться за свои национальные права, за свою культуру. Культурным центром Галицкой Украины был Львов; здесь еще в 1784 году был основан университет. Во второй половине века были созданы украинские общества «Руска Бесида», «Просвита», «Наукове т-во им. Шевченка». Львовские ученые проводили большую работу по изучению истории Украины. Галиция выдвинула такого выдающегося украинского писателя и деятеля, как Ив. Франко. Национальное движение шло здесь с самого начала под флагом объединения украинского народа и соединения с народом русским.

Империалистическая война и пролетарская революция в России положили начало новому, советскому этапу в истории украинского и белорусского народов. Но империалистические страны Европы использовали тяжелые годы разрухи, в которые началось строительство СССР, чтобы снова захватить Западную Украину и Западную Белоруссию.

В результате версальского мира империалистами Антанты была создана лоскутная, многонациональная панская Польша, которая была задумана ими как щит против Германии и плацдарм для нападения на СССР. В нее насильственно были включены и Западная Украина и Западная Белоруссия. Апетиты незадачливых руководителей польского государства простирались и дальше, но третий поход Антанты, организованный силами белополяков и Врангеля, потерпел неудачу, и Красная Армия появилась под стенами Варшавы и Львова. Предательская деятельность троцкистов сорвала достигнутый Красной Армией успех и отдала украинские и белорусские земли еще на 19 лет во власть Польши. В составе нового польского государства оказалось не меньше 8 миллионов украинцев и 3 миллионов белорусов. Эти годы были годами самой жестокой эксплуатации народных масс Западной Украины и Западной Белоруссии, самого ничтожного попрания их национальной культуры. Правительство панской Польши проводило систематическую политику захвата земель украинского и белорусского крестьянства, передававшихся польским помещикам и польским военным колонистам — «осадникам», — вытес-

нявшим украинских и белорусских крестьян с их земель, обрекая их на голод. Даже западная буржуазная пресса не могла скрыть ужасающего положения украинского и белорусского крестьянства.

Польские помещики стремились полностью ополячить украинское и белорусское население; была проведена полная полонизация школ: количество белорусских школ, по данным 1935 г., во многих белорусских районах падает до 1%, количество украинских в украинских национальных районах — до 2,5%. Полонизации подвергся старейший центр украинской науки — Львовский университет.

Народные массы Украины и Белоруссии отвечали на растущий гнет упорной борьбой, выступая с оружием в руках против представителей польского государства, против польских помещиков. Мощное крестьянское восстание охватило в 1933 году Львовское воеводство. Крестьянские движения с тех пор не прекращались.

Польское государство, построенное на системе самого безудержного национального и классового угнетения, распалось при первом серьезном испытании. Советский Союз принес освобождение населению Западной Украины и Западной Белоруссии, дал возможность братьям украинцам и братьям белорусам свободно строить новую жизнь и развивать свою национальную культуру.

История Советского Союза показала народам всего мира, что «победа советов и установление диктатуры пролетариата является основным условием уничтожения национального гнета»².

Украинский и белорусский народы, рабочие и крестьяне Советской Украины и Советской Белоруссии сами строят свою жизнь, показывая великий пример трудящимся капиталистических стран.

Население Западной Украины и Западной Белоруссии впервые получает возможность решать свою национальную судьбу. 22 октября будут избраны депутаты в Народные (национальные) собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. Взоры всех украинцев и белорусов обращены к Советскому Союзу, к великому вождю народов — товарищу Сталину.

«Мы отдадим свои голоса тем депутатам, которые будут голосовать за присоединение Западной Украины к Советской Украине, за советскую власть на нашей земле», — говорят трудящиеся города Львова. То же повторяют многочисленные собрания рабочих, крестьян, интеллигенции Западной Украины и Западной Белоруссии.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 121. 1934.

² Там же, стр. 67.

КРУШЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVIII ВЕКЕ

1

Польша XVI—XVIII веков была дворянской республикой. Господствующим классом в ней было шляхетство, многочисленное как ни в одной другой стране¹.

«Золотые вольности» польской шляхты разрослись до таких пределов, что ей могли позавидовать дворяне всех стран Европы: шляхта владела всеми природными богатствами, без всяких ограничений распоряжалась судьбами крепостного крестьянства, господствовала над городами, могла беспопытно торговать, фактически не знала судебной ответственности, избирала королей, путем сеймиков и сейма управляла страной.

В польской литературе XVI—XVII веков встречаются любопытные произведения, из которых видно, как много мнила о себе шляхта.

«Шляхетство подобно возжелному светочу,— пишет Гуршицкий в книге «Польский придворный», — который освещает добрые и злые поступки людей, возбуждает к доблести, как боязнью хулы, так и надеждою на честь и славу».

По мнению Николая Рея из Нагловиц, «правое шляхетство есть некая чудная сила и настоящее гнездо доблести, славы, достоинства и чести»².

В действительности картина была другая. По экономическому положению и политической роли польское дворянство делилось на несколько групп. Только меньшая часть его представляла собою богатых или среднего достатка помещиков. Другая часть разорилась, превратилась в малоземельную, так называемую загоновую, шляхту, которая сама обрабатывала поля, то есть в экономическом отношении опустилась до уровня холопов. «Семеро шляхтичей из Ошмян ведут одну козу на торг», «Если собака сядет на землю шляхтича, то хвостом достанет землю его соседа» — такие народные поговорки сложились об этой шляхте. В Мазовии можно было наблюдать дворянина, который сам обрабатывает свою землю босиком, но с саблей на боку и даже в шпорах!

¹ Оно составляло почти десятую часть населения.

² См. «Славянский сборник». Т. III. 1876. В. В. Макушев «Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI века».

Третья часть шляхты получила не требующее разъяснения название «голоты» и не обладала полными шляхетскими правами. Дворянин, который давно не имеет средств к жизни, но не трудится из-за панской сени; нахлебник и подхалим богатого пана, готовый на самые грязные услуги; вор, разбойник — этот тип «нищего рыцаря», известный всей Европе, — стал особенно хорошо знаком Польше.

На другом полюсе дворянства стояли магнаты — богатейшие во всей Европе помещики, получившие многозначительное прозвище «королевят».

Вот часть «регистра имений и оседлых хозяйств» «королевенка» Иеремии Вишневецкого в XVII веке³:

Название населенных пунктов	Счет хозяйств	Количество мельниц
Лубны	2 646	40
Хорол	1 297	8
Пирятин	1 749	38
Золотоноша	273	13
Прилуки	366	36
Полтава	812	11
Монастырище	939	12
Ичня	1 494	3
Варва	2 037	21
Ромен (Ромны)	6 000	—
Лохвица	3 325	35
А всего 54 названия	39 610	423

Каждое хозяйство платило в год по 5 талеров оброка, мельницы — по 2 червонных злотых. Кроме того Вишневецкие получали огромные доходы от фольварков, от городов и местечек.

Князья Острожские имели главным образом на Правобережной Украине 24 города, 10 местечек и сотни сел, где одних православных церквей насчитывалось до 600. Годовой доход Острожских равнялся 2 миллионам золотых довоенных рублей. Щенский-Потоцкий имел 130 тысяч крепостных, а литовский князь Карл Радзивилл — 300 тысяч и несколько десятков городов и местечек. Только денежный доход его превышал 6 миллионов золотых довоенных рублей.

Каждый магнат содержал многочисленный двор из средней и мелкой шляхты и холопов. У Любомирского двор насчитывал 6 тысяч человек, а на войну он выводил 9 тысяч; Острожские собственными сила-

³ Из рукописи Михаила Вишневецкого.

ми в 7—8 тысяч человек подавили несколько восстаний на Украине; Карл Радзивилл имел 10—12 тысяч и т. д. К числу магнатов относились также Потоцкие, Чаргорыйские, Яблоновские, Сапегы, Кошецпольские и другие.

В руках магнатов находились все высшие государственные должности. Так, за 287 лет (с 1507 по 1794 год) Радзивиллы были 5 раз великими маршалами, 6 раз—великими канцлерами, 4 раза—великими гетманами. В руках магнатов находилась и власть на местах (должности воевод, старост, каштелянов), и они совершенно своевольно распоряжались в воеводствах и районах своих владений.

Опираясь на огромные материальные богатства, на шляхетские партии, эти «королевята», эта аристократия и представляла собой действительных хозяев страны, ту силу, которая играла решающую роль в жизни Речи Посполитой.

По отзывам как современных эпохе авторов, так и последующих исследователей, польское дворянство, возглавляемое аристократией, находилось в состоянии морального разложения. Его характерными чертами были отсутствие интереса к государственной и общественной жизни, крайняя расточительность, пренебрежение к хозяйству, беспрестанная борьба магнатских партий.

«Скажите мне,—спрашивает Збылитовский, поэт при дворе Стефана Батория,—на что обращаете вы свои доходы? На роскошь, на одежду, на дворню, на дорожные экипажи, на кушанье, на вино. У иного больше слуг чем крестьян в деревне, а иной и деревню заложит, чтобы подать обед на 100 блюд»¹.

Действительно, польская роскошь поражала всю Европу. В домах богатых панов можно было встретить полы из серебряных досок, позолоченные потолки, украшенную драгоценными камнями мебель, посуду из чистого хрусталя, коралловые вилки и т. д.

Еще поразительнее было обжорство шляхты. Вот яркая картина, нарисованная уже упомянутым писателем XVI века Николаем Ресм из Нагловиц²: «Каков должен быть желудок, чтобы переварить эти склеенные, замороженные, сожженные кушанья, облитые вином и ликерами блюда. Потом лей в горло соки, вигнахеры, розекры, ривулы, мальвазию, мускателли»³. Как же от этого не стонет? Как же можно при этом долго жить? Иной, как обожравшийся пес, едва дотащится до своей берлоги, и еще хорошо, если за столом же не издохнет... Иные уж на ногах не дер-

жатся, а иногда на землю падают и валяются, как свиньи, продолжая лить себе в горло. Иной три раза завернет за угол и еще хорошенько губ себе не вытрет, а уж кричит: «Налей еще!» Блюют, чтобы пить, и опять пьют, чтобы блевать».

Многие литературные произведения отмечают, что к этому времени в Польше «настали раздоры, место умеренности заступили надменность, любостыжание, корыстолюбие, духовенство упало, король, сенат и все вообще потеряло значение...» «Какие убийства, клевета, вражда, того и гляди, что один бросится на другого».

Так выглядело в действительности «гнездо доблести, славы и силы». Казалось, что каждое поколение польского дворянства стремилось проводить свою жизнь в полном соответствии со словами Людовика XV: «После нас—хоть потоп».

Панская Польша даже к концу XVIII века не имела промышленности, а политическая роль городов в ней была ничтожной.

«Страна, которая упорно сохраняла неразрушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города,—такая страна была обречена на гибель»⁴, — писал Энгельс.

Несмотря на повсеместное распространение денежной ренты преобладающей формой эксплуатации крестьян была рента отработочная; второе место занимала рента продуктовая.

Хотя Польша вела большую торговлю с Европой, особенно торговлю хлебом⁵, но ее связи со странами развивающегося капитализма не привели ни к созданию промышленности, ни к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Возникшие в XIV—XVI веках местные рынки в городах, славившихся ремеслом и торгами: Гнезно, Познань, Велюнь, Калиш, Чхов и т. д. и т. д.,—начали приходить в упадок, не успев сложиться в национальный рынок; промышленное производство оставалось в них на стадии ремесла (нигде, ни в одной отрасли оно не дошло до уровня мануфактуры), причем ремеслен-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 159.

⁵ «Житница Европы», как называли тогда Польшу, вывозила волов, лошадей, строевой лес, пеньку, лен, соль, поташ, олово, медь, воск, кожи и особенно хлеб—до 365 тысяч ласт в год—(ласт равняется 2 тоннам). Ввозились металлические изделия, сукна и много предметов роскоши. Общая сумма вывоза в начале XVII века составляла 80 миллионов германских марок в год.

¹ «Славянский сборник», стр. 76.

² Там же, стр. 114.

³ Разные вина.

ное производство ни одного товара не достигло европейского масштаба.

К XVII веку упадок польских городов достиг предела: целые местечки и селения исчезали с лица земли. В городах, где в былое время ремесленники насчитывались сотнями, оставались только единицы, сообщает польский историк Лелевель.

Упадок этот был вызван отчасти войнами, но в большей степени тем, что города по мере падения роли центральной власти оказались в полной зависимости от шляхетского произвола на местах. Города лишили самоуправления, начали регламентировать продажные цены и прибыль купцов и т. д. Упадок городов, торговли и ремесла объяснялся также неучисляемыми, самыми разнообразными поборами и притеснениями со стороны шляхетских городских властей; шляхетские шайки не ограничивались этим, а совершали вооруженные наезды на города и грабили их; поляк, занимавшийся купеческой деятельностью, терял шляхетское звание: столь постыдным делом считалась торговля.

Города в Польше не сыграли той роли, не имели того значения, какое они приобрели, скажем, во Франции: они не боролись за укрепление центральной прогрессивной власти и преодоление феодальной раздробленности страны.

Во второй половине XVIII века в Польше началось было создание промышленности (в 1765 году была основана «Акционерная компания шерстяных мануфактур», основали мануфактуры Салега, Чарторыйские и другие), но развиться она не успела. Предприятия были маленькие (20—40 человек), руководящую роль в них играли иностранные мастера, а основную рабочую силу составляли крепостные.

Возникшие в Польше довольно крупные банки (Шульца, Кобрита, П. Потоцкого и др.) обслуживали не промышленность и торговлю, а дворянство и в большинстве потерпели крах. Характер и положение Варшавского банка Темпера видны из того, что в 1793 году ему были должны: король—5 миллионов злотых, Радзивилл—2 миллиона злотых, Потоцкий—1,8 миллиона злотых и т. д.

Положение крестьян в Польше можно характеризовать словами Руссо из его сочинения по поводу реформ в Речи Посполитой: «Польская нация состоит из 3 сословий: дворян, которые составляют все, мещан, которые не составляют ничего, крестьян, составляющих менее, чем ничто».

«Менее, чем ничем» польское крестьянство стало в конце XV и в XVI веках, когда странам развивающегося капитализма потребовался привозный хлеб, и в

Польше, ставшей житницей Европы, выросли за счет обезземеления крестьянских хозяйств многочисленные фольварки и развернулся процесс редкого в истории по своей чудовищности закрепощения и эксплуатации крестьянства.

За это время крестьяне превратились в холопов, в быдло (так называли в Польше скот), они как вещь принадлежали помещикам. Помещик имел право убивать своих холопов, и он пользовался этим правом. Так например в 1666 году в имении Концепольского крестьянин Альберт Зыска был приговорен к смертной казни за... нерадивое отношение к хозяйству. Польский шляхтич мог действительно с полным правом кричать своим крестьянам:

«Я пан, я староста, я воевода, я гетман, я король; у короля теперь руки связаны, куда пойдете вы на меня жаловаться?»

Повинности крестьян непрерывно возрастали. В 1520 году в Торуне (Торне) состоялось первое постановление, обязавшее всех крестьян работать на барщине по 1 дню в неделю с лана. В 1530 году барщина уже достигает 2 дней, а в XVII веке местами доходит до 6 дней.

Однако пропорция 1 : 6 далеко не полно отражает рост эксплуатации. Нельзя забывать, что крестьяне в XVII—XVIII веках работали на барщине за меньшие чем раньше наделы, что рабочий день с 8 часов зимой и 12 часов летом, как это было вначале, вырос до 12 часов зимой и 19 часов летом и т. д., и т. п.

Если говорить о календарных днях, то за 12—16 моргов земли и луга в XVIII веке семья обрабатывала на барщине 290—360 дней в году.

Кроме панщины крестьяне обязаны были: 1) оказывать помочи, гвалты (выходить всем на сенокос, уборку хлеба и пр.), которых за лето насчитывалось до 12; 2) вывозить хлеб, лес и пр. в города или к речным пристаням; 3) рубить и возить дрова; 4) чинить мосты, дороги, постройки; 5) пасти помещичьи стада; 6) сторожить панское имущество; 7) устраивать для пана облавы; 8) обслуживать пана в праздники; 9) выполнять разные работы в фольварке; 10) отдавать пану часть шеницы, ржи, овса, меда, рыбы, грибов, мяса, птицы, яиц, хмеля, ягод, дичи, орехов и т. д.; 11) платить чинш; 12) покупать у пана определенное количество продуктов и водки (по качеству хуже, ценою дороже чем обычно); 13) приносить подарки, дани по случаю панских именин, свадеб и прочих семейных событий; 14) строить новые сооружения по принудительной оплате, в 2—3 раза ниже рыночной,—всего далеко не полный перечень крестьянских повинностей.

В этому нужно прибавить поборы в пользу духовенства, а на Украине и в пользу арендаторов церквей; поборы панской администрации; повинности при расквартировании войска и т. д.

Рост эксплуатации крестьянства вызвал усиление классовой борьбы и привел к восстанию 1648 года, охватившему Украину и целый ряд областей Белоруссии и Польши.

После этого восстания закрепощение и эксплуатация крестьянства еще более усилились.

Последствия этого не замедлили сказаться: начался упадок сельского хозяйства, огромный рост коморников, халупников, загородников¹, уменьшение скота, сокращение пашни, падение урожайности. Бедность крестьян достигла таких размеров, что ей удивлялись даже русские проезжающие помещики.

Подорвав благосостояние крестьян, шляхта разрушила этим самым производственную основу барщинного, фольварочного хозяйства, и оно также пришлось в упадок. Резко сократилась продажа хлеба и скота за границу.

Вся система крепостного хозяйства вступила в период загнивания, в период кризиса, выход из которого лежал в ликвидации крепостной системы.

В XVIII веке передовые представители дворянства начинали понимать, что сохранение крепостного строя ведет к упадку Польши. Эти настроения находили яркое отражение в литературе того времени.

Отдельные авторы правильно рассматривают крепостное право как основную причину различных бедствий Польши, ее военной слабости, отсутствия промышленности и т. д.

Произведения ряда писателей того времени являются яркими документами, свидетельствующими о бедственном положении угнетенного крестьянства.

«Я вижу, — пишет Сташица, — миллионы творений, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или грубой сермягой; все они высохшие, обнищавшие, сбросившие волосы, закоптевшие... Наружность их с первого взгляда выказывает более сходства со зверем чем с человеком... Пища их—хлеб из нещросянной муки, а в течение четверти года—одна мякна... Жилищами им служат ямы или немногие возвышающиеся над землей шалаши. В этой смрадной и дымной темнице хозяин, утомленный дневной работой, отдыхает на пылой подстилке; рядом с ним спят нагишом малые дети на том же ложе, на котором стоит корова

¹ Безземельные и малоземельные крестьяне.

с телятами и лежит свинья с поросятами!»².

«Имейте же вы сердце! — обращался Сташица к шляхте.—И вы еще христиане... Есть ли у вас любовь к отечеству? Вы не граждане, но враги Польши... ваша жестокость не только губит живущих, но и кладет вечное препятствие для Польши подняться со славою; мешая росту населения, задерживая увеличение урожаев, она распространяет неволю на поколения отдаленных времен... Опомнитесь! Я вижу страшное несчастье над вашими головами!»³.

Чрезвычайно интересны указания Макульского о холотеских бунтах: «Новсюду жалуются на бунт (!), но будем жаловаться не на крестьян, а на панов, чтобы они не утесняли, охваченные ненасытной жадностью, своих крестьян. Что земледелец находится в угнетении, что он ценится наравне со скотом, а по временам еще гораздо менее цени, за убийство которого, случались примеры, он кончал свою жизнь на виселице или на суку, не может подлежать ни малейшему сомнению»⁴.

Отдельные паны—Андрей Замойский в 1760 году, родственник короля Понятовский в Корсунском имении и другие перевели полностью крестьян на оброк и начали вводить крестьянское самоуправление. Но даже эти робкие и единичные мероприятия вызвали такие нарекания шляхты, что Замойскому пришлось от них отказаться.

Литературная полемика XVIII века по крестьянскому вопросу показывает, что прогрессивная прослойка среди дворянства, стремившаяся к перестройке аграрных отношений, была очень мала; эта полемика вместе с тем вскрывает, как велик был страх всего дворянства перед грозным призраком приближавшейся крестьянской войны.

2

Маркс и Энгельс много раз подчеркивали, что политическая централизация является исключительно могучим средством для развития страны. Это средство в Польше отсутствовало целиком и полностью. Энгельс указывает, что Польша находилась в состоянии полного развала, была «неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному дей-

² Перевод здесь и в последующих выдержках по В. В. Макушеву. «Славянский сборник». Т. III. 1876.

³ Там же.

⁴ Там же.

ствию»¹. Энгельс называл польскую конституцию лучшим средством... для разрушения Польши!².

Действительно, центральное правительство—король и сейм, высшие чиновники—не обладало реальной властью. Они не имели ни узаконенных прав, ни силы воздействовать на воеводства (административно-территориальная единица Речи Посполитой), во главе которых стояли сеймики, воеводы, старосты и каштеляны. Каждый сеймик имел не только возможность, но и узаконенное право срывать мероприятия центральных властей.

Сейм и сеймики могли принимать решения только единогласно. Между тем каждый шляхтич на сеймике, каждый участник сейма имел знаменитое право *liberum veto*, то есть запрета любого решения. «*Nie pozwalam!*» — кричал депутат сейма,—и это *veto*, не менее магическое чем табу австралийских дикарей, парализовывало всю государственную машину: обсуждаемый закон не принимался, сейм расходился, и все его прежние решения считались недействительными. Кроме того шляхтичи имели узаконенное право создавать конфедерации и с оружием в руках бороться против правительства, проводящего невыгодную им политику.

В 1652 году депутат Сицинский впервые сорвал сейм, используя право *liberum veto*. С этого времени до 1763 года из 55 сеймов было сорвано 48, то есть 87%, многие—в результате явных подкупов: сейм 1669 года был сорван Олизаром за 600 злотых, сейм 1680 года—Городинским за 600 талеров и т. д.

Разорение или обогащение панов зависело от того, займут или не займут они высшие государственные должности, которые приносили огромные доходы, были источником дополнительной эксплуатации национальных богатств страны. Отсюда жесточайшая борьба за эти должности магнатских партий, многочисленных конфедераций.

Государственная машина Речи Посполитой оказывалась несостоятельной даже тогда, когда должна была выполнить главную свою функцию — привести в покорность эксплуатируемых. Общеизвестно, что для подавления восстания 1648 года шляхта на протяжении двух лет не соглашалась созвать «посполитое рушение» (всеобщее ополчение шляхты); она проявила прямое нежелание сражаться под Пилявами, у Збаража и Зборова; даже после победы у Берестечка шляхта немед-

ленно разбежалась, не дав полностью использовать результаты победы.

К выполнению другой своей функции — защите территории от соседей — польское государство оказалось в XVII—XVIII веках приспособленным еще меньше. Одно оно во всей Европе почти не имело государственного бюджета и регулярной армии.

Речь Посполитая представляла собой не централизованное государство, а, скорее, слабый союз воеводств.

Почти каждое избрание короля сопровождалось ростом шляхетских «вольностей». Если наемные солдаты Рима в дни его упадка торговали императорской властью, то польская шляхта не менее успешно торговала королевским местом: оно доставалось тому, кто обещал больше «вольностей», а после исчерпания этого фонда,— кто щедрее сынал звонкую монету.

Для создания централизованного государства в Польше отсутствовали необходимые исторические условия. Если в Московском государстве царская власть в борьбе против боярского партикуляризма опиралась на дворянство, то в Речи Посполитой отношения между королем, магнатами и шляхетством были совсем иными, а роль шляхетства как военного и политического фактора была неизмеримо меньшей чем роль дворянства в Московском государстве.

Буржуазия в Польше в силу слабого развития польской промышленности не сыграла той роли, какая была ей свойственна в ряде других стран в создании централизованной, сословной, а потом абсолютной монархии.

Самый процесс складывания польского государства совершался в таких исторических условиях, которые с самого начала придали ему своеобразные черты.

Основным условием возникновения многонационального польского государства явилась потребность самообороны для поляков, литовцев и русских от татар, а потом от немецких рыцарей на берегу Балтийского моря. Однако внешняя опасность недолго действовала как фактор централизации: уже в XV веке тевтонский орден был разгромлен, а на Востоке вокруг Москвы образовалось сильное национальное русское государство, к соединению с которым начинают стремиться белоруссы, украинцы и русские, входившие в состав Речи Посполитой.

Вопреки хвастливым писаниям польских историков не Польша, а русские княжества заслонили Европу и Польшу от татар; не Польша, а Венгрия и Австрия, а потом Россия сыграли главную роль в борьбе против турок.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

² Там же, стр. 14.

Несмотря на то что от турок и татар Польша была заслонена Россией, Австрией и Венгрией, а раздробленная Германия и отделенная морем Швеция не угрожали Польше, польская шляхта продолжала вести многочисленные войны, причем к этим действиям польских панов вполне применимы слова Энгельса: «Бессмертной является у поляков только их беспредметная драчливость». Чем иным, как не «драчливыми глупостями», являются авантюристическая попытка в XVII веке подчинить себе сильное Московское государство, многочисленные войны со Швецией во имя интересов королей династии Вазы, бесполезные, но дорогие походы против турок в Молдавию?

Начиная со второй половины XVII века Польша неизменно терпела поражения в войнах, и ее хозяйство окончательно разрушалось.

В 1660 году Польша потеряла Лифляндию, Смоленско-Северские земли и Левобережную Украину. Но едва было подписано Андрусовское перемирие (1667 год), как Польша начала двадцатилетние (70—90-е годы) турецкие войны, принесшие стране новые разорения. А в 1700 году Польша снова вступила в войну — это была знаменитая Северная война, которая окончательно подорвала хозяйство страны и привела ее к потере самостоятельности: Август II был восстановлен королем Польши волею и силою Петра I.

Постепенно иностранные державы начали играть решающую роль во внутренних делах Польши; разные магнатские партии стали постоянно ориентироваться на Россию, Австрию, Пруссию, Саксонию, Францию. Дипломаты этих стран заводили постоянные фонды для «пенсий» и «подарков» влиятельным польским лицам, то есть подкупали их.

Именно тогда родилась в Польше горькая крылатая фраза «Польша стоит беспорядком» и Польша сравнивалась с заезжей корчмой, которой охотно пользуются, но не платят.

Речь Посполитая в границах до 1772 года состояла из собственно Польши, Украины, Литвы, Белоруссии и Курляндии. На долю собственно Польши приходилось не более $\frac{1}{3}$ территории: граница Украины шла на юге значительно западнее реки Сан, в направлении на Люблин, а граница Белоруссии лежала значительно западнее Брест-Литовска и Белостока.

Если поляки в Польше XX века составляли около 60%, то в Польше XVIII века они составляли много менее половины населения.

Многонациональное польское государство с полным правом можно было назвать

тюрьмой народов. Если положение польского крестьянина было тяжелым, то втрое тяжелее было положение крестьян белорусских и украинских: на них еще обрушивался национальный и религиозный гнет.

Так называемая политика «пацификации кресов» (замирения окраин) и карательных экспедиций против крестьян Западной Украины и Белоруссии, которую проводило правительство Польши в XX веке, не является новой: подобную же политику, только в другой исторической обстановке, проводило польское панство в XVII—XVIII веках. Самые гнусные издевательства, самые утонченные пытки обрушивали паны на белорусских и украинских крестьян. Общеизвестно, что именно на Украине, в имениях некоторых панов, стояли виселицы для расправы с крестьянством. Общеизвестно, что даже у украинского шляхетства и казачьих старшин магнаты отбирали земли и разные права. Общеизвестно, что именно на Украине польские магнаты и шляхта сильнее всего притесняли купечество и ремесленников в городах.

Одним из самых сильных средств для ополячивания украинцев и белорусов паны считали католическую религию. Отсюда навязывание ее силой, сопровождавшееся издевательствами над религиозными чувствами народа.

Польские паны являлись в уже заселенные, освоенные украинцами районы для закабаления населения. Польские войска вырезывали целые села, не щадя ни детей, ни стариков. Хищнически уничтожали они леса и расхищали другие богатства. Систематически уничтожали украинские и белорусские библиотеки и другие культурные ценности.

В письме к Марксу от 23 мая 1851 года¹ Энгельс, сравнивая роль русских и поляков в многонациональных русском и польском государствах, писал:

«Чем больше я размышляю, тем яснее мне становится, что поляки — une nation foutue², которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *raison d'être*. Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрес-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXI, стр. 210—211.

² Разложившаяся, никудышная нация.

сивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение. Напротив, Россия действительно играет... цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар; и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленности, чем вся, по самой природе своей барски-ленивая, Польша».

Убийственная для польских панов характеристика Энгельса с необычайной глубиной раскрывает причины гибели Речи Посполитой. Совершенно очевидно, что польское многонациональное государство, возглавлявшееся господствующим классом, который как собственному польскому народу, так и другим народам ничего не принес, кроме угнетения и драчливых глупостей, не могло не быть до крайности шатким и неустойчивым.

Польские буржуазные историки очень много потрудились над тем, чтобы всячески замазывать и отрицать классовую и национальную борьбу в Польше.

В действительности же крестьянство в Речи Посполитой вело острую классовую борьбу и не раз поднималось на классовые битвы, самая значительная из которых началась в 1648 году.

События 1648 года — это общепольское по масштабу, по составу участников и по своим последствиям событие, это грандиозная по размаху, по упорству, по длительности народная война против панов, одна из самых больших в Европе. Восстание украинского народа против польского панства неразрывно переплеталось здесь с восстанием крестьян в Литве, Белоруссии и в самой Польше, а борьба против гнета национального с борьбой крестьян против крепостного права, причем классовый крестьянский характер движения стал явно преобладать во втором этапе борьбы.

Войско Хмельницкого, как и отряды крестьян, было многонациональным по составу: кроме украинцев там были русские, белоруссы, чехи, венгры, валахи и даже поляки. Как ни прячут польские историки последнее обстоятельство, оно все же остается несомненным. Например, когда польское войско шло на выручку Збаражю, то из числа панских слуг-холопов массами бежали к Хмельницкому не только украинцы, но и поляки: «Уж такая у нас неприязнь черни к шляхетству», — с сожалением замечает автор этого сообщения.

До этого на Украине и в Белоруссии, как в XVII так и в XVIII веке, был целый ряд крупных восстаний — крестьянских и казацких, а также городских.

Во второй четверти XVIII столетия на Правобережной Украине снова началось широкое народное движение против панства (гайдамаки), принимавшееся по временам до уровня больших и ожесточенных восстаний в 1734, 1750, 1768 годах и др. В самой коренной Польше широко распространены были такие формы классовой борьбы, как бегство на Украину, к казакам, в Россию, в Силезию, плохое выполнение барщины, поджоги и убийства помещиков и т. д.

Распад Польши, по сути дела, начался с 1648 года, когда народ угнетенной Украины восстал против польского господства и порабощения. С этого момента национальная и классовая борьба стала столь острой, что польское дворянство могло поддерживать свое господство только свирепым террором. С этого момента украинские, белорусские и даже польские крестьяне в период вооруженных столкновений польского государства с русским государством неизменно переходят на сторону последнего. Вопрос о гибели Речи Посполитой стал вопросом только времени.

Раздираемая классовой и национальной борьбой, разоренная войнами и хищничеством дворян, Речь Посполитая находилась в состоянии полного внутреннего развала. В то же время господствовавшие в Польше политические порядки открывали дорогу постоянному вмешательству иностранных государств во внутренние дела Польши, их прямому воздействию как на ход управления страной, так и на выборы королей.

Политическая история Польши последних десятилетий XVIII века и является историей быстрого сокращения территории польского государства, отторжения от него отдельных ранее насильственно захваченных им областей и затем полного его падения.

3

Под влиянием развивавшейся во Франции буржуазной революции в Речи Посполитой созрели планы государственных реформ. В 50-х годах XVIII столетия носителями этих планов были братья Чарторыйские, могущественные магнаты, возглавлявшие русскую партию, — в Петербурге ее интересы представлял Станислав Понятовский. В это время Россия уже добилась значительного влияния в Польше. Уже со времени польского короля Августа Саксонского, который пользовался военной поддержкой Петра I, русские войска не покидали территории Польши.

Партия Чарторыйских пришла к власти после сейма 7 мая 1764 года, созванного для избрания короля (Август III умер в

1763 году). Наличие русских войск дало перевес Чарторыйским; их противники во главе с Браицким, Карлом Радзивиллом, Любомирским, Ф. Потоцким удалились, заявив протест; королем стал Станислав Понятовский — любимец и ставленник Екатерины II.

Зауважав противников (у Карла Радзивилла, например, были отняты его владения), партия Чарторыйских провела следующие реформы: 1) установила определенный порядок проведения сеймовых заседаний, в частности отменила обязательность сеймовых инструкций для послов сейма и *liberum veto* при решении экономических вопросов; 2) вернула самоуправление городам; 3) упорядочила деятельность судов и др.

Но Чарторыйские глубоко ошиблись, надеясь использовать царскую Россию как орудие своей политики, как орудие укрепления Польши: Екатерина II потребовала от Польши заключения наступательного и оборонительного союза, почти равносильного признанию протектората. Когда же Чарторыйские отказались, Екатерина II начала поддерживать враждебную им партию, которая, конечно, одержала верх и отменила большинство нововведений.

Но довольствуясь этим, Екатерина II решила нанести новый удар Речи Посполитой. Репиншу, послу в Варшаве, было поручено создать конфедерацию из диссидентов¹. В 1767 году конфедерация была готова; во главе ее согласился стать Карл Радзивилл, который получил назад свои имения в награду за измену родине.

Диссиденты потребовали уравнивания в правах с католиками, обратились за помощью к Екатерине, и вскоре русские войска вступили в Варшаву. Сейм 1768 года дал диссидентам все права, за исключением права быть избранными в короли.

Но едва делегаты сейма оказались вне Варшавы, как в Баре, небольшой крепости на юге, 29 февраля 1768 года, во главе с Красицким и Пулавским была основана конфедерация и началась война против России. Конфедераты рассчитывали не столько на собственные силы, сколько на победу Турции над Россией, на помощь Франции и Австрии. Однако Турция терпела поражение за поражением, расчеты на иностранную помощь оказались ошибочными, и русские войска проникли в центр страны.

В это время прусский король Фридрих II, давно мечтавший о польской добыче,

развил энергичную дипломатическую деятельность. Боясь встретиться против себя единый фронт Австрии, Франции и Пруссии, Екатерина решила уступить Фридриху II часть Польши. По выражению Энгельса, Екатерина бросила кость, из-за которой Пруссия сто лет смиренно сидела на цепи.

5 августа 1772 года первый раздел Речи Посполитой был оформлен: Пруссия получила Померанию, за исключением Данцига и Торна, Россия — Белоруссию, Австрия — Галицию.

Сейм 1773 года, утвердивший эти присоединения, показал гнусную продажность гальского дворянства. Матшал сейма Адам Понинский получал от иностранных правительств «пепсию» по 3 тысячи червонцев в месяц. Депутатам сейма за молчание платили по 200—300 злотых, а за выступления в пользу России, Австрии и Пруссии — больше.

Едва начались военные действия, как на Украине в 1768 году вспыхнуло большое крестьянское восстание. Народ Правобережной Украины, стремясь сбросить польское иго и осуществить свое давнее желание о присоединении к России, начал громить панов. Запугали польские фольварки, толпы панов бежали в города, но и там они не были в безопасности. На всю Польшу стали известны имена вождей повстанцев Железняк и Гонты и жестокая их расправа с угнетателями.

События 1768 года наглядно показали панам, что польскому государству грозит распад, что оно не в состоянии воевать против России, так как украинское и белорусское население поддерживает русские войска.

Уроки 1772 года, жгивительное влияние французской буржуазной революции 1789 года пробудили к жизни буржуазию и горожские низы Варшавы, усклчили прогрессивную часть дворянства, усклчили движение в пользу реформ. В такой обстановке собрался в 1788 году сейм, заседавший 4 года, этот своего рода польский «долгий парламент».

В конце своей деятельности сейм 3 мая 1791 года принял конституцию, которая отличалась крайней умеренностью и носила компромиссный характер, но все же в целом была в интересах укрепления польского государства. История принятия этой конституции такова.

Прогрессивные депутаты тайно сговорились и после роспуска сейма на пасхальные канюкулы вдруг съехались в Варшаву. Они подготовили войска, подняли население города и, заставив смолкнуть малочисленную оппозицию, приняли новую конституцию, внесенную королем. Вдохновите-

¹ Так назывались в Речи Посполитой православные и лютеранские шляхтичи, которые не имели собственных католической шляхте прав. Они добивались их много лет.

лями и руководителями этого дела были Гугон Колонгай и Игнаций Потоцкий, к которым применили маршал Малаховский, король и др.

Конституция была направлена на создание сильной центральной власти, способной обеспечить общенациональные действия. Предстояло выбрать нового короля — намечали саксонского курфюрста с тем, чтобы королевская власть стала наследственной, а король обладал реальной исполнительной властью. Конфедерации и *liberum veto* уничтожались.

Города получили довольно широкие возможности для развития: в них было восстановлено самоуправление, а так называемые королевские города получили представительство в сейме. Мещанам разрешили покупать земли, занимать государственные должности, облегчить получение шляхетского звания¹.

Было объявлено, что крестьяне подлежат защите закона и суда, что для помещиков выполнение договоров с крестьянами обязательно. Однако все это осталось на бумаге: положение крестьянства не улучшилось.

Было решено создать регулярную армию в 100 тысяч человек. Для содержания ее установили налог (так называемый десятый грош), который должен был дать 40 млн. гульденов (а дал только 6 млн. гульденов).

Прогрессивная часть дворянства в союзе с крупной и мелкой буржуазией стремилась при помощи реформ превратить Речь Посполитую в конституционную монархию. Эти реформы создавали некоторые предпосылки для капиталистического развития Польши. Изменений аграрных отношений конституция 1791 года еще не принесла, но она была подготовкой к этим изменениям.

В период 4-летнего сейма руководители Польши в области внешней политики стремились решить две следующие задачи: 1) разбить союз России, Австрии и Пруссии; 2) заключить союз с сильной страной. «Нельзя нам оставаться без союза, который бы обеспечил существование имени и народа польского», — говорил И. Потоцкий на сейме.

В этот момент опять активно выступает на дипломатической сцене Пруссия, послы которой — Бухгольц, а потом Люккезини — начинают тонкую игру, изображая Фридриха другом Польши.

Сейм в письме послу Фридриха II, Бухгольцу, в 1788 году именует Фридриха «могущественнейшим и добродетельнейшим

государем», «великодушным», «соседом и другом» и выражает «живейшую и искреннейшую благодарность» за «охрану целостности Польши».

Сейм пошел на обострение отношений с Россией, воевавшей против Турции (1787—1791 годы) и Швеции (1788—1790 годы), и даже потребовал удаления из южной части Польши русских войск, что Екатерина и вынуждена была сделать. Союз с Пруссией стал для Польши еще более необходим. А после его заключения прусский посол Люккезини писал Фридриху: «Теперь, наконец, эти люди у нас в руках и будущее Польши зависит от наших соображений».

В расчеты Екатерины не входило ни усиление прусского влияния в Польше, ни усиление самой Польши, ни рост в ней революционной пропаганды, противившейся из Франции, ни аграрные реформы. И едва начал вырисовываться конец турецкой войны, как Екатерина поручила послу Булгакову взорвать конституцию 1791 года.

Булгаков избрал протеренный путь. Еще раньше он писал в Петербург: «Теперь послы прожались и разорились и многие только и живут, что прусскими деньгами; не без основания можно думать, что все падки на деньги и продадут себя тому, кто дороже заплатит» — и начал платить дороже пруссакам. К апрелю 1792 года он отослал в Петербург целый список фамилий — 90 человек, готовых выступить против конституции 1791 года.

Кроме подкупа действовали и другие силы. Ущемленные конституцией магнаты: Щенский-Потоцкий, польский гетман Северин Ржевуский, великий гетман Ф. К. Браницкий — в 1792 году на тайном свидании с Екатериной выразили желание создать конфедерацию против конституции 1791 года. Ничего лучшего Екатерина не могла и желать; она обещала помочь им войсками.

18 мая 1792 года 64 тысячи человек под командованием генерала Коховского вступили на Украину и 32 тысячи человек под командованием Кречетникова — в Литву. Спустя полгода вступили в Польшу прусские войска. В обозе царских войск следовали «спасители Польши» — магнаты Щенский-Потоцкий и др. В городе Тарговицах основали они конфедерацию, объявив ее целью восстановления шляхетских вольностей, похищенных конституцией 1791 года. Продвигаясь за царскими войсками, конфедераты ширили свои ряды. Только меньшинство шло к ним добровольно, других гнал страх, третьих привлекали рублем, четвертых — батоном.

¹ Не все права, полученные польскими мещанами, распространялись на Литву.

В это время опять началось революционное движение крестьян на Украине и в районах коренной Польши, занятых прусскими войсками.

Тарговицкая конфедерация окончательно расшатала польское государство, окончательно деморализовала шляхту и ускорила падение Польши. Конфедерация привела к новому вмешательству России и Пруссии в польские дела, а вмешательство это окончилось присоединением к России Правобережной Украины, присоединением к Пруссии великопольской провинции.

В 1794 году вспыхнуло восстание Костюшко, направленное против Австрии, Пруссии и России. Оно было подавлено, а вместе с тем и Польша как самостоятельное государство перестала существовать.

На протяжении многих десятков лет среди народа Правобережной Украины жило движение за объединение с единокровной Левобережной Украиной и за свержение ига польских панов.

Объединение двух частей Украины в составе России явилось для украинского и русского народов безусловно прогрессивным фактом.

* * *

Польша в конце XVIII века представляла собою большую страну¹, судьба которой в меньшей мере зависела от внешних сил и в большей мере — от политики господствующего класса, от его желания укрепить и отстоять свое государство, от

¹ Территория Польши составляла в 1772 году свыше 13 тысяч кв. миль, а население — 11—12 миллионов человек.

уменья использовать силу и решимость народных масс для защиты страны. Этих качеств не проявили господствующие классы Польши. Наоборот. «Аристократы несомненно погубили Польшу и погубили ее окончательно. Погубив ее, они стали обвинять в этом друг друга и продали себя и свою страну иностранцам»². Так Маркс характеризует события в Польше конца XVIII столетия.

В сложных и трудных условиях Речь Посполитую могла спасти только народная война. Но эта война была невозможна без коренной перестройки аграрных и национальных отношений. Страх шляхетства перед народной войной, направленной против дворянства, в которую могла перерасти аграрная реформа, был чрезвычайно велик.

Известно, как ведут себя господствующие классы, боящиеся революции: «История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов»³.

В политике польского дворянства, которое путем жесточайшей эксплуатации крестьян, угнетения национальных меньшинств и внешних авантюр довело свое государство до развала, которое во имя своих узко классовых интересов отказалось от перестройки и укрепления государства, от борьбы за его независимость и встало на путь предательства своего народа, — вот в чем прежде всего заключается причина падения в XVIII веке польского государства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIII, ч. I, стр. 159.

³ В. И. Ленин. Собр. соч. Т. IX, стр. 411.

И. Шифман

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(К 50-летию со дня смерти)

Деятельность великого революционного демократа — Николая Гавриловича Чернышевского — имела огромное значение в истории русской культуры и русской общественной мысли. Его жизнь и деятельность составляют одну из самых замечательных страниц в истории революционного движения в России. Без преувеличения можно сказать, что он был крупнейшим русским социалистом всей домарксовской эпохи, гениальным предшественником нашей революции.

Великие основоположники научного социализма чрезвычайно высоко ценили Чернышевского. Карл Маркс в послесловии к «Капиталу» назвал его «великим ученым и критиком». В беседе с Г. А. Лопатиным Маркс говорил, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем, как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли, и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения»¹.

В. И. Ленин в своих работах писал о Чернышевском как о крупнейшем революционном демократе, ближе всех подходи-

шем к вершинам научного социализма. «Вряд ли,—вспоминает Н. К. Крупская,—кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость, и уважал его в чрезвычайно высокой мере».

Ученый и публицист, философ и критик, выдающийся мыслитель и тонкий художник, Н. Г. Чернышевский был властителем дум своих современников и навсегда завоевал любовь будущих поколений.

Чернышевский дорог советскому народу. Он дорог нам как предшественник русской революции, как отважный и мужественный боец за социализм, поднявший во мраке черной реакции знамя борьбы против царского самодержавия, против русских мракобесов и либералов всех мастей. Он дорог нам как выдающийся ученый и мыслитель, сделавший достоянием России самые передовые идеи домарксовского социализма.

Мы ценим его и как выдающегося художника, публициста и критика, создателя материалистической эстетики, работы которого вошли в сокровищницу русской культуры.

Царское самодержавие долгие годы гноило его на каторге. Он пал в самоотверженной борьбе против мракобесия и реакции. Но «беззаветная преданность революции и

¹ Сборник «Герман Александрович Лопатин», стр. 71. Гиз. 1922.

обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»¹.

1

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12 (24) июля 1828 года в Саратове, в семье священника. Детство его протекало в тесном общении с народом. Неизбывное мужицкое горе и нужда, ужасы крепостной кабалы, бесчеловечные преследования раскольников, пошлость и бессмысленность обывательского прозябания в провинциальной глуши — таковы были впечатления детских лет Чернышевского. «Жизнь моего народа, — писал впоследствии Чернышевский, — охватывала меня со всех сторон»².

Рано пристрастившись к книгам, молодой Чернышевский изучает духовную литературу, но вскоре оставляет ее. Свободолюбивые идеи Пушкина, Белинского, Герцена, Жорж Занд, Шиллера захватывают его своей новизной и жизненной правдой. Он ищет в передовой светской литературе ответа на мучительные вопросы окружавшей его действительности.

Поступив 14 лет в семинарию, он обнаруживает недюжинные способности и стремление к самостоятельному мышлению. Здесь он изучает не только европейские языки, но и персидский, арабский и древнееврейский, много читает и вскоре становится по своим знаниям значительно выше своих семинарских учителей.

Начальство семинарии, как и родня Чернышевского, видит в нем будущее светило православной церкви. Но иные жизненные планы были у будущего революционера и мыслителя.

Поступив в 1846 году в Петербургский университет, он с жадностью изучает литературу, в которой заключена передовая европейская мысль того времени. Он работает над произведениями французских историков — Гизо, Тьерри, Мишле, — над книгами основателей политической экономии — Смита, Рикардо, Мальтуса, — над творениями великих философов — Канта, Гегеля, Фейербаха. Особый интерес он проявляет к произведениям представителей утопического социализма — Роберта Оуэна, Фурье, Сен-Симона, Луи Блана и т. д., — к творениям великих материалистов XVIII века — Гельвеция, Гольбаха, Ламеттри, Дидро. В них, а также в русской журналистике того времени, в особенности в статьях Белинского и Герцена, он ищет ответа на вопросы социальной жизни,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 469.

² Н. Г. Чернышевский «Литературное наследие». Т. I, стр. 81.

вставшие перед ним с особенной остротой в связи с революцией 1848 года.

Революция 1848 года потрясла всю Европу. Охватив Францию, Германию, Австрию и Италию, она вызвала революционное брожение почти во всех странах, в том числе и в России.

Впервые на историческую арену выступил пролетариат. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма», — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

На арене классовых битв столкнулись дворянское самодержавие, буржуазный либерализм и мелкобуржуазный демократизм всех мастей. Во Франции в борьбу вступил пролетариат. Революция являлась серьезнейшим испытанием для всех течений революционной мысли, в том числе и для всех систем утопического социализма.

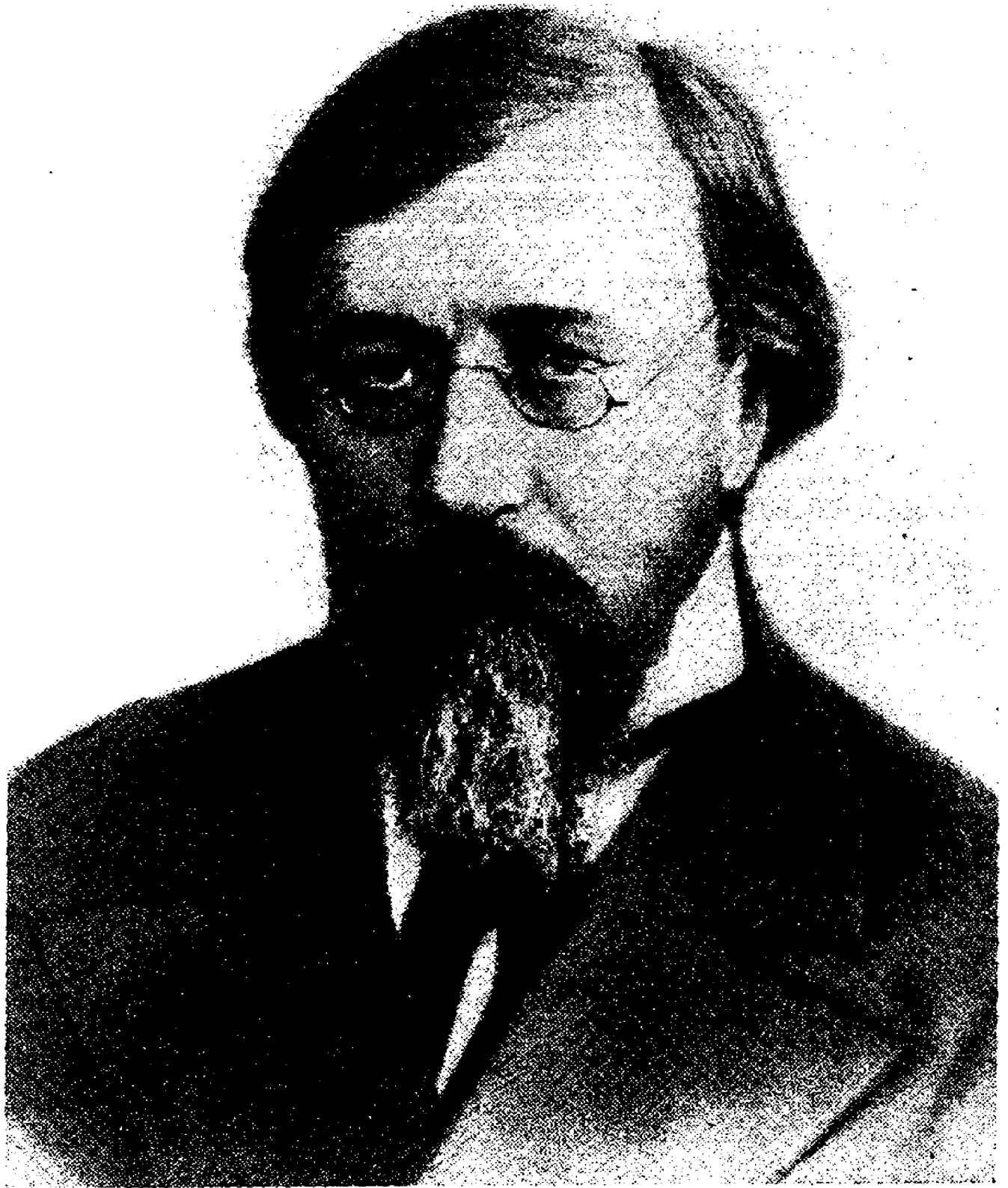
Чернышевский с огромным интересом следит за событиями в Европе и прекрасно разбирается в сложнейших вопросах политической борьбы. Его симпатии целиком на стороне революционно-демократических элементов Запада. По своим убеждениям он в это время ярый республиканец-демократ.

Бурные события революции являются для него школой политического воспитания. Он жадно впитывает в себя опыт этой революции, опыт классовой борьбы в Европе. Осмысливая его применительно к задачам русской революции, он все больше склоняется в сторону наиболее последовательного, левого крыла революционного социализма с его стремлением к насильственному ниспровержению существующего строя и захвату государственной власти.

Опыт революционных боев на Западе показал Чернышевскому, что мирных, бескровных революций не бывает: неизбежны кровавые столкновения масс со своими угнетателями, неизбежны тяжелые потрясения всего общества. Чернышевский записывает в свой дневник: «Человек, не ослепленный идеализацией... не может утешиться этого; он знает, что много и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно. Пусть будут со мною конвульсии, — я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»³.

В ходе революции все больше и больше обнажалось лицо буржуазной демократии. Либеральная буржуазия показала себя неспособной к длительной, а главное, к решительной борьбе против дворянского самодержавия. Боясь народных масс, ли-

³ Н. Г. Чернышевский «Дневник». Ч. 2-я, стр. 15.

Н. Чернышевский?

1828—1889

альная буржуазия проявила стремление к компромиссам с дворянством, к сделке с ним за счет народа. Одновременно зоблачили себя и партии мелкобуржуазного демократизма, в том числе и соглашательский «социализм» Луи Блана.

Разгром и кровавое подавление июльского восстания во Франции, предательство буржуазии окончательно рассеяли буржуазно-демократические иллюзии Чернышевского. «Не люблю я, — записывает он в своем дневнике по адресу буржуазных республиканцев, — этих господ, которые говорят: «свобода, свобода» — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором девять десятых рабы — рабы и пролетарии»¹.

Впитывая опыт европейских революций и участвуя на конкретных революционных событиях, молодой Чернышевский приходит к самым крайним воззрениям на революцию и методы ее совершения. В конце 1848 года он отмечает в своем дневнике: «...Я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно»².

В мае 1850 года Чернышевский сдал выпускные университетские экзамены и вскоре уехал в Саратов, где получил место преподавателя словесности в Саратовской гимназии. Уроки его больше похожи на агитационные беседы чем на обычные гимназические занятия. Он рассказывает ученикам захватывающие истории из эпо-

хи Французской революции, пытаясь направить своих слушателей на аналогию с окружающей их российской действительностью.

Одновременно Чернышевский входит в кружок политического ссыльного Костомарова, известного историка, участвует в беседах о революционном мировоззрении, о тактике революционной борьбы. В этих беседах Чернышевский проявляет себя непримиримым противником всяческой либеральной болтовни, отстаивает самые крайние воззрения. Так например, обсуждая события Великой французской буржуазной революции, Чернышевский объявляет себя решительным сторонником Робеспьера и якобинской диктатуры.

Этот период в жизни Чернышевского наполнен кропотливой учебой и глубоким раздумьем. Продолжая изучать Фейербаховскую философию, историю французской революции и материалы о событиях 1848 года, Чернышевский пристально вглядывается в окружающую жизнь, пытается разглядеть те огоньки крестьянской революции, которые тлеют в парде. Он полон веры в силы народа, в его грядущую борьбу против крепостнического самодержавия.

В 1853 году Чернышевский женился на дочери местного врача — Ольге Сократовне Васильевой. История его любви и женитьбы, запечатленная в недавно опубликованном дневнике («Дневник моих отношений с тою, которая составляет мое счастье»³), представляет собою непревзойденный образец нравственной чистоты и благородства. Молодой, 24-летний Чернышевский с величайшей последовательностью применяет в своей личной жизни

¹ Н. Г. Чернышевский «Дневник». Т. 1, стр. 96—97.

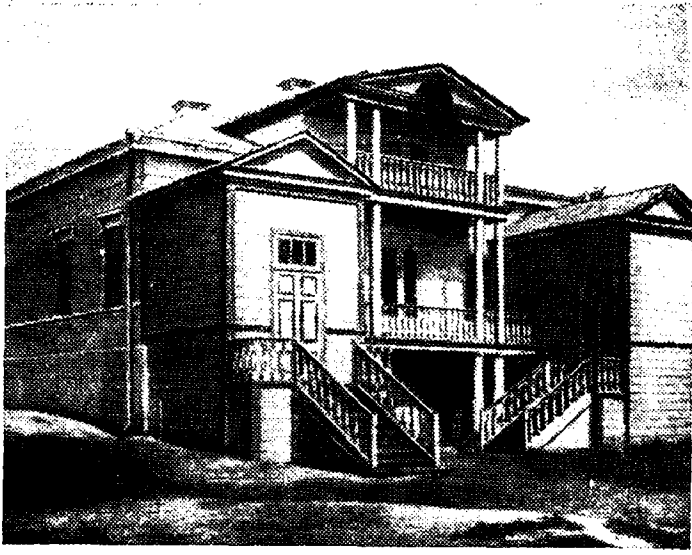
² Там же, стр. 110.

³ Н. Г. Чернышевский «Дневник». Ч. 2-я, стр. 78—241.

Вид города Саратова в 40-х годах XIX столетия.

Музей революции.

Дом-музей Н. Г. Чернышевского в Саратове. Музей революции СССР.

те принципы взаимоотношений между мужчиной и женщиной, которых он придерживался под влиянием учения Фурье и произведений Жорж Занд.

Перед женитьбой Чернышевский предупреждает свою невесту о грозящей ему опасности со стороны жандармов. «С моей стороны, — говорит он Ольге Сократовне, — было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени... У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет... А если вспыхнет, я... не буду в состоянии удержаться. Я приму участие... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня... А чем кончится это? Каторгой или виселицею. Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей»¹.

Эти предупреждения не смутили будущую жену Чернышевского. Ольга Сократовна смело пошла навстречу опасности и навсегда соединила свою жизнь с жизнью молодого революционера. Вскоре после свадьбы, в мае 1853 года, Черны-

шевский покинул Саратов и переехал в Петербург.

2

В Петербурге во всю ширь развернулась блестящая деятельность Чернышевского — вождя крестьянской революции, пламенного публициста и литературного критика. На первых порах он занимается педагогической деятельностью и одновременно начинает свою работу в передовых журналах — «Современнике» и «Отечественных записках».

Журнал «Современник» играл выдающуюся роль в общественном движении 60-х годов. Вокруг него группировались самые передовые элементы революционной демократии. Редактируемый Некрасовым, имея таких выдающихся сотрудников, как Чернышевский, а впоследствии и Добролюбов, «Современник» был рупором передовой общественной мысли, боевым органом революционной демократии в ее борьбе против самодержавия и либерализма.

Готовясь к деятельности ученого, Николай Гаврилович сдает в начале 1854 года магистерские экзамены, а через год защищает свою знаменитую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». В этом труде он открыто выступает против всех господствовавших в искусстве идеалистических воззрений и противопоставляет им новый, материалистический взгляд на искусство.

Прекрасное, доказывает Чернышевский, существует в реальной действительности. «Прекрасное есть жизнь». Искусство только воспроизводит действительность. Действительность выше искусства настолько, насколько оригинал выше его копии. Истинная красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности. Действительность, по образному выражению Чернышевского, — это слиток золота без клейма, искусство же — банковый билет. Образы в действительности богаче и живее образов в поэзии.

Художник, утверждает Чернышевский, не является бесстрастным копировщиком действительности: он критически отбирает и показывает самые ее существенные черты. Чернышевский хотел, чтобы искусство помогало народным массам в их борьбе за освобождение. Он хотел, чтобы искусство было учебником жизни, чтобы в нем содержались ответы на острые вопросы действительности. Либеральные же приверженцы «чистого искусства» усмотрели в этом неспровержимо всякого искусства, полное разрушение эстетики.

Естественно, что диссертация Чернышевского была встречена в штыки всей официальной наукой и навсегда лишила

¹ Н. Г. Чернышевский «Дневник». Ч. 2-я, стр. 87—88.

Молодого ученого университетской кафедры. Чернышевский тогда решил, подобно Белинскому, посвятить себя журнальной деятельности, используя страницы журналов как трибуну для пропаганды идей революционной демократии и философского материализма.

Деятельность Чернышевского в «Современнике» представляет собой одну из самых замечательных страниц в истории русской журналистики. Блестящий публицист, по своей эрудиции и глубине ума не имевший себе равного в России, исключительный знаток европейских политических отношений и философских систем, Н. Г. Чернышевский откликался на все важнейшие события в Европе и России. Не было ни одного сколько-нибудь значительного факта в политической истории и литературе того времени, который бы не получил оригинальной трактовки Чернышевского в духе боевой программы революционной демократии. Он вел в «Современнике» отделы литературной критики, внутренних обзоров и международной политики — самые боевые отделы, дававшие ему возможность широко пропагандировать свои взгляды в среде передовой молодежи.

Ближайшим помощником и боевым соратником Чернышевского был его молодой друг Н. А. Добролюбов. С приходом Добролюбова в «Современник» журнал стал еще более острым и боевым оружием в борьбе против реакции. Чернышевский передал Добролюбову литературно-критический отдел «Современника», занявшись непосредственно вопросами политической борьбы. И Добролюбов блестяще справился с порученным ему делом. Он обнаружил большую глубину и остроту мысли и страстную, революционную непримиримость как к самодержавию, так и к буржуазным либералам всех мастей.

Как редактор «Современника» (редактировал вместе с Некрасовым) Чернышевский превратил этот журнал в боевую трибуну революционной демократии. Этим и объясняется уход из «Современника» группы литераторов (Тургенев, Толстой, Достоевский и др.), стоявших на позициях буржуазного либерализма. Этим объясняется также конфликт между «Современником» и Герценом, не понявшим в далекой эмиграции боевых задач крестьянской революции. Ценя и уважая Герцена как выдающегося революционера, основателя вольного русского слова, Чернышевский ездил в 1859 году к нему в Лондон, чтобы координировать программу и деятельность русских революционеров в России и за границей. Но Герцен находился тогда в плену либеральных заблуждений, и единства не получилось.

За 9 лет своей журнальной деятельно-

сти Чернышевский написал около 500 печатных листов, увидевших свет несмотря на свирепую цензуру. 244 листа его публицистических работ были цензурой вымараны и недопущены к печати. К числу произведений этого времени принадлежат такие его выдающиеся работы, как «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Русский человек на «rendez vous», статьи о Пушкине, Островском, Щеллине, Толстом и др., перевод и замечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля, блестящие философско-исторические работы: «Кавеньяк», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Критика философских предубеждений против общинного владения», — серия статей по политэкономии, и т. д.

Чернышевский наряду с Герценом и Белинским явился родоначальником русской революционной публицистики, ее самым блестящим представителем.

Исключительное значение в развитии русской научной мысли имела деятельность Чернышевского как ученого и просветителя.

Какой бы областью науки он ни занимался, он всюду вносил нечто новое, оригинальное, до него не сказанное. Крупнейший мыслитель своего времени, он был непримиримым борцом за передовую науку, за подлинные, нефальсифицированные знания, за расцвет научной мысли в России.

«Пусть и Россия, — писал Чернышевский на заре своей юности, — внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно, спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни — науке, как сделала она это уже в одном — жизни государственной и политической. И да совершится через нас хоть частично это великое событие!»¹

К чести Чернышевского следует сказать, что он максимально содействовал совершению этого события.

Чернышевский не был кабинетным ученым, замкнутым в скорлупе своей науки. Боец и демократ, он стремился сделать завоевания науки достоянием широких масс. В условиях огромной культурной отсталости России Чернышевский считал распространение знаний, внедрение в массы выводов науки и просвещения делом не менее важным чем развитие самой науки.

Назначением ученого и писателя, по мнению Чернышевского, является просвещение общества, распространение в наро-

¹ Н. Г. Чернышевский «Литературное наследие». Т. II, стр. 44.

Н. Г. Чернышевский.

до последних достижений передовой мысли, пробуждение в нем интереса и стремления к знаниям.

Но Чернышевский не был приверженцем распространения любых выводов науки. Он стоял за передовую научную мысль, против псевдонаучной мертвечины, против схоластики и рутинерства, прикрываемых иногда высшими научными «авторитетами». Чернышевский-мыслитель низвергал все авторитеты, за которые цеплялись реакционеры мысли во многих областях знаний. Он был новатором науки в полном и подлинном значении этого слова. Его работы в области политической экономии, истории, философии, эстетики и литературоведения двигали вперед науку, поднимали ее на высокий идейно-теоретический уровень, делали ее эффективным, действенным оружием в руках борющегося народа.

Чернышевскому-просветителю были присущи некоторые идеалистические ошибки, свойственные всем просветителям домарксовской эпохи: преувеличение роли умственного фактора, переоценка знаний, идей как движущих сил общественного развития. Иногда он сбивался на позиции французских просветителей, считавших, что «мнения правят миром». Эти ошибочные воззрения нашли свое отражение в некоторых его философских и исторических работах. Но при всем этом значение просветительской деятельности Чернышевского исключительно велико.

Владимир Ильич Ленин в статье «От ка-

кого наследства мы отказываемся», не упоминая по цензурным соображениям имени Чернышевского, с большой теплотой говорит об идейной стороне русского просветительства 60-х годов. Он считает первой характерной чертой Чернышевского горячую вражду «к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»¹.

Второй характерной чертой, общей всем русским просветителям, Ленин считает горячую защиту просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. «Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что ничего народнического в этом наследстве нет»².

3

Чернышевский выступил на политическую арену в один из самых бурных периодов истории России и Запада.

В России на повестке дня стояла крестьянская революция. Господствовавшее в стране крепостное право являлось тормозом для дальнейшего развития производительных сил. Реальным последствием крепостнических отношений была вопиющая промышленная отсталость России. «До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права»³.

Поражение царского правительства в Крымской кампании еще более обострило все внутренние противоречия в стране. Для всех стало очевидным, что феодально-крепостнический строй протнил насквозь.

После крымского поражения резко поднялась волна крестьянских восстаний. С 1855 по 1861 год в разных губерниях России имели место 474 случая кре-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 314.

² Там же.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 5.

стьянских волнений. Шеф жандармов докладывал царю, что в 1858 году происходили «волнения целых деревень, требовавшие личного действия высших губернских властей или особия воинских команд». Такие волнения были в 25 губерниях. В 1860 году имели место 100 крестьянских бунтов, на усмирении которых уже понадобились целые карательные экспедиции. По одним лишь официальным данным, в этот год было заперто на смерть 65 крестьян.

В условиях все нарастающего революционного движения крестьян дальнейшее сохранение крепостного права угрожало самому существованию царского самодержавия. «Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»¹.

Но отмена крепостного права, проведенная сверху руками царя и помещиков, не содействовала «умиротворению» страны. Обманутые и ограбленные крестьяне, которым манифест 19 февраля принес «освобождение»... от земли, ответили на эту «реформу» новым подъемом крестьянских восстаний. За одно лишь пятилетие — с 1861 по 1865 год — произошло свыше 2 тысяч крестьянских восстаний, охвативших почти все губернии Российской империи. В стране назревала крестьянская революция.

Чернышевский был идеологом и вождем крестьянской революции, он возглавлял революционное демократическое подполье, руководил всей деятельностью по подготовке к революции. Блестящий конспиратор, он лично не входил в существовавшие революционные кружки («Земля и Воля», «Великорусс» и др.), но идеологически ими руководил. А с 1861 года, с момента опубликования куцкого манифеста об «освобождении» крестьян, непосредственно занялся революционной практикой. Он группировал вокруг себя революционно настроенную молодежь, участвовал в разработке плана издания революционной литературы, а по новейшим данным (мемуары М. Слепцовой «Штурманы грядущей бури», нуждающиеся в проверке), он составлял боевые пятерки для прямого революционного действия.

Выдающимся документом революционной деятельности Чернышевского является его прокламация «К барским крестьянам», послужившая царскому правительству обвинительным материалом для осуждения Чернышевского на каторжные работы и на поселение в Сибирь.

«Барским крестьянам, — писалось в

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 5.

ней, — от их доброжелателей поклон! Ждали вы, что даст вам царь волю, — вот вам и вышла от царя воля. Хороша ли воля, которую дал вам царь, — сами вы теперь знаете... Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик?.. Значит, что он, что они — все одно. Ну, царь и держит барскую сторону... А как же нам, русским людям, и вправду волевыми людьми стать? Можно это дело обработать: надо только единственные иметь между собой мужикам, да ссоровку иметь, да силой запасть... И покаца пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать... А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Тогда и придем такое об'явление, что пора люди русские доброе дело начинать... Тогда и легко будет волю добыть»².

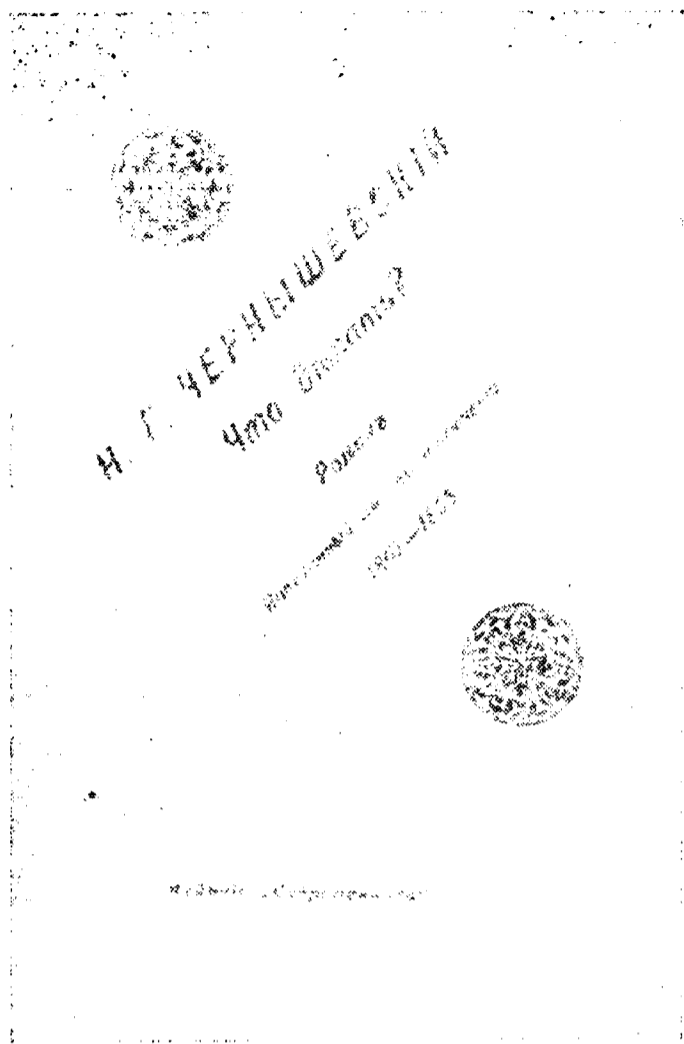
Блестящая по своей глубине и одновременно доступности для широких масс крестьянства, эта прокламация содержала удивительно меткую, ясную и убедительную критику царского указа об «освобождении» крестьян. Чернышевский выступает в своей прокламации не только как крупнейший знаток крестьянского вопроса, но и как подлинный стратег и тактик крестьянской революции.

С исключительной силой выступил Чернышевский против проектов освобождения крестьян с выкупом; он понимал, что «выкуп — та же покупка», и рассматривал его как грабеж крестьян. Владимир Ильич в своей работе «Что такое «друзья народа»...?» приводит высказывания Чернышевского по этому вопросу как образец его политической пророчливости. Ленин цитирует слова Волгина из романа Чернышевского «Пролог», которые выражают мысли самого Чернышевского.

На замечание собеседника о том, что между программой помещичьей и либеральной партией колоссальная разница, Волгин отвечает: «Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше обременения для крестьян. У кого из крестьян

² Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Т. I, стр. 143—152.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 179.

Обложка книги Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Изд. «Современника».

есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка»¹.

По этому поводу Ленин замечает: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трупящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трупящихся»².

Требования российских либералов не шли дальше мелких «реформ», мирных уступок самодержавия назревавшему капитализму. «Воюя» за реформы, они и не думали посягать на монархию, на царя, на помещичье землевладение.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 179.

² Там же.

Н. Г. Чернышевский презирал и третировал либералов как хвастунов и болтунов, играющих на руку самодержавию, как союзников того же самодержавия. Он был убежден, что из «освобождения» крестьян, проведенного по либеральной программе, не выйдет ничего, кроме «мерзости». И он оказался прав. «Освобожденная» земля обошлась крестьянству почти на 80% дороже чем ее обычная рыночная стоимость. Помещики получили за землю на 219 миллионов рублей больше, чем если бы они ее просто продавали крестьянам.

«Чернышевский, — писал Ленин, — понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.-е. неспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, падающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»³. В этом огромная историческая и политическая прозорливость Чернышевского.

Чернышевский с революционной страстью и силой боролся за конфискацию помещичьих земель, за насильственное неспровержение самодержавного строя России. Его программа в противовес программам помещиков и либералов, стремившихся сохранить помещичье землевладение, выражалась словами: «Вся земля мужицкая, выкупа никакого! Убирайтесь помещики, пока живы!»⁴.

Н. Г. Чернышевский выступил не только против самодержавия и его главной опоры — крепостничества, — но и против буржуазии, предававшей интересы народа. Он сумел вовремя раскусить реакционную сущность российского либерализма и повести против него решительную борьбу. Чернышевский был крупнейшим «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогаки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁵.

Но, стоя на самых передовых позициях революционной демократии, Чернышевский

³ Там же, стр. 179—180.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. X. Ч. 1-я, стр. 177.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

был социалистом-утопистом. Основой социалистического общества он считал крестьянскую общину. Он не понимал, что нельзя строить социализм на мелком крестьянском хозяйстве, на общинном землепользовании.

Демократизм Чернышевского Ленин называл «мужицким демократизмом». «Чернышевский, — писал Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полусеудальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹.

К чести Чернышевского следует, однако, отметить, что в ряде своих трудов он сумел подняться до понимания прогрессивности капиталистического пути развития России и приблизиться к идеям научного социализма. Так например в своей статье «Современное обозрение», напечатанной в конце 1857 года, он рассматривал развитие капитализма в России как прогрессивное явление. «Когда развивается промышленность, — писал он, — прогресс обеспечен. С этой точки, мы преимущественно и радуемся успешию промышленного движения у нас»².

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

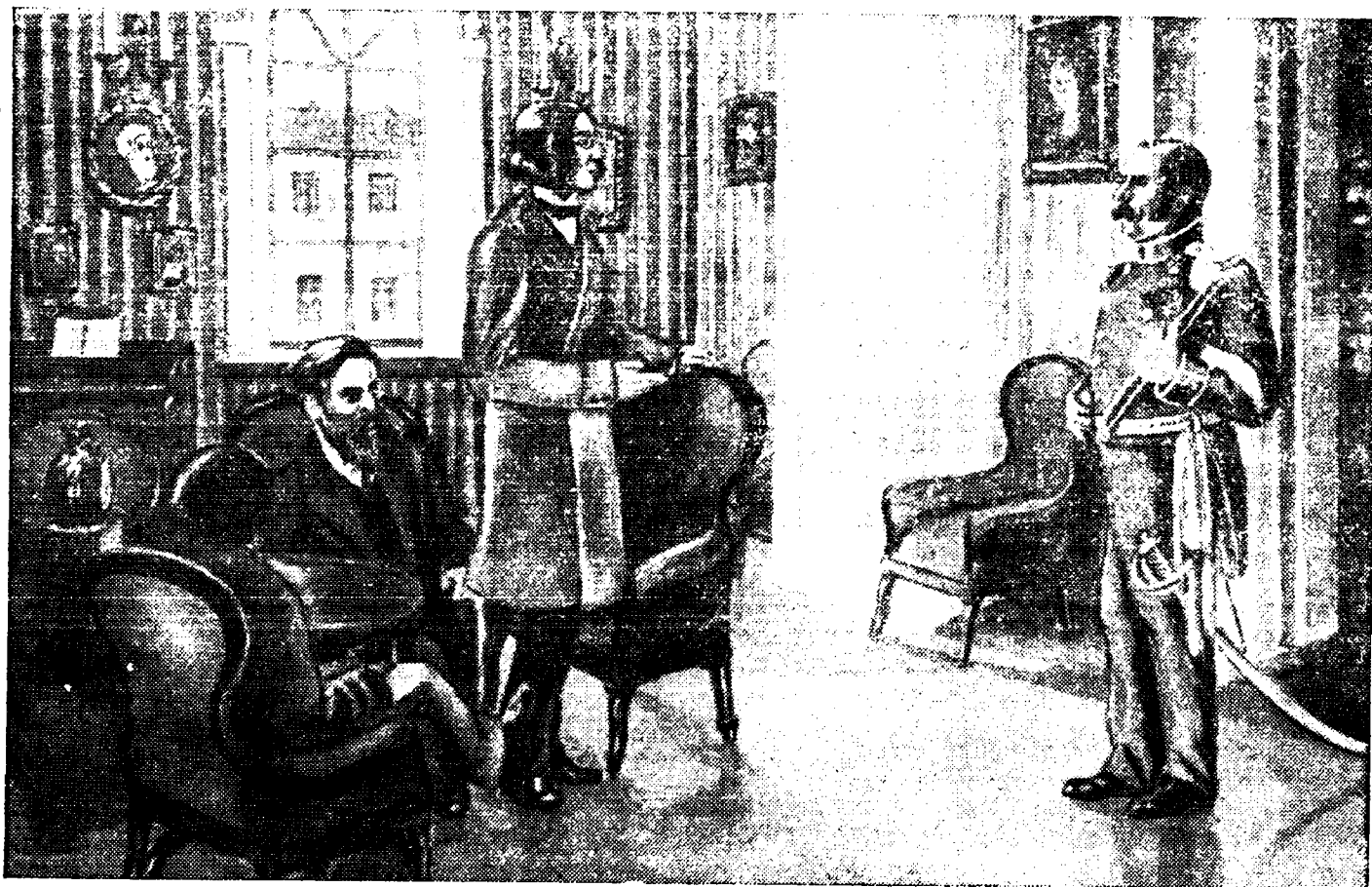
² Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. III, стр. 562.

Задачи политической борьбы революционной демократии не исчерпывались сферой экономических отношений. В интересах подготовки масс к революционной борьбе необходимо было выработать цельную идеологическую систему, основанную на переловой, материалистической философии. Необходимо было разрушить господствующие идеалистические и религиозные воззрения и вооружить русскую революцию новыми представлениями о законах развития общества. Философская пропаганда Чернышевского и была направлена на теоретическое обоснование революционных задач, на борьбу против всех видов идеологической реакции.

Чернышевский был горячим и убежденным последователем философии Фейербаха. Его он изучал еще в юношеские годы, приверженность к нему он сохранил до конца своих дней.

Книга Фейербаха «Сущность христианства» оказала огромное влияние на философское развитие Чернышевского. Не меньшее влияние оказала она и на философские воззрения Маркса и Энгельса. «Надо бы пережить освободительное действие этих книг, — писал впоследствии Энгельс, — чтобы иметь представление об этом. Мы все были в восторге и все мы сразу стали фейербахианцами»³.

³ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», стр. 14. Политиздат, 1938.

Арест Н. Г. Чернышевского.

Музей революции СССР.

В чем сущность философии Фейербаха? Мир существует вне и независимо от человеческого сознания. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она является основанием, на котором вырастает человеческое общество. Вне природы и человека нет ничего. Высшие божественные существа созданы религиозной фантазией людей. Никаких божеств нет; они лишь фантастические отражения человеческой сущности. Всякие предположения о существовании какого-либо другого сверхчувственного мира исключаются. Об'ективный мир до конца и насквозь материален и познаваем, хотя еще и не познан. Человеческому познанию не поставлены границы. Оно движется по верному пути к действительному познанию суб'ективного мира. Целью познания является благо человека, его свобода и счастье.

Эта бодрая, смелая, жизнерадостная философия открывала безбрежные горизонты человеческому разуму и человеческой активности. Правда, материализм Фейербаха с его биологическим вместо социального подходом к человеку, с его созерцательной вместо действительной сущностью недостаточны для обоснования идеологии борющегося пролетариата. Чтобы стать философией пролетарской революции, он должен был быть переработан Марксом в диалектический материализм. Но для построения идеологии революционной демократии в ее борьбе против феодализма и буржуазного либерализма философия Фейербаха было вполне достаточно. Чернышевский воспринял ее как единственно правильное миро-созерцание и сделал ее знаменем борьбы революционной демократии против всех видов идеологической реакции.

Наряду с философией Фейербаха Чернышевский кропотливо изучал и Гегеля. Совершенно самостоятельно от Маркса Чернышевский уловил основное противоречие гегелевской философии — ее реакционную идеалистическую сущность и политический консерватизм при глубоко революционном диалектическом методе. В своих «Очерках гегелевского периода» (1855—1856 годы) он отметил «двойственность самой системы Гегеля», разноречие между ее принципами и выводами.

Отвергнув идеалистические воззрения Гегеля, Чернышевский глубоко воспринял и широко пропагандировал гегелевский диалектический метод. Он считал Гегеля крупнейшим философом новой истории, оказавшим «большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития»¹. Этот свой взгляд

он сохранил до конца своей жизни. «Гегель... — писал он из Сибири в 1875 году, — ныне вышел из моды и, точно, устарел; но по силе ума и громадности знаний никто из нынешних ученых в подметку не годится ему»².

Свои философские взгляды Чернышевский отстаивал с редкой последовательностью. Не поддаваясь влияниям различных модных тогда философских систем, он до конца своей жизни выступал как непримиримый и последовательный материалист.

По словам В. П. Ленина, «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий взор неокантовцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³.

Из философских взглядов Чернышевского вытекали и его исторические взгляды.

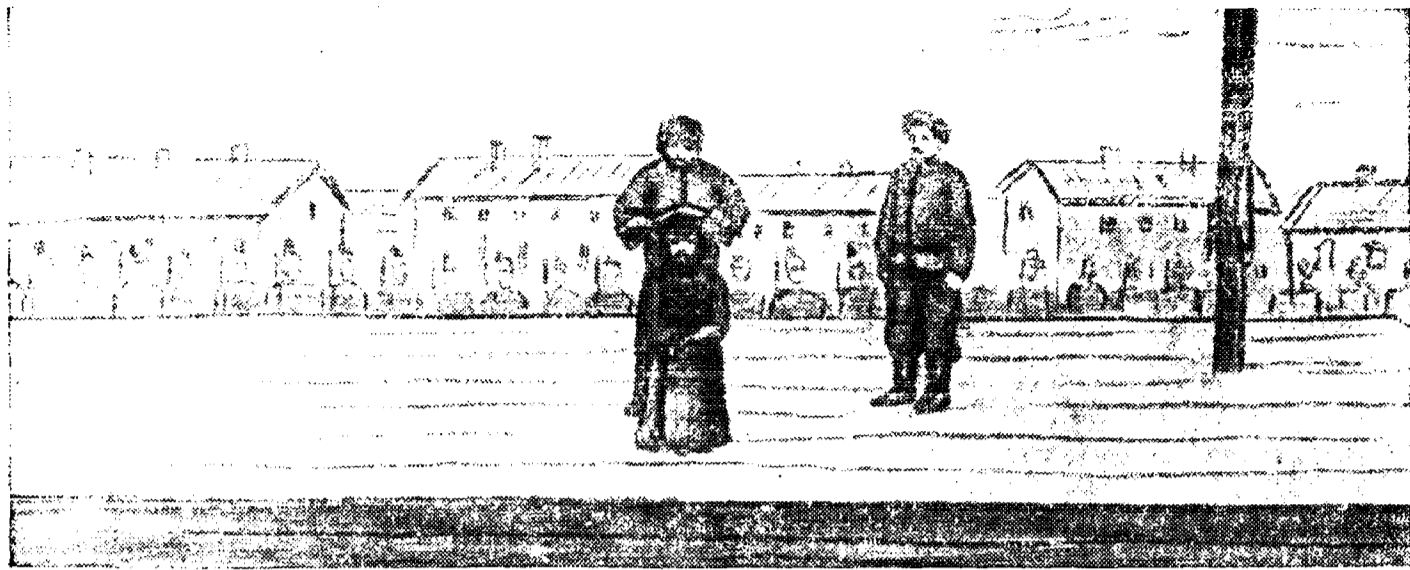
Стоя на позициях философского материализма, он дал в своих исторических работах прекрасные образцы классового анализа, обнаружив правильное понимание роли и значения классовой борьбы в истории. Его статьи, посвященные политической истории Франции первой половины XIX века («Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Польская монархия», «Кавеньяк»), представляют собой вершину домарксистской исторической мысли, являются наибольшим приближением к марксизму, какого достигали когда-либо демократические историки как на Западе, так и в России.

Вот как Чернышевский объясняет в своей статье «Антропологический принцип в философии» классовую обусловленность политических теорий и философских систем. «Политические теории, да и всякая вообще философская учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали (их авторы. — И. Ш.), и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ. Мы не будем говорить о мыслителях, занимавшихся специально политической стороной жизни. Их принадлежность к политическим партиям слишком заметна для каждого... Обратимся к тем мыслителям, которые занимались построе-

¹ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. IV, стр. 309.

² «Чернышевский в Сибири», стр. 138. Изд. «Огоньки». 1912.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 295.

Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского.

Музей революции.

нием теорий более общих, строителям метафизических систем, к собственно так называемым философам. Кант принадлежал к той партии, которая хотела водворить в Германии свободу революционным путем, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошел несколькими шагами дальше: он не боится и террористических средств. Шеллинг, представитель партии, запуганной революцией, искавшей спокойствия в средневековых учреждениях, желавшей восстановить феодальное государство, разрушенное в Германии Наполеоном I и прусскими патриотами, оратором которых был Фихте. Гегель, умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы, в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к испровержению слишком ветхой старины. Мы говорим не то одно, чтобы эти люди держались таких убеждений, как частные люди, — это было бы еще по очень важно, но их философские системы насковзь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем»¹.

Такого проникновения во внутренние классовые причины исторических явлений, такого понимания классовой обусловленности идеологических настроений мы не знаем ни у кого из предшественников Чернышевского.

Чернышевский приближался также к правильному пониманию роли практики как пробного камня для всякой теории. «Что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикою действительной жизни»².

Этот тезис Чернышевского нанесл сокрушительный удар историческому идеализму и всякого рода религиозным взглядам на историю. Русская историческая мысль подходила в этом вопросе к рубежам научного социализма.

Правильный материалистический подход нащупывал Чернышевский и в вопросе о закономерности исторического развития.

В этом вопросе Чернышевский близко подошел к Марксу, утверждавшему, что развитие общества совершается с необходимостью естественно-исторического процесса.

Чернышевский понимал, что только реальные условия действительности определяют осуществимость общественных идеалов. «Серьезное значение, — писал он в «Очерках гоголевского периода», — имеют только те желания, которые основаны на своем имеют действительность; успеха можно ожидать только в тех надеждах, которые возбуждаются действительностью, и только в тех делах, которые совершаются при помощи сил и обстоятельств, представляемых ею»³.

Исторические работы Чернышевского представляют собою огромный вклад в русскую историческую науку; однако его исторические взгляды грешат и рядом ошибок, вытекающих из ограниченности фейербаховского материализма.

Так, в своей статье «О причинах падения Рима» Чернышевский утверждает, что «прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний... Основная сила прогресса — наука; успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний. Вот что такое прогресс — результат знания»⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VI, стр. 180.

² Там же. Т. X. Ч. 2-я, стр. 174.

³ Там же. Т. II, стр. 206.

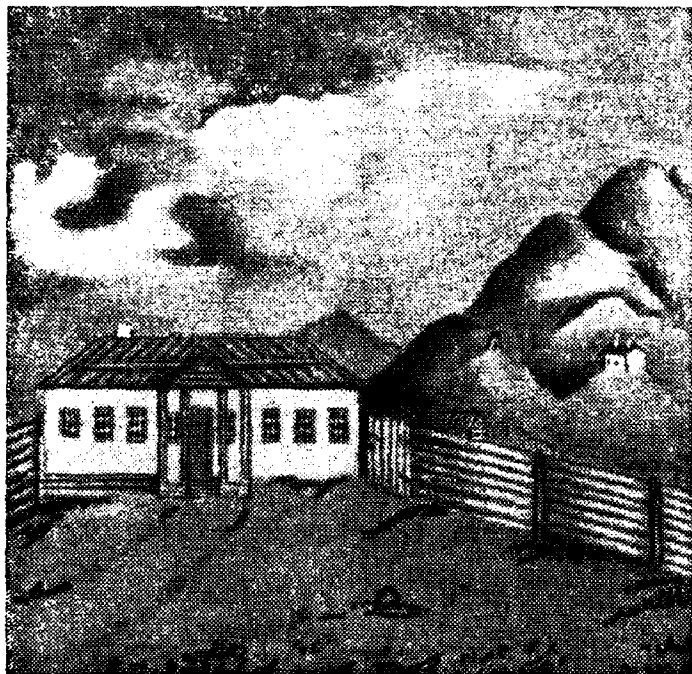
⁴ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VIII, стр. 158.

Исторические взгляды Чернышевского, как и его учителя Фейербаха, грешат также недопониманием общественной сущности человека. Антропология иногда заменяет в них классовый анализ исторических явлений. Генерально уловив роль классовой борьбы в историческом развитии, Чернышевский не всегда видит связь этой борьбы с развитием производительных сил общества. Вот почему он вслед за Фейербахом мотивы человеческой деятельности и критерии этой деятельности видит не в диалектическом процессе истории, а в разуме и потребностях «нормального человека», руководимого в своих поступках теорией «разумного эгоизма». На этой теории построена вся эстетическая система Чернышевского. Эта теория лежит и в основе его романа «Что делать?»

Не следует, однако, забывать, что эта теория, как и весь феербаховский антропологический подход к объяснению исторических явлений, была в свое время революционной, прогрессивной теорией. Апелляция к «разумному эгоизму», к «нормальным потребностям здорового человека», превращение этого человека и его практики в верховного судью общественных явлений—с огромной силой били по всем позициям старой идеологии. «Нормальной потребностью» человека было в первую очередь освобождение от феодальных, крепостнических пут, закабаливших людей и их сознание. Революционная демократия с Чернышевским во главе громила все идеологические позиции господствующих классов, используя теорию «разумного эгоизма» как оружие в своей политической борьбе.

5

Царское правительство давно стремилось расправиться с Чернышевским. 7(19)

Кодайский поселок-«тюрьма».

июля 1862 года Чернышевский был арестован. При помощи провокаторов и полицейских крючкотворов было состряпано обвинительное заключение, по которому он был в 1864 году приговорен к 14 годам каторжных работ.

Александр II, который лично участвовал в подделке «улик» против Чернышевского, лицемерно проявил свою «милость» и снизил этот срок до 7 лет. На деле же этот коронованный тюремщик решил не выпустить Чернышевского из своих рук, что он и выполнил с жестокостью и немилосердием подлинного палача.

19(31) мая 1864 года состоялась процедура «гражданской казни» Чернышевского. На Мытвинской площади был воздвигнут эшафот с позорным столбом, около которого был поставлен Чернышевский. «Палач вынул руки Чернышевского из колец пали, поставил его на середине помоста, быстро и грубо сорвал с него шапку, бросил ее на пол, а Чернышевского поставил на колени. Затем взял пикагу, переломил ее над головой Николая Гавриловича и обломки бросил в разные стороны. После этого Чернышевский встал на ноги, поднял свою шапку и надел на голову. Палачи подхватили его под руки и свели с эшафота»¹.

Присутствовавшая толпа открыто выражала свои симпатии Чернышевскому. Когда карета тронулась в обратный путь, публика прорвала полицейский кордон, бросилась к Чернышевскому. Кто-то бросил букет цветов, за что был немедленно арестован. Люди махали фуражками, платками. Многие бежали за каретой, восторженно приветствуя Чернышевского.

20 мая (1 июня) 1864 года Чернышевский был отправлен в Сибирь.

В крепости, на каторге и в ссылке Чернышевский пробыл 21 год. Несмотря на все попытки царской реакции сломить волю и дух вождя революционной демократии, склонить его на свою сторону, наконец, просто заставить его умолкнуть, Чернышевский оставался тем же нестигаемым революционером, тем же непримиримым врагом самодержавия, каким был и на воле. История его пребывания в тюремном плену представляет собой волнующую картину революционного самопожертвования и беззаветной борьбы за великие идеалы человечества.

«Наша с тобой жизнь,— писал Чернышевский жене из крепости,— принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в

¹ М. П. Сажин «Воспоминания», стр. 17. М. 1925.

Н. Г. Чернышевский читает свои произведения товарищам по ссылке на Александровском заводе. С акварели Кольцова.

но время с нами. Так надобно же нам з уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь»¹. Этим своим словам Чернышевский не изменил. Свято сохраняя есть и достоинство революционера, он не уронил себя ни в глазах современников, ни перед судом будущих поколений.

Лишенный возможности высказывать свои взгляды в форме публицистики, он взялся за оружие художественного слова.

Роман Чернышевского «Что делать?» сыграл огромную роль в истории русского революционного движения. На этом романе воспитывались целые поколения революционеров. Введенные в нем новые люди ударили в революционной молодежи жажду революционного действия.

В ответ на волновавший все умы вопрос: «Что делать?» — Чернышевский смело призывал бороться со старым миром и бороться за новый, радостный мир социализма. «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, не ленитесь из него в настоящее, сколько можете перевести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением

ваша жизнь, насколько вы умеете перевести в нее из будущего»².

Годы заточения, каторжные условия сибирских тюрем подорвали здоровье Чернышевского. Из ссылки он вернулся в 1883 году больным и разбитым. Но ясность мысли и твердость духа не покидали его до самой смерти.

Отданный снова под полицейский надзор и лишенный возможности проагандировать свои идеи в печати, Чернышевский занялся переводами, в том числе и переводом «Всеобщей истории» Вебера на русский язык.

Осенью 1889 года он простудился, заболел и 29 октября скончался от кровоизлияния в мозг.

Имя Чернышевского еще долго после смерти оставалось запретным в царской России. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции литературное наследие Чернышевского увидело свет в полном неурезанном виде. Произведения Чернышевского, издаваемые миллионными тиражами, стали любимыми книгами советского народа, который свято чтит память о великом революционном демократе, гениальном предшественнике нашей революции.

¹ Н. Г. Чернышевский «Литературное наследие». Т. II, стр. 411.

² Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. IX, стр. 265.

ПОХОД ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ В ДЕРЕВНЮ

1

Весной 1918 года, после того как пролетарская диктатура нанесла сокрушительный удар буржуазии в городе, овладела банками, транспортом, вырешила вопросы организации новой, советской промышленности, партия и советская власть перешли к разгрому деревенской буржуазии. Без разгрома деревенской буржуазии нельзя было строить социализм.

В деревне «кулаки забирали силу». Они захватывали конфискованные у помещиков земли, сельскохозяйственный инвентарь, хлеб и хозяйственные постройки, лишая всего этого бедноту. Опираясь на свою экономическую мощь, они местами подкупали бедноту и в условиях, когда средние крестьяне еще колебались между буржуазией и пролетариатом, перетягивали на свою сторону средних крестьян. Борясь против пролетарского государства, кулаки отказывались продавать государству хлеб по твердым ценам. «Они хотели при помощи голода заставить Советское государство отказаться от проведения социалистических мероприятий»¹.

Кулацкий саботаж поставил трудящихся городов перед угрозой голодной смерти. Миллионы людей голодали, и вместе с тем хлеб в стране был! Производство хлеба за 1917—1918 годы в производящих районах (без 510 миллионов пудов Украины, захваченной немцами) вполне обеспечивало потребность в хлебе потребляющих районов. Излишков еще оставалось 50 миллионов пудов². Однако буржуазия и кулаки злостно спекулировали хлебом, скрывали, гноили, перегоняли его в самогон. В Западной Сибири кулаки имели в скирдах и на гумнах по две, три, пять, десять, двадцать и тридцать тысяч пудов необмолоченного хлеба. В центральных губерниях — Тульской, Тверской, Воронежской, Орловской, Курской — имелись 12—15 миллионов пудов излишков, которые кулаки перегоняли в самогон. «Они, — говорил тов. Свердлов, — всю деревню, все село, местами волости, захватывают этим пьяным угаром»³. Хлеб

находили в самых неожиданных местах: при пожарах в кулацких дворах, в ямах, в простенках монастырских стен. Десятки тысяч мешочников срывали хлебную монополию, спекулировали и наживались на голоде народа. В середине мая 1918 года подвоз продовольствия к Петрограду почти полностью прекратился. Сильно сократился подвоз продовольствия к Москве. Об этом и более позднее время товарищ Сталин говорил на I съезде колхозников-ударников: «Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами»⁴.

«Левые» эсеры, заседавшие в местных советах, всячески помогали кулакам срывать хлебную монополию. «Голодная ориентация», как говорил Ленин, объединяла все фракции русской буржуазии в борьбе с советской властью. «Голод не оттого, — писал Ленин, — что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе»⁵.

Продовольственный вопрос стал решающей проблемой, без разрешения которой нельзя было двигать революцию вперед. Без хлеба нельзя было содержать рабочих и развивать социалистическую промышленность, нельзя было создать и содержать крепкую массовую Красную Армию для защиты социалистических завоеваний трудящихся.

Перед советской властью возникла задача: организовать учет хлеба в общегосударственном, национальном масштабе, организовать распределение хлеба без спекулянтов, без экзеквотации и без экзеквотаторов, силами пролетарского государства. Продовольственная политика советской власти строилась на социалистических началах. Задача борьбы с голодом во всех ее частностях свелась «в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 212.

² Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, стр. 216. Стенографический отчет. М. 1920.

³ Там же, стр. 296.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 529. 10-е изд.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 26.

глубокий и важный строй социализма»¹. Ленин говорил, что борьба за хлеб — это борьба за социализм: «Распределить хлеб правильно и равномерно — вот в чем основа социализма сегодня»².

9 мая ВЦИК принял декрет (опубликованный 13 мая), предоставлявший народному комиссару продовольствия чрезвычайные полномочия «по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». ВЦИК подтверждал неизбывность хлебной монополии и твердых цен на хлеб, введенных пролетарским государством. Декрет объявлял врагами народа с вытекающими отсюда последствиями «всех, имеющих излишки хлеба и не вывозящих его на сыпучие пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку».

Декрет 27 мая (опубликован 30 мая) вводил еще большую централизацию продовольственного дела. Оба эти декрета вошли в историю как декреты, устанавливавшие продовольственную диктатуру.

Однако продовольственная диктатура сама по себе еще не разрешала хлебной проблемы. Чтобы на деле осуществлять продовольственную диктатуру и разрешить хлебный вопрос, надо было разгромить контрреволюционное кулачество. Для этого следовало политически расколоть деревню и там «разжечь ту же гражданскую войну» (Свердлов), что и в городе, внести в деревню сознательную социалистическую борьбу. Надо было раз'яснить бедноте противоположность ее интересов интересам кулаков, надо было оторвать середняков от кулаков. В тех условиях, когда середняк продолжал колебаться между буржуазией и пролетариатом, а советы в деревне зачастую отражали эти колебания, необходимо было создать в деревне наряду с советами особые организации бедноты, способные вести беспощадную борьбу против кулачества и втянуть постепенно в эту борьбу средних крестьян. Эту задачу поставил тов. Свердлов перед органами советской власти в своем докладе на заседании ВЦИК 20 мая 1918 года.

«Нашей первой задачей, — говорил тов. Свердлов, — должна быть организация бедноты, отрыв этой бедноты от кулацких элементов, раз'яснение этой бедноте, что ей не по пути с кулацкими элементами, что только в создании своей особенной, враждебной этим элементам организации, созданной специально для борьбы с ними, — только в этом заключается спасение деревни и нашей революции»³.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 59.

² Там же, стр. 125.

³ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, стр. 296.

11 июня 1918 года ВЦИК принял декрет об организации комбедов. Декрет был предварительно тщательно проредактирован Лениным и встретил горячую поддержку со стороны тов. Сталина.

Городской пролетариат должен был внести в деревню сознание классовых противоборств, организовать бедноту, сплотить ее для борьбы с кулачеством, и в первую очередь должны были выполнить эту задачу рабочие Петрограда и Москвы. Надо было организовать поход рабочих в деревню, развернуть там священную борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров, борьбу за хлеб, просветить и организовать бедноту. Это диктовалось всей политической обстановкой и продовольственным положением республики. К этому неоднократно призывал Ленин. Еще 27 (14) января 1918 года, резко критикуя руководство Петроградского совета, возглавлявшегося предателем Зиновьевым, за то, что оно не мобилизовало рабочих на борьбу за хлеб, Ленин указывал: «Если не поднять массы на самостоятельность, ничего не выйдет»⁴.

Зиновьев, троцкисты и бухаринцы, пробравшиеся в ПК партии и в Петроградский совет, не хотели подымать рабочие массы на борьбу за хлеб. В голодные, майские дни Зиновьев и его приспешники затуманивали классовый характер хлебной проблемы и твердили, что голод является лишь следствием общей разрухи, связанной с войной.

В эти дни Ленин и партия большевиков приступили к организации великого похода рабочих в деревню. 21 мая Ленин обратился с воззванием к питерским рабочим «(О) записи в продовольственные отряды» и предписал Петроградскому совету немедленно опубликовать воззвание и начать организацию продотрядов. В воззвании Ленин перечислял усилия, прилагаемые советским правительством, чтобы обеспечить хлебом голодных. Однако все усилия советской власти не достигали цели ввиду отказа кулаков славить хлеб советскому государству.

«Товарищи-рабочие! — писал Ленин. — Помните, что положение революции критическое. Помните, что сласти революции можете только вы; больше никому». «Товарищи-рабочие, если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой. Надо бороться за хлеб! И мы призываем Вас к этой борьбе. Записывайтесь в ряды продовольственных отрядов, организуемых Комиссариатом Продовольствия!»

И, далее, Ленин так раз'яснял глубокий смысл борьбы за хлеб: «Борьба за хлеб теперь означает борьбу против контрреволю-

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 243.

ции... борьбу за Советскую власть, за социализм!»¹.

Ленин высоко ценил петербургских рабочих как один из наиболее революционных, наиболее сознательных отрядов рабочего класса. 22 мая Ленин обратился к ним со своим знаменитым письмом «О голоде».

«Положение страны дошло до крайности,— писал Ленин.—...Питер—не Россия. Питерские рабочие—малая часть рабочих России. Но они—один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги»².

Ленин призывал питерских пролетариев «организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «крестовый поход» против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин»³.

Нужны были вооруженные отряды рабочих, выдержанных, до конца преданных делу социализма, способных отсесть от себя все гнилое. Отряды эти должны были проникнуть во все уголки необъятной страны и помочь местным органам советской власти в деле учета и распределения хлеба, очистить советы от враждебных элементов, просветить широкие слои бедноты, сплотить ее для беспощадной борьбы против кулачества и спекулянтов. «Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию»⁴,—писал Ленин.

Ленин требовал посылки десятков тысяч питерских рабочих в деревню. Передавая свой разговор с делегатом путиловцев Ивановым, Ленин писал 10 мая А. Д. Цюрупе: «...Если лучшие питерские рабочие не создадут по отбору надежной рабочей армии тысяч в 20.000 человек дисциплинированного и беспощадного военного похода на деревенскую буржуа-

зию, и на взяточников, то голод и гибель революции неизбежны»⁵.

Зиновьев, саботируя указания Ленина, провел в Петроградском совете решение о выделении в продотряды всего 515 человек.

А между тем со всех концов страны в Петроград шли требования о помощи со стороны петроградских рабочих. Через 2 дня Петроградский совет получил телеграмму от сибирской краевой партконференции с требованием немедленной присылки питерских рабочих для помощи в изъятии хлеба у кулаков (на телеграмме была подпись тов. Бадаева, организовавшего там заготовки хлеба). Телеграмма сообщала, что сибирские коммунисты принимают «все меры для спасения революции» от голода, но что их усилия «парализуются сопротивлением кулаков». «Срочно шлите десятки опытных руководителей, сознательных рабочих для проведения продовольственной диктатуры»⁶.

Состоявшееся 29 мая заседание Петроградского совета совместно с районными советами, профсоюзными организациями, представителями Красной Армии и Флота, районными беспартийными рабочими конференциями 1500 голосами против 27 целиком одобрило продовольственную политику советской власти и призвало рабочих усилить вербовку в продотряды. «Пошлите наших лучших людей в деревню. Рабочие отряды сталкиваются с крестьянской беднотой и при помощи Советов пришлют нам хлеба»,—говорилось в принятом собранием воззвании ко всему трудящемуся населению Петрограда и окрестностей.

1 июня первые 200 участников продотрядов выехали в Москву.

На решающем участке борьбы за хлеб Ленин поставил товарища Сталина. За день до этого, 31 мая 1918 года, Лениным было подписано следующее «Назначение»:

«Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами»⁷.

Отвести нависшую над страной угрозу потери колоссальных запасов хлеба, которые имелись на Северном Кавказе, возглавить борьбу с контрреволюцией на самом угрожаемом со стороны контрреволюции участке Ленин призвал товарища Сталина.

Между тем развертывающийся мятеж чехословаков и кулацкие восстания отрезали

¹ «Петроградская правда» № 103 (329) от 22 мая 1918 года.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 28, 29.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ленинский сборник XVIII, стр. 163.

⁶ «Известия Петроградского Р. и К. Деп.» № 57 от 29 мая 1918 года.

⁷ «Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов гор. Москвы и Московской области» № 108, 31 мая 1918.

Товарищ Сталин отправляет хлеб в Москву из Царьцина в 1918 году.

С картины А. Меньшикова.
Выставка: «Ленин и Сталин в народном творчестве».

центр страны от хлебной Сибири и Поволжья, где имелось много миллионов пудов заготовленного хлеба. Товарищ Сталин о значении этих районов для советской власти говорил: «План врагов советской России — оторвать от нее наиболее богатые хлебные окраины и заставить ее слаться без боя». Враги «для осуществления своего... плана избрали Самару и Сибирь»¹.

Ленин потребовал от Петроградского совета присылки лучших продовольственных работников и указал: «Не медлите. Не ждите помощи извне. Все силы напрягайте для экстренных мер со стороны питерских рабочих»².

В начале июня продовольственное положение Петрограда вновь ухудшилось. 5 июня не было продовольственных поступлений, если не считать... 45 пудов пшеницы на весь полуторамиллионный город. 8 и 9 июня населению Петрограда не выдавалось хлеба. И именно 9 июня совет провел «день продотряда». Во всех районах проходили митинги, на которых большевики разъясняли массам продовольственное положение страны, говорили правду о хлебе и призы-

вали записываться в продотряды, к походу в деревню. Особенно многолюдным был пятидесятичный митинг в церкви «Модерн», на Выборгской стороне, в манеже Московского полка. Резолюция, принятая митингом в церкви «Модерн», гласила: «Мы, рабочие и работницы, собравшиеся в количестве от 4 до 5 тысяч в церкви «Модерн», безусловно одобряем решение Советской власти организовать продовольственные отряды. Мы считаем, что перед продовольственными отрядами стоит двудеятельная задача: а) добыть хлеб для голодающих рабочих и крестьян, б) сломить господство сельской буржуазии, разгнать деревенских кулаков, стремящихся умерить голодом рабочий класс, усилить и укрепить власть деревенской бедноты. Мы призываем всех честных рабочих записываться в продовольственные отряды и тем способствовать избавлению трудящихся масс от ужасов голода. Прокормление рабочего класса есть дело рук самих рабочих»³. Резолюции других митингов были сходны с этой.

Рабочие поняли ленинскую идею похода рабочих в деревню и стали претворять ее в жизнь. На этом пути им встретилось сопротивление предателей — зиповьевцев,

¹ Московское областное архивное управление. Фонд президиума Моссовета, д. № 106, св. 8, л. 11. 1915.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 165.

³ Газета «Северная коммуна» № 8 от 11 июня 1918 года.

троцкистов и бухаринцев, — которые всячески саботировали поход рабочих в деревню. Поэтому Ленин настойчиво, чуть ли не через каждые 5 дней, вновь и вновь обращался с директивными указаниями к Петроградскому совету и ЦК, требуя энергичной работы по организации массового похода рабочих в деревню. 14 июня он предписывает Зиновьеву: «Надо все усилия приложить, чтобы двинуть из Питера тотчас сотни агитаторов в деревни. Перед съездом советов это сугубо важно, а вся военная и продовольственная ситуация требует этого еще настоятельнее»¹.

В середине июня Ленин вновь телеграфировал Зиновьеву: «Убедительно прошу продолжать по всем силам отправлять и отряды, и агитаторов»².

В письме к Зиновьеву от 26 июля Ленин гневно протестует против того, что Зиновьев и другие члены ЦК тормозили революционную инициативу масс в деле развязывания массового террора против буржуазии в связи с убийством Володарского, и снова требует: «Отряды и отряды: используйте победу на перевыборах. Если интеллигенты двинут тысяч 10—20 в Тамбовскую губернию и на Урал и т. п., и себя спасут и всю революцию, вполне и наверняка. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель»³.

Вопреки саботажу Зиновьева и К^о петроградский пролетариат стремится выполнить призыв своего вождя. К середине июня в подотрядах Наркомпрода числилось 10 140 человек, причем в большинстве это были петроградские рабочие.

Тов. Бадаев, вспоминая об огромных трудностях, которые приходилось преодолевать продовольственникам, указывал, что эта работа в то же время была и легка. «Мы всегда чувствовали под собой твердую почву пролетарской поддержки, — писал он. — Мы знали, что, как бы ни были невероятно трудны отдельные моменты, у нас есть в запасе неисчерпаемый резервуар активности рабочего класса. За нами стояла руководившая все время работой наша партия, за нами стоял Совет, выразитель воли пролетариата. Это был огромный капитал, которого не имел и не мог иметь ни один орган буржуазного государства»⁴.

Уже в первом своем воззвании к питерским рабочим, от 21 мая, Ленин предупреждал, что за непомерно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль, а

может быть, еще и часть августа. Так оно и случилось.

В июле — августе 1918 года продовольственное положение страны стало катастрофическим. Мятеж чехословацкого корпуса отрезал рабочие центры от хлебного Поволжья и Сибири. Он к тому же послужил сигналом к кулацким восстаниям по всей стране. Ленин так охарактеризовал этот период: «Чехо-словацкое восстание разрасталось, голод в городах усиливался, а кулаки в деревне становились все наглее, все яростнее нападали на город, на Советскую власть, на бедняков»⁵.

В таких условиях 12 июля Ленин снова обратился с письмом «К питерским рабочим». В этом письме Ленин указывал рабочим, что «кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и свергнут ее немедленно, если рабочие не напрыгут тотчас же всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против советов, чтобы разбить наголову кулаков прежде, чем они успеют объединиться». Ленин призывал рабочих организовать и сплотить деревенскую бедноту. «Сделать это некому, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — глупо и преступно. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, занищающих ее...»⁶.

Ленин снова и снова повторяет: «Революция в опасности. Спасти ее может только массовый поход питерских рабочих»⁷.

Но троцкистско-бухаринские предатели из Петроградского комитета партии скрывали это письмо от масс, протаскивая такое гнусное постановление: «Посылка письма тов. Ленина к питерским рабочим, как написанного не от имени организации и посланного не через (посредство) партийной организации признается недопустимой»⁸. Письмо было впервые опубликовано только в 1924 году.

А между тем, в то время как предатели заставляли голодных рабочих «торчать около пустых фабрик», продовольственное положение все ухудшалось. В конце июля почти полностью прекратился полвоз продовольствия. 24 июля в разговоре с товарищем Сталиным по прямому проводу

¹ Ленинский сборник XVIII, стр. 166.

² Там же.

³ Там же, стр. 169.

⁴ Е. Бадаев «Десять лет борьбы и строительства». Продовольственная работа в Ленинграде 1917—1927 гг., стр. 11. Л. 1927.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 281.

⁶ Там же, стр. 138.

⁷ Там же.

⁸ «Красная летопись» № 2 (29), стр. 33. 1929.

Отправка продовольственного отряда в деревню в 1918 году.

Музей революции СССР.

Ленин сообщал: «...о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете-ли принять экстренные меры, ибо кроме как от Вас добыть неоткуда»¹. 31 июля и 1 августа в Петрограде вовсе не выдавался хлеб. 2 и 3-го хлеб выдавался только рабочим тяжелого физического труда. 10, 11, 12, 13, 24, 25, 30 и 31 августа также не выдавался хлебный паек. Из 30 дней в августе 10 дней рабочие не получали ни куска хлеба! В августе рабочие получали в среднем 40 граммов хлеба в день. Первые четыре дня сентября, 15 и 16 сентября также ничего не выдавали. Рабочие голодали. Заводы почти не работали. Среди неустойчивых прослоек рабочих создавались настроения отчаяния, а зинovieвцы, троцкисты и бухаринцы препятствовали подьему революционной энергии в рабочих массах, препятствовали походу питерских рабочих в деревню.

В этой обстановке 6 августа за подписью Ленина был опубликован декрет Совнаркома о привлечении к заготовкам хлеба крупных рабочих организаций. Крупным профсоюзным организациям, уездным и городским советам разрешалось формировать продотряды, которые регистрировались местными продорганами. Причем половина хлеба, собранного отрядами, должна

была поступать в распоряжение продорганов, а другая — в распоряжение организаций, формировавших отряды.

Рабочие живо откликнулись на ленинский декрет.

18 сентября во всех районах Петрограда происходили митинги на тему «Как пролетариат может себе добыть хлеба?» На 24 августа 8025 рабочих записались в продотряды. Но не все желавшие были посланы. «Центральная контрольно-продовольственная комиссия по формированию продотрядов за закужкой хлеба», состоявшая из представителей профсоюзных и советских организаций, произвела тщательный отбор участников и руководителей отрядов. Комиссия сформировала 69 отрядов, слитых после в 8 сводных отрядов численностью в 7358 человек². Руководителями отрядов были назначены проверенные коммунисты. Среди участников продотрядов насчитывалось 1555 коммунистов и им сочувствующих, 5717 беспартийных, безусловно преданных советской власти, и 8 «левых» эсеров. Передовиками, как и всегда, оказались металлисты, пославшие в продотряды 1847 человек, за ними шли текстильщики, выделившие 623 рабочих. Комиссия в своем отчете подчеркнула, что только «благодаря общему подьему в рабо-

¹ Ленинский сборник XVIII, стр. 193.

² «Северная коммуна» № 132 от 17 октября 1918 года.

чих массах и энергичному содействию профессиональных организаций» ей удалось в короткий срок справиться со своей задачей¹.

2

Продовольственные отряды отнюдь не были только военными экспедициями, как это пытались изобразить враги пролетариата. Продовольственные декреты советской власти ставили им в качестве «главнейшей задачи» задачу «организации трудового крестьянства против кулаков»². Рабочие отряды прибегали к оружию только в ответ на сопротивление кулаков. Из 7 с лишним тысяч питерских рабочих, участников продотрядов, лишь половина была снабжена ружьями. Зато все они были снабжены декретами советской власти и агитационной литературой. Отряды были также частично снабжены товарами для обмена на хлеб. «Передовой рабочий, как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, пошел в «народ»³. И рабочий встретил поддержку в деревне. Его помощи уже давно ждала беднота, которая с весны 1918 года все более осознавала свои классовые интересы и вела борьбу с кулаками. Но она еще была слабо организована, недостаточно политически сознательна и не могла самостоятельно справиться с кулацким засильем. Сообщения с мест подтверждают это. Вот,

¹ «Северная коммуна» № 132 от 17 октября 1918 года.

² Декрет от 27 мая 1918 года.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 31.

ИЗВЪЩЕНИЕ

О Т Ъ

СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

По техническимъ условіямъ хлебный паекъ можетъ быть увеличенъ до $\frac{1}{4}$ фунта только съ 21-го января. 19-го и 20-го будетъ выдано по старому т. е. по $\frac{1}{4}$ фунта.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

В. Ульяновъ (Ленинъ)

Извещеніе Совета народных комиссаров
о хлебном пайке. Музей революции СССР.

например, что сообщали из Пензенской губернии:

«В тех местах, где не было разъяснения и агитации за советскую власть, там царил почти полная анархия. И где от города далеко, больших трудов стоило оторвать бедноту от богатеев, попов и кулаков, так как они верили попам и кулакам, и кто говорил против них, тем приходилось или совершенно не жить там или поддерживать кулацкую пропаганду. Так например, в с. Ахматовке одного забили за то, что он сказал: «Большевики защищают интересы трудящегося крестьянства»⁴.

Беднота с радостью встретила питерских рабочих. В Вятской губернии, например, «местные изголодавшиеся крестьяне плакали, называли прибывших спасителями, указывали им кулаков, от которых хлеб отбирался и им наделялись беднейшие»⁵. В пути отряд роздал голодающим 20 тысяч пудов хлеба и привез в Петроград 309 тысяч пудов.

Когда в ноябре в Вятку прибыл отряд питерцев под руководством тов. Бадаева, то местное население встретило их с ликованием. Несмотря на то что хлеб был недалеко от города, Вятка сидела без хлеба. Теперь местное население было убеждено, что с приездом питерских рабочих хлеб будет.

Разделившись на группы, продотрядники двинулись в волости Вятской и Уфимской губерний, где они организовывали на месте бедноту, привлекали ее к обмолоту хлеба, оставляя ей известную долю обмолоченного хлеба, вели борьбу с колчаковскими агентами. «Каждый член отряда,— вспоминает тов. Бадаев,— ежедневно выступал на каком-либо собрании крестьян. Ленинградские рабочие, только что ушедшие от станка, превратились в заправских ораторов, ими читались доклады на самые различные темы. Отряду часто приходилось работать почти под самым обстрелом белой армии. Из под носа у Колчака мы увозили заготовленный хлеб и грузили в вагоны»⁶. Отряд собрал около 8 миллионов пудов хлеба.

Продотрядам пришлось преодолеть в деревне большие трудности, многовековую темноту, отчаянное сопротивление контрреволюционного кулачества. Немало рабочих погибло в этом великом походе в деревню. Но рабочие, не страшась трудностей и жертв, выполнили свой долг.

⁴ Цит. по журналу «История пролетариата в СССР» № 4 за 1933 год, стр. 135.

⁵ «Известия Петроградского Комиссариата по Продовольствию», № 44, стр. 4, от 23 августа 1918 года.

⁶ А. Бадаев. «Десять лет борьбы и строительства», стр. 50—51.

В отчете о работе продотряда в Пензенской губернии говорится об условиях, в которых приходилось действовать рабочим:

«Приехав в Пензу, мы приступили немедленно к работе, и тут сразу было видно, что работа будет очень тяжелая, ибо вся губерния стояла на очень низком политическом уровне. Во всей губернии не было почти нигде комбедов. Появление отряда, который был в то время единственным во всей губернии, встречалось в деревне с явной враждой благодаря агитации кулаков и черносотенцев, а также темноте масс»¹.

В том же докладе описываются первые дни пребывания отряда в Пензенской губернии: «Положение было очень напряженное, и маленькими группами рассылать отряд было опасно, пришлось послать более значительные группы. Несмотря на это, отряд взялся энергично за работу, выделил из своей среды агитаторов для организации комбедов, без которых работать невозможно, ибо в то время большинство уездных, волостных и сельских советов состояло из кулаков. Агитаторы жили постоянно под угрозой быть убитыми, и были случаи, что только бегством спасали свою жизнь. Отряд, видя такое отношение к себе, тоже волновался, особенно после восстания в селе Кучках кулаков, и мне стоило больших усилий удержать отряд от распада. Много мне в этом помогли тт. коммунисты из отряда. Я уговорил пострадавшую роту, около ста человек, отправиться на усмирение, что мы вместе с чехословаками - интернационалистами исполнили».

Несмотря на такие тяжелые условия работы продотряд сумел изъять излишки хлеба и к 1 сентября совместно с местными коммунистами организовать 80% бедноты Пензенской губернии.

Отряды питерских пролетариев действовали по всей стране. Большая часть петроградских продотрядов направлялась в ЦЧО и в восточные районы Европейской России. Питерские рабочие были первыми организаторами комбедов в ЦЧО. Они несли в массы крестьян идею союза пролетариата и крестьянства для совместной борьбы против буржуазно-помещичьей контрреволюции, против голода и хозяйственной разрухи. Заготовляя хлеб в ЦЧО, ставшей к этому времени основной житницей Советской страны, питерские рабочие спасали рабочих городов от голодной смерти и спасли революционные завоевания трудящихся.

¹ Цит. по «История пролетариата в СССР» № 4, стр. 128.

Особенно наглядным становится все великое политическое значение похода рабочих в деревню при изучении работы петроградских продотрядов в Северной области². Здесь раньше чем в других районах страны произошел и полнее ощущался поворот средних крестьян на сторону советской власти. Поворот этот был в значительной степени подготовлен и ускорен работой петроградских рабочих в деревне Северной области. Вследствие саботажа зиновьевцев, троцкистов и бухаринцев пролетарский Питер долгое время отставал в своем организованном политическом влиянии на деревню Северной области; зиновьевцы и троцкисты поддерживали пробравшихся в местные советы «левых» эсеров. Зиновьев предоставил «левым» эсерам пять мандатов на V всероссийский съезд советов, в то время как они, по его собственному признанию, не имели на это никакого права. Он их называл «братьями по оружию» и помогал им «морально и материально»³. «Левый» эсер Корнилов, возглавлявший областную комиссариат земледелия, бездельничал и саботировал проведение земельной реформы советской власти. Тысячи десятин земли оставались во владении и «управлении» у помещиков и кулаков. «Левые» эсеры области, так же, как их хозяева в центре, резко выступали против похода рабочих в деревню и организации комбедов. На II областном съезде советов (август) «левый» эсер Ивашенко заявлял: «Комитеты бедноты совершенно не нужны». Отставание Питера отмечалось и местной современной прессой. Так, «Известия Новгородского Губ. Совета» отмечали: «Как ни странно, но Красный Питер отстал, его влияние на деревню оказалось незначительно»⁴.

Однако ко второй половине 1918 года большевистские партийные организации несколько выросли и окрепли и при помощи питерских рабочих, вернувшихся в деревню, демобилизованных солдат и моряков большевики в местных советах приступили к организации комбедов.

В Псковской губернии комбеды начали организовываться в конце июля.

² В состав Северной области, или Союза коммун Северной области, в 1918 году входили следующие губернии: Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Северо-Двинская, Череповецкая и Олонецкая.

³ «Вестник Комиссариата Внутренних дел Союза Коммун Северной области» № 2, стр. 137. 1918.

⁴ «Известия Новгородского Губ. Совета» № 217 от 27 августа 1918 года.

В конце августа в корреспонденции из Великих Лук (центр Псковской губернии) говорилось: «Со всех концов губернии сообщают об организации комитетов деревенской бедноты. Кулаки ведут с ними ожесточенную, но безуспешную борьбу»¹.

Из докладов с мест на Вологодском губернском съезде коммунистов (в конце августа) выяснилось, что в губернии «везде энергично организуются комитеты бедноты и ячейки коммунистов»². Как сообщали из Сольвычегодского уезда, той же губернии, там «дейтельно идет организация деревенской бедноты, которая сама идет на встречу всем начинаниям Советов в этой области»³.

По всей области массовая организация комбедов началась с августа 1918 года. В это время советы и партийные ячейки в деревне несколько окрепли. Так например в Глебовской волости, где во всех деревнях были организованы комбеды, в деревне Озершня, имелась партийная ячейка в составе 35 коммунистов. В Петроградской губернии насчитывалось около 3 тысяч коммунистов. Начали возникать партийные организации в Опочечком, Холмском уездах Псковской губернии. Широко развернулось партийное строительство в Вологодской, Северо-Двинской губерниях.

Советы и комбеды, проводя переучет хлебных запасов, отбирая излишки у кулаков и равномерно распределяя их между беднотой и средними крестьянами, вносили политический раскол в деревню, отрывали бедноту от кулаков и постепенно перетягивали на сторону советской власти середняка.

Политическое положение в области несколько улучшилось. Но настоящий размах и повсеместное распространение организация комбедов получила лишь тогда, когда Питер пришел на помощь северной деревне.

С 23 августа в Петрограде стала выходить областная крестьянская газета «Деревенская коммуна». Через всю первую страницу, над названием газеты, был напечатан лозунг:

«Да здравствуют:
Комитеты бедноты!
Крестьянские коммуны!
Власть советов!»

Газета изо дня в день разъясняла крестьянским массам политику советской власти и коммунистической партии в деревне. В «Беседе деда Нефёда» газета следующим

образом разъясняла политику партии и советов в отношении бедноты и середняков:

«Нет друга у бедняка
Надежней большевика.
Но и мужик с недостатком,
Ежели он примирился с новым порядком:

С хлебом не мародерствует,
Советам не противоборствует,
За плодом не идет
И кровь из бедняков не пьет, —
И на такого мужика
Сыщется ласка у большевика».

В специальном отделе «Письма в деревню» газета помещала статьи областных работников на тему «Что надо сделать крестьянину». В письмах в редакцию, в сводках и сообщениях из деревень газета всесторонне освещала жизнь крестьянства. Это сделало ее популярной среди крестьян, тираж ее достиг 170 тысяч экземпляров, но и этого тиража не хватало. «Деревенская коммуна» имела большое значение в политическом просвещении деревни.

28 августа Петроградский совет по докладу тов. Бадаева решил послать 2 тысячи питерских рабочих для помощи деревне в учете и перераспределении урожая. Эти 2 тысячи отборных питерских пролетариев провели огромную работу.

Появившееся вскоре после этого обращение ЦК ВКП(б) (написанное тов. Свердловым) от 21 сентября 1918 года ко всем членам партии имело решающее значение для поворота партийной организации Петрограда к деревенской работе. ЦК в своем обращении писал: «При настоящих условиях партийная работа в деревне имеет колоссальное значение. От той или иной постановки этой работы зависит в значительной степени разрешение как продовольственного вопроса, так и успех намечающейся мобилизации»⁴. Далее, ЦК указывал, что «комитеты бедноты, организация которых шла и идет всецело под руководством нашей партии, могут послужить первичной ячейкой для создания более широких организаций». Указывая, что до сих пор партийные организации уделяли недостаточно внимания партийной работе в деревне, ЦК подчеркивал, что судьба нашего социалистического строительства, нашей революции сильно зависит от того, насколько правильно «партийные организации учтут ответственность возложенных на них задач» и «насколько энергично приступят к их разрешению».

В Петрограде был организован крестьянский университет на несколько сот слу-

¹ «Вестник...» № 2, стр. 178.

² Там же, стр. 179.

³ Там же, стр. 177.

⁴ «Правда» № 203 от 21 сентября 1918 года.

Комитет бедноты.

С картины Моравова.

шателей, подготовивший агитаторов и советских работников для деревни из крестьян.

Работа в деревне оживилась. В этой работе огромную роль сыграли 2 тысячи рабочих-учетчиков из отряда тов. Бадаева. «Работа учетчиков, — вспоминает тов. Бадаев, — сразу же вышла за пределы учета и распределения. Учетчик был первым человеком, который принес в глухую северную деревню правду о Советской власти». «Крестьяне обращались к учетчикам по самым разнообразным вопросам — учетчик был универсальным представителем революционной власти». Состоявшийся в ноябре многотысячный съезд комбедов области «своим успехом во многом обязан работе наших учетчиков»¹.

22 сентября в Петрограде во всех районах проходили многотысячные митинги на тему «Город и деревня».

27, 28, 29 сентября проводились митинги в Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях, на которых выступали посланные районами Петрограда 300 агитаторов².

710 агитаторов командированы были на митинги в деревни области с сентября по

¹ А. Е. Бадаев «Десять лет борьбы и строительства». Продовольственная кооперативная работа в Петрограде 1917—1927 гг., стр. 48. Ленинград. 1927.

² «Северная коммуна» № 116 за 1918 год. Петроград.

декабрь³. В Петроградском уезде в сентябре распространено было 28 тысяч листовок. Газет и листовок на русском языке распространено было 29 846 экземпляров и тысяча экземпляров на финском языке⁴.

В деревни севера хлынули сотни питерских рабочих, пробудившие сотни тысяч крестьян к сознательной политической жизни. В деревню происходили сотни митингов и собраний, принимались многочисленные резолюции, одобрявшие политику советской власти, обещающие ей всемерную поддержку и помощь, приветствовавшие Ленина и коммунистическую партию.

В результате этого двинулось вперед дело организации комбедов. В одной Новгородской губернии рабочими отрядами в сентябре было организовано 4500 комитетов бедноты. Одновременно питерские рабочие-коммунисты организовали в той же губернии до 80 ячеек РКМ(б)⁵. На губернской петроградской партийной конференции в докладах с мест отмечалось, что «большое оживление в партийную жизнь губернии внесло появление питерских рабочих, которые своими организованными навыками сумели всколыхнуть крестьянские массы. Всюду кипит работа по организации коми-

³ «Вестник...» № 5, стр. 474. 1919.

⁴ «Вестник...» № 3, стр. 270.

⁵ «Вестник...» № 4, стр. 399.

тетов бедноты. Наиболее организованными являются уезды, лежащие ближе к Петрограду»¹. В Ново-Ладожском уезде, Петроградской губернии, в сентябре насчитывалось 600 комбедов. Организация комбедов в Псковской губернии началась в конце июля, а в отчете за сентябрь губсовет констатировал, что «комитеты бедноты в губернии существуют повсеместно»².

«Деревенская коммуна» сообщала в конце октября: «Теперь вся Россия и наша Северная область покрылась густой сетью комитетов бедноты»³.

Большинство комбедов было организовано в сентябре, это подтверждают анкетные данные 3900 делегатов областного съезда комбедов⁴. Основная масса комбедов, представленных этими делегатами, — 74,7% — была организована в августе — сентябре, причем за один сентябрь организовано было 44,9% всех комбедов. К концу 1918 года в области имелось не менее 20 тысяч комбедов.

Поход петроградских рабочих в северную деревню привел к тому, что в нее был внесен политический раскол. Беднота заброшенных уголков была пробуждена к политической жизни. Ярким свидетельством пробуждения к политической жизни широчайших масс бедноты явился грандиозный, 20-тысячный съезд бедноты области 3—5 ноября 1918 года. Этот съезд проходил с огромным подъемом. Приветствовавший съезд тов. Свердлов пригласил 100 делегатов в Москву в качестве гостей на VI съезд советов.

Съезд бедноты вынес специальное решение об организации полков деревенской бедноты в защиту завоеваний революции. Благодаря этой инициативе, одобренной VI всероссийским съездом советов, советская власть получила немало новых стойких красноармейских полков. «Этот съезд, — говорил Ленин, — показал, что гражданская война в деревне понята правильно: беднота объединяется и дружными рядами борется против кулаков, богатеев и мироедов»⁵.

Диктатура пролетариата получила надежнейшую опору в деревне. Деревенская беднота с помощью городских рабочих нанесла первый серьезный удар кулаку. Она экспроприровала у него землю, сельскохозяйственный инвентарь, хлеб, рабочий и молочный скот. Часть всего этого была передана средним крестьянам, обеспечен-

ность которых посевами и скотом возросла. Многие и многие из них были спасены от голода. Вследствие этого и под влиянием гражданской войны и интервенции наметился поворот средних крестьян в сторону советской власти. Поворот этот совершился несмотря на все старания зиновьевцев, троцкистов, бухаринцев и помещичье-буржуазной контрреволюции оттянуть и предотвратить его. Перелом выразился в многочисленных резолюциях крестьянских митингов, приветствовавших Ленина и советскую власть, в успешной мобилизации крестьян в Красную Армию. Посылая своих сынов в Красную Армию, крестьяне отдавали им свои небольшие излишки хлеба, теплую одежду и пр.

Ставка посольского корпуса Антанты в Вологде и эсеров на северное крестьянство провалилась. Не удалось им опереться на крестьян коми-зырян Северо-Двинской губернии, где еще в 1918 году влияние эсеров было значительным. Там обосновался один из лидеров правых эсеров — Питирим Сорокин. Контрреволюционной его работе наша партия противопоставила огромную политико-разъяснительную работу и помощь трудовому крестьянству в его борьбе против кулачества. С августа — сентября в уездах и селах начали расти партийные ячейки. В сентябре уже состоялся I губернский партийный съезд. В ноябре — декабре в губернии существовала уже довольно густая сеть партийных ячеек. К началу 1919 года здесь насчитывалось 149 ячеек с 3983 членами и 2153 сочувствующими⁶.

Партия и советы повели за собой бедноту, организовали ее в комбеды и вырвали ее из-под эсеровско-кулацкого влияния. Основная масса крестьян пошла за советской властью, за партией. Крестьяне начали интересоваться политическими вопросами. На митинги, которые обычно устраивались без большой предварительной подготовки, собирались из отдаленных сел и деревень тысячи крестьян. Все они принимали резолюции о поддержке советской власти и обещали «явиться по первому зову своего правительства».

Из Северо-Двинской губернии в середине октября сообщали: «Раскол полный. Кулаки откололись, а бедняки стали на сторону советов и нашей партии. Другие партии все потеряли свое влияние»⁷.

Ставка эсеров и их хозяев на крестьянство была бита. Питириму Сорокину ничего не оставалось делать, как явиться в ЧК с повинной, и там он написал свое

¹ «Деревенская коммуна» № 40 от 13 октября.

² «Вестник...» № 5, стр. 279.

³ «Деревенская коммуна» № 54 от 26 октября.

⁴ «Вестник...» № 3, стр. 283.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 283.

⁶ Ветошкин «Революция и гражданская война на севере», стр. 108. Вологда. 1927.

⁷ «Вестник...» № 4, стр. 389.

покаянное письмо. Письмо Пятирима Сорокина знаменовало поворот середняка в сторону советской власти. Вскоре после этого Ленин в статье «Ценные признания Пятирима Сорокина» выдвинул лозунг союза с середняком при прочной опоре на бедноту и беспощадной борьбе с кулачеством.

Этот лозунг нашел свое партийное оформление в резолюции VIII съезда партии.

Перелом в настроениях крестьян, который особенно заметен был в Северной области, произошел и в большинстве других областей страны и в значительной степени был подготовлен походом рабочих в деревню. Лишь благодаря массовому походу рабочих в деревню советская власть сумела преодолеть июльский кризис и, перетянув на свою сторону средних крестьян, победить в гражданской войне.

Подводя итоги первого года пролетарской диктатуры, походу рабочих в деревню, Ленин говорил: «Они шли для того, чтобы дать отпор эксплуататорским элементам деревни — кулакам, которые нажили неслыханные богатства в спекуляции с хлебом в то время, когда народ умирал с голода. Они шли на помощь трудящейся

бедноте, большинству деревень, и что они шли не напрасно, что они протягивали руку союза, что их подготовительная работа слилась с массой, — это полностью показал июль, июльский кризис, когда кулацкое восстание пробежало по всей России. Июльский кризис закончился тем, что в деревнях повсюду поднялись трудовые эксплуатируемые элементы, поднялись вместе с пролетариатом городов»¹. И постольку, поскольку беднота выделялась в деревне и целиком пошла за пролетариатом и середняк становился на сторону советской власти, Ленин говорил:

«Теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне»².

А в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится о том, что «поход пролетариев в деревню и организация комитетов бедноты упрочили Советскую власть в деревне и имели огромное политическое значение для завоевания крестьянина-середняка на сторону Советской власти»³.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 253—254.

² Там же, стр. 254.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 212.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАРАБАХА К ЦАРСКОЙ РОССИИ

Нагорно-Карабахская автономная область входит в состав Азербайджанской ССР.

На территории Нагорного Карабаха (4456 квадратных километров) живет около 160 тысяч человек. Из них: армян — 89,1%, азербайджанцев — 10%, русских — 0,5% и прочих — 0,4%. Народ этой маленькой страны показал на протяжении веков стойкость и отвагу в борьбе с чужеземными поработителями, упорно боролся против арабских, монгольских, турецких, персидских и других завоевателей.

В XVII столетии Нагорный Карабах находился под владычеством Персии. Персидский шах Аббас в награду за помощь в борьбе против Турции дал княжеский титул «мелика» пяти представителям карабахской знати. Нагорный Карабах был разделен на пять частей, безраздельно подчиненных меликам. Власть мелика передавалась по наследству старшему сыну. Мелики пользовались правом не только облагать население налогами, но и лишать своих подданных жизни. В распоряжении каждого мелика была собственная армия.

В 1722—1723 годах Нагорный Карабах освободился от персидского ига. Успеху борьбы народных масс Карабаха против Персии помогло то, что она оказалась в это время под ударом афганского хана с одной стороны и Петра I — с другой. Народ Карабаха поднялся на борьбу с персидским игом, так как гнет и разорение карабахского крестьянства достигли небывалых размеров, в стране царил разруха и нищета.

Мелики были заинтересованы в том, чтобы Карабах, подвергавшийся непрерывным военным нападениям, раз и навсегда оказался под защитой крупного, могучего государства. Государством, под покровительством которого правители Карабаха хотели отстоять существование своей страны и успешно бороться против персидских, турецких и иных захватчиков, была Россия. В установлении протектората царской России были особенно заинтересованы торговые круги Карабаха.

Начиная со времен Петра I карабахские мелики стремились к установлению русского протектората над Нагорным Карабахом. Они учитывали, что враги, разорявшие их страну, были также врагами царской России, которая воевала с Персией,

Турцией и с целым рядом ханств в Азербайджане, враждебных Карабаху. Протекторат царской России над Карабахом был меньшим злом чем опустошительные пашества многочисленных восточных завоевателей.

В то же время русский царизм хотел создать непреодолимую преграду против Турции и Персии, а для этой цели наиболее надежной силой он считал грузинские и армянские княжества, в том числе и карабахские меликства. Особенное значение для России XIX столетия имело владычество над Нагорным Карабахом, ибо, находясь на границе Персии, он мог служить плацдармом для дальнейшего наступления России на Персию¹. Вот почему царизм особенно усилил в этот период пропаганду за российскую ориентацию карабахских властителей. Российский царизм использовал для этого религиозные противоречия между армянами-христианами и турками и персами-магометанами. Среди армянского народа и, в частности, среди жителей Нагорного Карабаха велась усиленная пропаганда в пользу господства российского царизма.

Господствующие элементы в Карабахе мобилизовали местные силы — всех своих подчиненных — и готовились поддержать русский царизм в его борьбе на Востоке.

В распоряжение русского командования должны были быть предоставлены военные силы и необходимое продовольствие. Обо всем этом карабахские мелики ставили в известность русское правительство и ждали прихода русских войск.

Князь Потемкин, к которому дважды обращались карабахские мелики еще в 1783 году (6 апреля и 10 мая), приказал главнокомандующему кавказских войск генералу-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину, чтобы он «ласкал» карабахских меликов, обнадеживал их и сообщал, что русское государство хочет в ближайшее время поддержать Карабах.

Летом 1784 года в Карабах должны были прибыть войска генерала Потемкина.

¹ Эти стратегические моменты утратили свою остроту после поражения Персии в 1826—1827 годах и особенно после установления русско-иранского соглашения, а затем и союза в 1834 году.

Их с нетерпением ожидали карабахские мелики. Но прошел целый год, а войска не прибывали. В 1785 году карабахские мелики вместе с католикосом Иоаннесом созвали в Гандзасарском монастыре ряд тайных совещаний, где присутствовали также представители Эчмнадзина¹ и почти вся армянская знать², после чего снова обратились к Потемкину с просьбой о немедленном вступлении русских войск в Карабах.

Несмотря на строгую секретность работы тайного совещания в Гандзасарском ванке (монастыре) она стала известна врагу меликов—Ибрагим-хану (сыну Манак-хана), владельцу Шушинской крепости, которому были подчинены два карабахских мелика—владельцы Варандинского и Хаченского районов. Один из участников тайного совещания — Гасап-Джалалян Аллах-Кули-бек (брат католикоса Иоаннеса) — после окончания совещания сейчас же поехал в Шушу и подробно рассказал Ибрагим-хану о решениях и мероприятиях тайного совещания.

Ибрагим-хан, делая вид, что ничего не знает о тайной деятельности меликов, вызвал их к себе якобы с целью посоветоваться с ними по ряду серьезных вопросов. Когда мелики прибыли в Шушу, он сейчас же арестовал их. Затем Ибрагим-хан ограбил имущество Гандзасарского монастыря и посадил в тюрьму католикоса Иоаннеса, где и умертвил его.

Меликам Джрабертского и Гюлистанского районов (Мелик-Меджлуму и Мелик-Абову) недолго пришлось сидеть в тюрьме. Однажды ночью они были освобождены своими сторонниками и бежали в Гянджу (1787 год), куда прибыли в скором времени генерал Бурнашов и грузинский царь Ираклий с русскими войсками. Они должны были напасть на Шушу и уничтожить господство Ибрагим-хана. Но в том же, 1787 году в связи с возникновением новой русско-турецкой войны войска были переброшены в другое место.

Вместе с русскими войсками Ираклий вернулся в Тбилиси. С ним поехали также Мелик-Меджлум и Мелик-Абов. Они продолжали свои переговоры с Ираклием и официальными лицами русского правительства о помощи в борьбе против Ибрагим-хана, но их переговоры не дали результатов, выгодных для карабахских меликов.

¹ В Эчмнадзине — религиозно-церковном центре Армении — находился глава армянской церкви — католикос.

² На тайное совещание не были приглашены мелики Варандинского (Шахназар) и Хаченского (Аллахверди) районов, ибо они являлись сторонниками Ибрагим-хана, врага остальных меликов.

Ираклий получил письмо от Ибрагим-хана, который просил арестовать и передать в его распоряжение находившихся в Тбилиси двух карабахских меликов, обещая взамен вернуть 3 тысячи азербайджанских семейств, которые раньше были грузинскими подданными и по своей воле переселились в Карабах, возле Аскеранской крепости. Ираклий готов был согласиться на его предложение; об этом узнали мелики и бежали в Гянджу, к местному хану Шахверди, противнику Ибрагим-хана.

Весной 1795 года начался необычайно разрушительный по своим последствиям поход нового персидского шаха, деспота Ага-Мамед-хана, который хотел захватить Карабах, Гянджу, а затем Тбилиси и другие города и области Закавказья. Зная о переговорах карабахских меликов с царской Россией и о том большом значении, которое они могли иметь при установлении господства царской России в Карабахе, Ага-Мамед-хан предпринял ряд мер, чтобы привлечь меликов на свою сторону. Находясь еще на берегу Аракса, он послал карабахским меликам приказ подчиниться ему и обещал за это уничтожить господство Ибрагим-хана, восстановить их прежние права и т. п. Но мелики, за исключением Мелик-Меджлума, не подчинились ему. Под давлением требований народных масс они вынуждены были объединить свои силы с Ибрагим-ханом для борьбы против персидского нашествия. У трулящихся армян и азербайджанцев было одно стремление — объединенными силами противостоять нашествию Персии. Здесь мы имеем один из многочисленных фактов единого, совместного выступления армян и азербайджанцев против иностранного, персидского вторжения.

У Мелик-Меджлума (мелика Джрабертского района) были другие расчеты. Он хотел воспользоваться случаем и нанести смертельный удар Ибрагим-хану и грузинскому царю Ираклию. Поэтому он со своим небольшим войском присоединился к походу Ага-Мамед-хана.

Они осадили Шушинскую крепость, но взять ее не смогли. Совместная борьба азербайджанских и армянских воинов, которые находились в осажденной крепости 40 дней, заставила отойти превосходящей силой части противника от ее стен.

Оставив около Шуши небольшой отряд, Ага-Мамед-хан двинулся со своим войском в сторону Тбилиси.

Ираклий попытался вовлечь своих феодалов в борьбу против Ага-Мамед-хана, но на его призыв откликнулись немногие, так как большинство феодалов стремилось ослабить его власть.

Трусость Ираклия перед лицом врага деморализовала его войска, и большинство воинов разошлось до того, как должно было произойти столкновение с врагами.

В сентябре 1795 года Тбилиси перешел в руки Ага-Мамед-хана. Его войска 8 дней непрерывно разрушали и грабили город. Они захватили в этом походе 12 тысяч пленных.

В результате похода усилилось персидское влияние в Закавказье. Интересам русского царизма был нанесен сильный удар.

В феврале 1796 года царское правительство приказывает генералу В. А. Зубову начать при помощи местных сил войну против персов. Зубов концентрирует значительные воинские силы, захватывает Дербент, Кубу, Шемаху, а весной 1797 года приближается к Гяндже и вплотную подходит к границам Карабаха. Он вынужден был прекратить свой победоносный поход, получив внезапное распоряжение возвратиться в Россию.

Летом 1797 года Ага-Мамед-хан организовал новый поход на Закавказье. Захватив Карабах и Гянджу, он узнал, что его ближайший помощник Мелик-Меджлум убит¹. Трое из пяти карабахских меликов при первом походе Ага-Мамед-хана не только не помогли ему, но и боролись против него, поэтому они бежали при его приближении. Ибрагим-хан раньше всех оставил Шушинскую крепость и со своей семьей переехал к брату одной из своих жен, к Омар-хану².

Вместе с тремя меликами бежит в Грузию, в районы Борчалу и Лори, значительная часть карабахского населения. Эта стихийная эмиграция карабахского населения была вызвана исключительно тяжелым экономическим положением страны, созданным в результате ряда повторяющихся друг за другом войн. Военное положение Карабаха в течение всего периода 1795—1798 годов и, в частности, двухкратный поход Ага-Мамед-хана не давали возможности крестьянам заниматься хлебопашеством. В 1797 году к этому прибавилась еще засуха, которая уничтожила посевы. Наступило время, когда карабахцы начали питаться травой и корнями. В результате ужасного голода долины Карабаха покрылись трупами. В 1798 году, когда голод достиг неслыханной силы, появилась чума.

Эмиграция населения Карабаха в Турцию, Персию, Россию, Грузию началась в

¹ В апреле 1796 года Ираклий во главе грузинских войск, наемных лезгин и оставшихся русских частей напал на Гянджу. Ему помог Ибрагим-хан. В этой войне был убит Мелик-Меджлум.

² Омар являлся ханом Аварии (одного из районов Дагестана).

1797 и 1798 годах. Основная масса людей переселилась в Грузию. В эмиграции население Карабаха находилось в бедственном положении: вымирало, превращалось в бродячих нищих, значительная часть эмигрантов стала крепостными местных князей.

2

В начале XIX столетия русский царизм утвердил свое господство сначала в Грузии, затем в Азербайджане. Под давлением военной силы царизма Карабахское ханство также попадает под его господство. Фактический хозяин всего Карабаха Ибрагим-хан, зная, что сопротивление бесполезно, признал господство царской России без войны. В 1805 году возле реки Кюрюкчай он заключил мирный договор с русским командованием. Основные условия кюрюкчайского договора следующие: на весь Карабах распространяется протекторат царской России, Шушинскую крепость занимает русское войско, управление остается в руках хана, но под контролем русских чиновников.

Новая политическая обстановка в стране, созданная осуществлением кюрюкчайского договора, а также тяжелое материальное и моральное состояние карабахцев побудили их возвратиться на родину.

В первую очередь возвратились мелики (кроме Мелик-Абова), которые еще до 1805 года поступили в русские войска и боролись против разных ханов в Азербайджане. Однако мелики были изумлены и возмущены тем, что Ибрагим-хан не отстранен, что старые, феодальные права меликов не восстановлены. Царская власть не хотела одним ударом уничтожить ханство, ибо это устранило бы или смягчило вражду между местными национальностями. Для обеспечения своего господства русский царизм использовал религиозные и национальные различия между азербайджанцами и армянами, разжигал вражду между ними.

Через несколько месяцев после заключения кюрюкчайского договора, 8 февраля 1806 года, в Баку был убит главнокомандующий русскими войсками Пиццианов. В это время во многих ханствах Азербайджана, в особенности в Баку, шла война. Местные ханы выступили против русских войск. Ибрагим-хан несмотря на свою клятву, данную всего несколько месяцев тому назад русскому командованию о своем полном подчинении России, начал готовить выступление против русских. Зная о враждебном отношении Персии к царской России и об ее огромной подготовительной работе, направленной против русских войск,

он тайно послал своего сына к наследнику персидского шаха Аббас-Мирзе с сообщением о том, что русские войска с большим трудом справляются с местными ханами и что он, Ибрагим-хан, готов всячески помочь персидской армии против русских войск.

Аббас-Мирза с огромной армией начал наступление на Карабах и приблизился к его центру, Шумшинской крепости. В это время в Шуше находилось всего несколько сот русских солдат под командованием начальника Шумшинской крепости Лисаневича. В мае 1806 года армия Аббас-Мирзы дошла до селения Шушу (которое находится на расстоянии 3 километров от города Шуши) и стала готовиться к штурму крепости. Ибрагим-хан выбрался ночью из крепости вместе со своей семьей (24 человека) и сделал попытку добраться до Аббас-Мирзы. Но Лисаневич узнал о предательстве, догнал со своими солдатами Ибрагим-хана и убил на дороге всех мужчин, в том числе и самого Ибрагим-хана¹.

В этом деле большую помощь оказал Лисаневичу Мелик-Джумшуд², который со своим кавалерийским отрядом находился в это время в Шуше и которому были известны настроения Ибрагим-хана. За заслуги перед царской армией Мелик-Джумшуд был награжден чином полковника.

Шумшинская крепость была окружена армией Аббас-Мирзы. Майор Лисаневич и Мелик-Джумшуд со своими солдатами, получая поддержку жителей города, упорно сопротивлялись. Однако при наличии незначительного количества войск крепость не могла долго держаться против огромной армии неприятеля. Требовалась срочная помощь со стороны.

На помощь осажденным был направлен из Гянджи отряд русских солдат в составе 600 человек под командованием Карягина. Его сопровождал карабахец Вани-юзбаша со своим кавалерийским отрядом. Возле реки Каркара русские встретились с передовым отрядом персидской армии, численность которой превышала 10 тысяч солдат. Небольшой отряд Карягина потерпел поражение. Больше половины солдат погибло, а остальные вместе с раненым Карягиным отступили и укрылись в крепости Шах-Булаг. После восьмидневной осады войсками Аббас-Мирзы эта крепость перешла в руки персидских войск. К укреплению Аббас-Мирзы в крепости Шах-Бу-

лаг не оказалось ни одного человека. По неизвестной персидской армии тропинке Вани-юзбаша повел своих и русских солдат в деревню Мохратах и тем спас их жизнь. Вскоре после этого события в Карабах прибыли новые русские войска, которые вытеснили армию Аббас-Мирзы за пределы реки Аракс. Карабах остался в руках русского командования.

Зимой 1812 года Аббас-Мирза с огромной армией вновь начал наступление на Карабах. Он хотел воспользоваться нашествием Наполеона, которое, по его мнению, должно было значительно ослабить военную мощь России и тем самым облегчить выполнение его завоевательных планов в Закавказье. Война с небольшими перерывами продолжалась до начала октября 1813 года. 12 октября 1813 года был заключен гюлистанский договор, согласно которому Персия «согласилась» оставить в руках русской монархии Карабах, Шемаху, Гянджу, Шаки, Талыш, Кубу и Дербент.

Для успешного подавления часто повторявшихся восстаний во вновь завоеванных местностях, для обеспечения своего господства царское правительство назначало преданных ему лиц, знающих местные условия, быт, национальные и религиозные особенности населения. Одним из таких людей был генерал Малатов (уроженец Карабаха), который хорошо знал восточные обычаи и приемы борьбы восточных народов. Распоряжением высших органов командования царской России Малатов в 1816 году был назначен командиром особого отдела Закавказской армии, а в 1817 году его назначили губернским военным правителем Карабахского, Шакинского и Ширванского ханств. Он стал фактическим диктатором всей этой территории.

Карабахский хан (Мехти-Кули-хан) вместе с шакинским и ширванским ханами принес клятву Малатову на верность царской России. Но когда им стало известно, что Аббас-Мирза готовится к новой войне против русских, что мирный договор 1813 года являлся обманом и тактическим приемом для того, чтобы сконцентрировать и усилить силы Персии против России, все три хана тайно перешли в ряды персидской армии и стали готовиться к наступлению. Бегство Мехти-Кули-хана в Персию произошло в 1822 году. Этим завершился процесс постепенной ликвидации ханства в Нагорном Карабахе.

¹ Сын Ибрагим-хана в это время в силу тяжелой болезни остался в Шуше и тем самым спасся от смерти.

² Мелик-Джумшуд являлся князем Варрандинского района. Он в отличие от своего отца (Мелик-Шахназафа, умершего в 1791 году) был во враждебных отношениях с Ибрагим-ханом.

В 1826 году восьмидесятитысячное войско под командованием Аббас-Мирзы, перейдя реку Аракс, захватило сначала Запегурский район, где оно уничтожило в

селении Горис батальон русских солдат, а затем захватило все пять районов Карабаха, за исключением города Шуши. Аббас-Мирза использовал благоприятный момент для нападения, решив, что после смерти Александра I и декабрьского восстания 1825 года силы царизма ослаблены.

Во время вторжения огромной персидской армии в Карабах здесь находились всего шесть рот русских солдат. Они были расположены в деревне Чанахчи; командовал ими полковник А. П. Реут. Эта деревня принадлежала князю Мадатову.

После захвата Зангезура Аббас-Мирза повел наступление на Чанахчинскую крепость, но русское войско без сопротивления оставило эту слабо защищенную крепость и перешло в более удобную для защиты крепость—Шушу. Персидская армия уничтожила Чанахчи и замок Мадатова, после чего двинулась вперед и окружила Шушинскую крепость. Одновременно Аббас-Мирза послал часть своей армии в Гянджу. В результате город был разгромлен. После захвата города Гянджи часть персидской армии не пошла вперед, а стала ожидать оставшуюся возле Шушинской крепости другую часть армии под командованием Аббас-Мирзы с тем, чтобы объединенными силами напасть на Тбилиси.

Несмотря на количественное превосходство персидских войск, окружавших город Шушу (по сравнению с количеством солдат в Шуше персидских солдат было примерно в 30 раз больше), им не удалось взять крепость. Осада крепости продолжалась 48 дней.

При помощи своих наемных инженеров (итальянцев и французов) Аббас-Мирза пытался разрушить стены крепости, подводил мины под крепостные башни. Кроме того он стал вести тайные переговоры с жителями Шуши, склоняя их к измене, добиваясь, чтобы они открыли двери крепости. Непрерывный обстрел крепости продолжался в течение многих дней, но героическая защита русских войск, использовавших благоприятное для обороны географическое расположение крепости, разбила все проделки Аббас-Мирзы — крепость не пала.

Помимо русских войск в Шуше было много людей, городских жителей и крестьян из разных районов Карабаха, настроенных против Персии и боровшихся в одном ряду с русскими солдатами.

Вот как описываются эти события в книге «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова»¹.

«Для покорения крепости Шуши тщетно Аббас-Мирза прибегал, в продолжение 47-ми дневной блокады, к искусству на-

хотившихся при нем французских и итальянских инженеров, тщетно употреблял траншеи, расположенные на ружейный выстрел от стен, подведенные под башни мины, пробитые уже в крепостных стенах бреши: ничто не могло поколебать горсти русских, которые, дружно соединяясь с армянами, большею частью из имени князя Мадатова, с мужеством отражали на всех пунктах атаки и нападения неприятеля, в тридцать крат превосходнейшего в числе против гарнизона крепости, не снабженной в достаточном количестве ни продовольствием, ни огнестрельными снарядами, кои находились в Чанахчи, в штаб-квартире 42 егерского полка. Видя столь упорное сопротивление гарнизона и не надеясь покорить его силою, Аббас-Мирза старался ослабить его непрерывными ночными тревогами и перестрелками, что по обширности крепости, имеющей несколько верст в окружности, очень утомляло гарнизон, наконец не достигнув и в этом успеха начал обольщать разными обещаниями бывших в крепости армян и убеждал их отложиться от русских, но и в сем предприятии встретил единодушное и твердое сопротивление. Количество пороха и пуль, приготавливаемое ночью, выходило днем. Даже женщины и молодые девушки оказывали храбрость и усердие, помогали на самых валах осажденным, подавали патроны. Много слышно рассказов и до сего времени о самоотверженности шушинских жителей».

В августе 1826 года русская армия под командованием генерала Мадатова повела наступление на Гянджу и захватила ее. Заняв ряд других районов, русская армия направилась в Карабах. Несмотря на то что русские войска в количественном отношении были значительно меньше персидских войск, война кончилась победой русских.

Основная часть населения Карабаха и ряда других районов веками враждебно относилась к Персии, для которой Карабах являлся объектом многочисленных поборов и грабежа и поэтому оказала помощь русским в войне против Персии. Кроме карабахцев активно участвовали на стороне русских специальный грузинский полк, два батальона Ширванского полка и ряд отрядов, сформированных на местах.

Персидская армия действовала распыленным фронтом. Часть армии боролась на гянджинском фронте, часть занималась грабежом деревень Карабаха и других районов, часть окружила Шушинскую крепость и безуспешно боролась за ее овладение и т. д. В смысле организованности и знания военного дела персидская армия стояла не на высоком уровне.

Мадатов проявил в этой войне большую

¹ Стр. 115 — 116. С.-Петербург. 1863.

изобретательность. Он приказал изготовить огромную арбу и поставить на нее 4 пушки. Эта арба двигалась впереди наступающей армии и своей артиллерийской стрельбой вызывала потрясение и ужас среди персидских солдат. Полагая, что это какая-то новая военная машина и что против нее нельзя бороться с помощью обычного оружия, персидские войска шантически отступали.

«Взяв с собою два батальона, полк казачков и 4 орудия, князь Мадатов с конницею пустился усиленным маршем за неприятелем и гнал его 23 версты. Аббас-Мирза, узнав о сем преследовании, до того ускорил свое бегство, что приказал пехоте сесть на лошадей вместе с кавалеристами, так что на одной лошади было по два всадника, и 15 сентября сам, а 17-го разбитая его армия переправилась за Аракс. 18-го уже ни одного неприятеля не оставалось в Карабахе»¹.

Персидская армия с огромными потерями покинула Карабах. Шумшинская крепость после 48-дневной персидской блокады была освобождена.

Через несколько месяцев после этой победы (в начале декабря 1826 года) князь Мадатов получил директиву от Ермолова об организации наступления на Персию, т. е. о том, чтобы начать новую войну на территории самой Персии. Этим мероприятием царское правительство прежде всего хотело устрашить Персию и не дать ей возможность начать новую войну.

В конце декабря 1826 года русские войска начали наступление на Персию. Мадатов имел в своем распоряжении не только русских солдат, но и местных армян — карабахцев. Возле моста Худафири к Мадатову присоединился полковник Месченко со своим полком.

Наступая, войска Мадатова по его приказанию истребляли множество людей, грабили, угоняли десятки тысяч голов крупного и мелкого скота. Жестокая расправа с побежденными, применяемая Мадатовым, истребление людей, грабеж и т. д. — все это усиливало панику среди мирного населения Персии. Мадатов достиг своей цели: своим сильным ударом он терроризировал Персию и с огромной добычей возвратился в Карабах.

Но весной 1827 года вновь началась русско-персидская война, которая кончилась в начале 1828 года победой России. Река Аракс была признана границей между двумя государствами — Персией и Россией. Россия получила контрибуцию от Персии и переселила в подчиненные

¹ «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова», стр. 125. С.-Петербург, 1863. 2-е изд.

парской России районы на левом берегу Аракса 40 тысяч армян².

4

В первой четверти XIX века в Карабахе значительно увеличивается количество помещиков. Сконцентрированная в руках одного хана земельная площадь пяти меликов, нескольких ванков (монастырей) и части крестьян превращается в собственность целой группы беков, получавших поддержку царской России. Вместо одного шумшинского хана (Мехти-Були) выступают десятки и сотни землевладельцев.

Новая землевладельческая знать Нагорного Карабаха, в лице так называемых «беков», вела борьбу за расширение земельной площади. Путем прямых захватов и обмана, «покупая» за гроши или получая в уплату долгов земельные участки крестьян, беки сконцентрировали в своих руках почти всю земельную собственность в Карабахе.

При господстве российского царизма податная система в Карабахе сохранялась в том же виде, что и в период господства шумшинских ханов (т. е. до 1822 года). Во всей провинции «в пользу дивана (казны) взымались следующие сборы: мелджахан — натуральный сбор хлебом, сальяна — ежегодный сбор хлебом (пшеницей и ячменем), мнрзаяна — сбор на содержание канцелярий и присутственных мест, отаг-харджи — подать, заменявшая повинности квартирой и фуражом, ат-аршаи — сбор ячменя для ханского войска, калантарлык (сбор в пользу калантаров — низшая администрация), байрамлык — «праздничные приношения», кархана-харджи — сбор с шелкомотальных и др. мастерских, багбаши — сбор с салов, чонбаши — сбор с пашбиц и т. д. После 1822 года все эти сборы сохранились, их продолжали взимать в пользу русского казначейства. Еще в 1806 году здесь была введена денежная подать (так называемые «червонцы») на покрытие дани, следовавшей с хана как вассала русского царя»³. От податей были освобождены только беки и духовенство.

К этим «закопным» податям, взимавшимся царским правительством, прибавля-

² Из этих переселенцев многие остались в Карабахе. Так например селение Казарх (в Джрабертском районе Нагорного Карабаха) ныне называется Марага, ибо в 1823 году здесь были поселены жители персидского города Марага, от которого деревня получила свое новое название.

³ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане», стр. 11. Издание Академии наук СССР, 1936.

лись еще различные виды сборов, установленные правителями провинций и царскими чиновниками для своих собственных нужд. Так например комендант Карабахской провинции обязал приносить ему различные «подарки» и денежные сборы за каждую свадьбу. Если этот приказ не выполнялся, то во время свадьбы арестовывались не только жених и невеста, но и их родственники и другие участники «веселья». Комендант провинции получал также подати, как сборы за пролажу и убой скота, за краску ткани, полка и т. д. Он получал пошлину за все привозимые в Шушу товары и продукты. Для получения пошлины комендант ставил у ворот Шушинской крепости своих смотрителей и откупщиков, которые останавливали каждого приехавшего в город человека, и если находили у него какой-нибудь продукт или товар, то снимали с него часть платья или брали другую вещь в виде залога, чтобы по продаже привезенных вещей он явился в нужное место и платил пошлину.

Решение всех дел, касающихся населения Карабаха, от самых мелких до самых крупных, зависело от подкупа, взятки.

Особенно хищническую роль играли так называемые наибы. Карабахская провинция была разделена на 11 магалов (участков), управляющие которыми назывались наибами. Эти наибы грабили трудящихся Карабаха и часть своих доходов отдавали коменданту, который в связи с этим не препятствовал их грабительским действиям. Один из представителей царского правительства (Нефедьев) в конце 1837 года, обследуя Карабах, писал в своей записке по поводу наивов:

«Наиб, не имея постоянного местопребывания, раз'езжает со свитой своею по деревням. Посещения его обходятся обывателю очень дорого. На каждый обед наиба требуется один баран, один литр сорочинского пшена, пол-литра масла; повару его застряню 5 руб. сер., слуге 4 руб. сер., мирзе 12 руб. и самому наибу 50 руб. При наибе бывает до 10 нукеров, которые ездят на обывательских лопалях и в свою очередь побираются деньгами»¹.

Такого рода факты беспокоили представителей русского царизма, так как возмущали народ и подрывали положение местной знати, на которую царизм опирался. В этом причина того, что тот же Нефедьев сообщал по начальству о том, что комендант, наибы и другие должностные лица занимаются злоупотреблениями, обременяют народ и тем самым вредят правительству.

¹ «Колониальная политика русского царизма в Азербайджане», стр. 350. Издание Академии наук СССР. 1936.

Трудовой народ Карабаха находился под двойным гнетом: русского царизма и «своих», карабахских эксплуататоров, за которыми царское правительство сохранило титулы «хан», «бек», «ага» и т. д., а также помещичьи права. Бедственное положение трудового народа Карабаха видно из письма 14 крестьян-ремесленников толара Шуши, относящегося к концу 1837 года:

«Мы все ремесленники и по мере состояния и трудов наших доставляли пропитание нашим семействам, ныне же он, Ахмет-хан, до такой крайности нас довел, что мы лишены всяких средств, кроме того, чтоб заложить наши дома и имущества, дабы быть в состоянии выполнять все требования его, Ахмет-хана. По бедности нашей потеряли между народом всякое доверие, и помощи ни откуда ожидать не можем: кроме всех сих бедствий, нами претерпеваемых, и другие повинности довершают нашу крайность. К кому мы ни обращались с просьбой об облегчении нашей участи, — просьба наша бывает отвергнута»².

Русские чиновники всякий такой протест против беков и ханов рассматривали как акт «беспорядка», бунта и т. д. и строго наказывали протестующих.

Карабахцы многократно обращались к царизму с индивидуальными и коллективными жалобами на притеснения со стороны местных правителей. В 1820—1830 годах царскому правительству было направлено огромное количество такого рода жалоб, и оно вынуждено было направлять ревизоров для обследования положения дел на месте. Но результаты этих обследований, так же как и горы прошений и жалоб, оставались лежать в архиве, а положение карабахского народа становилось все более тяжелым.

5

В 1841 году в селении Зарланашене (Верхний Тагаварт) возникло восстание крестьян против помещичьего гнета. Это было первое крестьянское восстание против помещиков Карабаха после его завоевания и колонизации русским царизмом. Владелец Зарланашена Осип-бек Мадатов в течение многих лет настолько зверски эксплуатировал своих крестьян, что они вынуждены были пролавать все свое имущество и работать на него не только днем, но и по ночам. Старики и дети также вынуждены были заниматься непосильным трудом на Осип-бека.

В 1841 году Осип-бек в ответ на отказ крестьян выполнить непосильные его тре-

² Там же, стр. 369.

бования обратился в русскую полицию с просьбой «воздействовать» на крестьян. Полиция выступила в защиту интересов Осип-бека и произвела аресты среди крестьян. Через несколько дней один из арестованных тяжело заболел. Его освободили из тюрьмы в тяжелом состоянии, и он вскоре умер. Смерть этого человека дала повод к восстанию почти всех крестьян Зарданашена. Восстание кончилось поражением крестьян. Полиция арестовала восставших; главари и активные участники восстания были заключены в Шумшинскую крепость.

О некоторых подробностях крестьянского волнения в Зарданашене и о жестоких репрессивных мерах министерства внутренних дел против более активных участников восстания можно узнать из материала, который датирован 18 декабря 1843 года и послан Комитету по устройству Закавказского края. Несмотря на большой объем упомянутого документа мы считаем необходимым привести его целиком. Вот его содержание:

«Жители Карабагского селения Зарданашина, принадлежащего прап. Иосифу Мадатову, принесли в 1841 году жалобу на владельца своего за обременение их будто бы повинностями. По произведенному о сем исследованию жалоба оказалась совершенно несправедливою и приказано было жителям повиноваться. Приказание это и все убеждения местной полицейской власти несколько не подействовали, почему дело было передано судебному рассмотрению, вследствие которого по решению Каспийской палаты уголовного и гражданского суда, состоявшемуся 20 марта 1842 г., 12 главных зачинщиков буйства и непослушания были подвергнуты месячному содержанию в тюрьме на собственном их иждивении с подтверждением, что если они еще осмелятся оказать подобное неповиновение, то поступлено будет с ними по всей строгости законов. Несмотря, однакоже, на это, зарданашиныцы остались при прежнем упорстве, и никакие кроткие внушения начальства, ни строгие меры не могли заставить их исполнять обязанности к владельцу Мадатову, которому они решительно и навсегда отказались повиноваться, оспаривая притом законность прав его владения. Пример их начал возбуждать и в прочих поселенцах дух неповиновения, почему к отвращению вредных от того последствий главные виновники в числе 17-ти человек по распоряжению главноуправляющего Закавказским краем ген. от инф. Головина преданы были военному суду.

Комиссия военного суда приговорила виновных в неповиновении своему владельцу и начальству жителей Зарданашина 13 че-

ловек, а именно Каспара Багдасарова, Аракела Петнева, Арзумана Матиева, Мартироса Минасова, Гукаса Гаириева, Осипа Степанова, Акопа Даниелова, Кани Кочиева, Карамана Саакова, Дада Аветисова, Микиргича Пеюниева, Каспара Арютинова и Ованеса Крпкорова на основании 233 ст. Св. военноуголовных законов — лишить прав состояния и, наказав шпицрутенами, сослать в каторжную работу; 4-х же человек: Кюка Ованесова, Асри Саркисова, Кяпи Мартirosова и Мартirosа Оганова — сослать в каторжную работу по старости лет без наказания.

С решением этим согласился управляющий областью с тем, чтобы 13 человек подсудимых наказать шпицрутеном через 500 человек по 2 раза каждого.

По представлении приговора на утверждение к главноуправляющему Закавказским краем ген.-адъют. Нейгариту, он признал необходимым для полноты дела исследовать справедливость отзывов жителей, будто бы прап. Иосиф Мадатов несправедливо владеет ими, не имея на то никаких прав, — тем более, что они изъявляли готовность повиноваться, если правительство признает права Мадатова действительными. По произведенному вследствие того исследованию оказалось, что Мадатов есть настоящий законный владетель селения Зарданашина, жители которого, как отцу его Петрус-беку Мадатову, так и ему самому до 1841 г. повиновались беспрекословно, исполняя все к нему обязанности.

Главноуправляющий Закавказским краем, доводя о сем до сведения моего, присовокупляет, что он по рассмотрении обстоятельств сего дела и по соображении с 261 ст. 15 т. Св. зак. (изд. 1842 г.) полагает из числа подсудимых 13 человек, не изъятых от телесного наказания, наказывать шпицрутеном чрез 500 человек каждого по одному разу и потом, как их, так и остальных 4-х человек, освобождающихся от наказания, сослать в Сибирь на поселение».

Другое восстание произошло в 1842 году в селении Баназоре (Лизакский район Нагорного Карабаха). Владетелем этой деревни был полковник Джафар-Кули-ага, который по своему происхождению принадлежал к роду шумшинских ханов. После бегства Мехти-Кули-хана из Шуши в Персию (1822 год) по инициативе Мадатова Джафар-Кули-ага был арестован и в начале 1823 года сослан в Симбирск, где он провел пять лет. В последние годы ссылки ему удалось своими прошениями доказать царскому правительству, что он в отличие от своего дяди (Мехти-Кули-ага) предан российскому царству. Весной 1827 года Джафар-Кули-ага получил от царского

правительства денежную помощь под видом доходов, не полученных им от своего имени в Карабахе за годы ссылки. Кроме того правительство разрешило ему вернуться в Карабах и владеть своим бывшим именем.

К числу помещичьей собственности полковника Джафар-Кули-ага принадлежало селение Баназор. Летом 1842 года Джафар-Кули-ага вместе с несколькими помещиками распространил провокационные слухи о том, что якобы персидские войска внезапно вступили в Карабах. Эта так называемая педействительная война (последнее название употреблялось современниками) вызвала большую панику среди армян. Жители Баназора и многих других сел, находящихся у границ с Персией, боясь возобновления ужасов и вандализма предыдущей войны, бежали в горы и укрылись в Шумской крепости.

Через некоторое время стало известно, что весть о войне и о вторжении персидской армии в Карабах неверна. Крестьяне стали возвращаться к себе домой. Но материальное положение трудящихся в связи с их уходом из своих сел значительно ухудшилось: пользуясь отсутствием крестьян, помещики разграбили часть их имущества; кроме того крестьяне покинули свои селения в разгар хлебоуборочной работы, вследствие чего пропал почти весь хлеб, подлежащий сбору. Все это привело к резкому повышению цен на хлеб и другие продукты. Долги крестьян возросли. Джафар-Кули-ага на кабальных условиях отпустил «взаимообразно» хлеб своим крестьянам и довел до предела их бедственное положение.

Крестьяне потребовали передачи им части земли Джафар-Кули-ага. С таким требованием крестьяне Баназора обратились к своему помещику Джафар-Кули-ага. В ответ на эти требования помещик стал преследовать крестьян и издеваться над ними, оскорблять их религиозные чувства. Так например Джафар-Кули-ага приказал своим слугам снять фелонь священника (который находился среди крестьян) и одеть ее на собаку. Затем он приказал крестьянам стать на колени и давать земные поклоны собаке, одетой в фелонь.

Возмущенные крестьяне объявили помещику, что не признают никаких помещичьих прав на землю и настаивают на своих требованиях. Джафар-Кули-ага, видя, что его угрозы не дают желательных результатов и что положение становится серьезным, прибег к помощи полиции.

Протесты и восстания крестьян имели место и в других селах Нагорного Карабаха. Особенно мощное восстание произошло

в селении Тег¹ в 1849 году против помещика Асад-бека Рустамбекова. Отец этого помещика в свое время служил у шуминского Мехти-Кули-хана в качестве хранителя печати. Он сфабриковал фальшивые документы, которые «свидетельствовали», что земельная площадь селения Тег куплена им. Это один из тех многочисленных документов, которые были оформлены Мехти-Кули-ханом перед своим бегством в Персию (до 1822 года).

Жители селения Тег в 1849 году обратились в государственную комиссию по определению помещичьих земель и потребовали возвращения от Асад-бека земли, которая раньше принадлежала сельской общине. Комиссия не удовлетворила требований крестьян. Но они настаивали на своем, отправились в соседние деревни (Каринзор и Хнацах), вовлекли крестьян этих деревень в свои ряды и снова повторили требования о возвращении земли.

Это событие встревожило царскую власть. Из Тбилиси в селение Тег был командирован специальный человек для следствия и принятия мер против восставших крестьян. Следователь получил письменное доказательство от крестьян о том, что их собственная земля находится в руках Асад-бека и что они страдают не только от безземелья, но и от многочисленных «законных» и незаконных налогов и сборов.

Письменное заявление крестьян селения Тег представляет большой интерес. В этом заявлении описываются самые различные формы жестокой эксплуатации крестьян. Факты, приведенные в заявлении, были характерны не только для Тега, но и для других сел Нагорного Карабаха. Крестьяне писали о грабительских действиях Асад-бека:

«1) кроме причитающегося от нашего села и общества малджахата (т. е. натурального сбора хлебом. — А. А.) ежегодно насильно получает еще 25 четвертей ячменя для кормления тех четырех жеребцов, которых он держит в нашей деревне; 2) от каждого дома получает 5 вьюков соломы и 1 вьюк сена в год, в то время как мы для своих собственных нужд сами покупаем сено; 3) ежегодно у Асад-бека 9 месяцев работают 5 конюхов, которых мы обслуживаем, т. е. ежедневно по очереди из одного дома даются: 1 вьюк дров, 2 фунта светильного масла, 3 раза еды и 5 комплектов постели; 4) ежегодно 9 месяцев держит у себя бесплатно одного конюха из членов нашего общества, которого мы обеспечиваем хлебом; 5) нас заставляет

¹ Селение Тег ныне находится вне пределов Нагорного Карабаха, в Зангезурском районе Армянской ССР.

покупать принадлежности для своих лошадей; 6) вместе с посылкой своего табуша и скота в Эйлагли он ежегодно посылает 4 человека из нашего общества, которые там 4 месяца бесплатно работают и живут за наш счет; 7) для обработки своего сада от нас 100 рабочих 6 дней работают в год. Кроме того работают 25 пар волов и 75 человек в саду, огороде и в других местах. Вдобавок к этому приказывает, и мы исполняем этот приказ о том, чтобы ежегодно каждый дом за свой счет и своими средствами вырубил и привез из леса в его сад по одному вьюку шестов (жерди); 8) за каждую свадьбу он получает 1 р. 20 к. серебряные деньги и 2 пары носок; 9) своими собственными силами, путем огромных затрат наших сил, каждый из нас на своей собственной земле в свое время создал свой сад. Но Асад-бек также налоги требует за доходы от садов, что мы вынуждены были в этом году отказаться от их обработки с тем, чтобы они уничтожились; 10) каждый год Асад-бек насильно заставляет нас выйти с 30 плугами, пахать нашу собственную землю, сеять ему принадлежащую пшеницу, затем нашими силами жать, молотить и перевозить в гор. Шушу, в его дом; 11) ежегодно более 8 раз собирает яиц и цыплят, что является необычайным явлением в наших районах; 12) довольно далеко от нас, возле города Шуши Асад-бек имеет луга, откуда все сено перевозится за наш счет; 13) во время сбора денежных налогов один сборщик Асад-бека насильно собирает для себя 30 руб., а другой — 16 руб; 14) из этих двух личностей первый весь год, а второй иногда, живут в нашей деревне. Их употребляемый хлеб, цыплята, волка, рис, а также ячмень и солома для их лошадей насильно берутся от нас. Кроме того их обеспечение постелью тоже лежит на нас; 15) ежегодно Асад-бек насильно берет от нас 10 баранов; 16) в прошлом году к Асад-беку приехал Кюлафлу-Мустафа (его приятель), который несколько месяцев жил за наш счет и отбирал от нас 56 руб. денег; 17) уже год, что у Асад-бека имеются две собаки, которым мы обязаны ежедневно дать 6 фунтов хлеба и молока; 18) в прошлом году уездный начальник посылал в

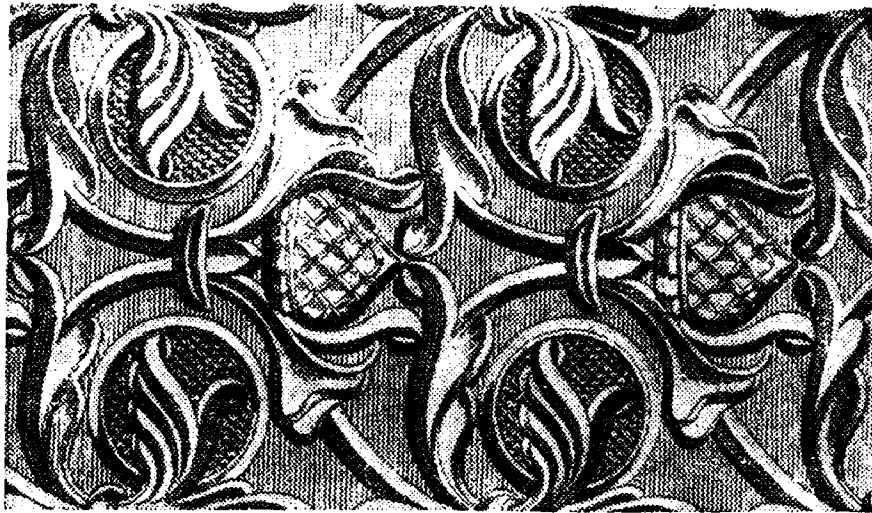
Мингрельск наших 100 волов и 50 человек, которые работали для штаба Егерского полка и возвратились с опозданием на 20 дней. Вследствие этого мы не могли своевременно пахать нашу землю. Мы не могли этого делать и для Асад-бека, своими 30 плугами мы пахали его землю с опозданием, это ему не нравилось и по этой причине в этом году он требует 50 четвертей пшеницы (взамен плохой пахоты).

Мы все крестьяне селения Тега в первые времена дали Асад-беку а) от 200 — 300 и в исключительных случаях 350 четвертей пшеницы и ячменя (смотря насколько хорош был урожай), но в прошлом году, с помощью и через чиновника Гаспарова Гаспара он насильно получил 600 четвертей пшеницы и ячменя. Несмотря на плохой урожай и необеспеченность крестьян хлебом даже на 3 месяца он сейчас требует 500 четвертей зерна, а его сын Мустафа-бек уже отбирал от нас 34 руб.; б) в первое время, когда еще царские и бекские денежные налоги были смешаны и не определены, Асад-бек от нас брал 798 руб. серебра и из этой суммы нужную долю платил казначейству. Но с того времени как царские налоги выделялись от бекских, самому беку мы платим 686 руб. серебр. а царских налогов — 780 руб., в каждый год Асад-бек без всякой совести и насильно получает от нас вино или его стоимость в размере половины всего дохода сада».

Как реагировало царское правительство на эту справедливую жалобу крестьян? Оно сочло ее незаконным и преступным действием и принудило крестьян подчиниться произволу помещичьей власти.

Вооруженная сила царизма легко справлялась с восставшими крестьянами. Восстания крестьян были стихийны и разрозненны. В то время в Карабахе не было пролетариата, который мог бы возглавить крестьянское движение и обеспечить его организованность.

Трудящиеся Карабаха безудержно угнетались до 1920 года, т. е. до установления советской власти в Азербайджане. С этого времени карабахский народ начал строить свою свободную и радостную жизнь.

И. Бас

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ XVI ВЕКА (ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

XVI век является одним из наиболее ярких периодов в истории России. Именно в XVI веке сложилось централизованное русское государство. Создание централизованного государства в России было следствием необходимости оборонять страну от внешних врагов: «В этих странах... интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹.

Для того чтобы закрепить превращение Руси из страны, раздробленной на удельные княжества, в единое, мощное государство, царская власть должна была провести энергичные мероприятия, решительно сломать многие традиции, взгляды, привилегии.

Московское правительство стало наносить удар за ударом по боярству — этому носителю феодальной раздробленности — и возвышать служилое дворянство, на которое опиралось в своей политике, начало вводить новые законы (решения «Стоглава»; «Судебник» Ивана Грозного), направленные к усилению централизованной власти, перестраивать административное управление и военную систему, уделять особое внимание вопросам культуры — грамоты, зодчества. В середине XVI века был построен первый печатный двор в Москве, тогда же был выстроен знаменитый собор Василия Блаженного на Красной площади.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73. Госполитиздат. 1938.

В это время возникает и усиленно развивается публицистика, выделяется ряд публицистов, произведения которых носят яркую политическую окраску и отличаются боевым полемическим тоном.

Лучшие, передовые публицисты XVI века выдвинули идею о великой будущности России, о том, что Россия должна стать могущественной мировой державой. В то время создание мощного централизованного государства возможно было только в виде абсолютной монархии, подавляющей устремления бояр и князей к удельной раздробленности. Поэтому в важнейшей публицистике того времени прославляется твердая, неограниченная власть царя, отстаивается необходимость создания новой военной силы для обороны страны.

Существовавшая организация военных сил Московского государства не смогла удовлетворять потребности обороны страны. Основную военную силу составляли бояре, стоявшие во главе своих отрядов. Боярин шел на войну вместе со своими людьми, которые подчинялись ему и были с ним более тесно связаны чем с командующим всем войском. Не один раз русские войска терпели поражения только из-за того, что «обиженный» боярин не хотел поддерживать другого в бою, предавал его противнику. Естественно, что на боярское войско нельзя было положиться. Нельзя было вести борьбу против удельных устремлений боярства и опираться на старое, боярское войско. Необходимо было избавиться от него и создать военные силы, целиком подчиненные царской власти. Такую военную силу русские цари и стали создавать в

лице служилого дворянства, поднимая и возвышая его.

Литературные произведения XVI века призывают к заботе о новом военном сословии. Здесь первой заботой царского правительства было наделить служилое дворянство землей. Но для того чтобы расширить и укрепить этот военный служилый элемент, царь должен был располагать большим количеством земель, а земля эта находилась в руках бояр и монастырей. Наделяя земель служилых дворян, русские цари тем самым подрывали экономическую основу бояр. Возникла борьба между боярами и служилым дворянством, которая резко обострялась. Это ярко отражено в полемических произведениях публицистов XVI века.

Публицистика того времени подняла и другие важнейшие для укрепления централизованной государственной власти вопросы: об упорядочении судопроизводства, о правительственной администрации, о необходимости нового законодательства.

Наконец, публицистика конца XV — половины XVI века в небывалой до того времени блестящей форме отразила сложный переплет классовый борьбы и общественных отношений в современном ей обществе. Мы уже говорили о борьбе за землю между родовым боярством и служилым дворянством. Еще раньше на той же почве борьбы за землю столкнулись интересы боярства и монастырей, которые начали усиленно прибирать к рукам боярские вотчины. Но все группы господствующего феодального класса вместе беспощадно усиливали крепостническое угнетение крестьянства. Положение крестьянина становилось все тяжелее: именно ему приходилось нести тяготы войн, расплачиваться за увеличивающиеся военные расходы, обеспечивать существование все более разрастающегося служилого дворянства. Крестьянство все более закрепощалось, лишалось последних остатков бывшего права перехода от одного помещика к другому, еще неотрывней прикреплялось к земле. Монастыри, помещики не только путем открытого принуждения заставляли крестьян работать на барщине, но выступали в роли ростовщиков, разоряли крестьян ростовщическими процентами, закабалляли и эксплуатировали их еще сильнее прежнего.

Политическая литература XV — XVI веков знает ряд имен выдающихся публицистов с ярко выраженной как политической, так и литературной индивидуальностью. Правда, писатели сами еще, по старой традиции, стесняются своей роли, оправдываются в том, что вынуждены выступать на том поприще, где до них господствовало лишь «священное писание», и предупреждают читателя, чтоб их не заподозрили в гордыне. По этой же причине

они выдают свои собственные мысли за древние церковные писания, которые они-де только собрали. Так, один из них писал: «Вы же все, кто прочтает эти писания, аще и груба есть, но по свидетельству божественных писаний, — да не мнит никтоже никакже, будто тщеславия ради, или славу лова от людей написал; шесть сей, несть, свидетель Христос мой».

Но эти оговорки не меняли сути дела. Современники воспринимали писания каждого отдельного автора не как божественное слово, а как мнение живого человека, с которым одни могли соглашаться, а другие — нет.

Эти писатели представляли различные общественные группы, выражали противоположные интересы, полемизировали, боролись друг с другом. Познакомимся ближе с некоторыми из них, именно с теми, кто сумел наиболее ярко выразить передовые, прогрессивные тенденции своего времени, сумел подняться над интересами отдельных групп до интересов всего государства.

1

Одним из первых публицистов, резко и ярко выступивших в литературе против монастырского землевладения, был Вассиан Косой.

Вассиан Косой принадлежал к знатному роду князей Патрижеевых, был в родстве с царской семьей, участвовал в придворной борьбе. Потерпев в ней поражение, он попал в опалу и насильно был пострижен Иваном III в монахи.

В монастыре Вассиан Косой стал учеником старца Нила Сорского, также выходца из бояр, человека весьма начитанного, побывавшего в Греции. Нил Сорский по возвращении из Греции пополнил борьбу против крупного церковника, Иосифа Волоцкого, гонителя еретиков, защитника монастырских владений, привилегий и вообще могущества и господства монастырей.

Нил Сорский в противоположность Иосифу Волоцкому, писавшему, что всякий человек должен отдавать церкви и монастырям «десятину не только от имений, но и от чад и от рабов», настаивал на том, что монастыри не должны владеть селами, а монахи должны кормиться собственным трудом: «Кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест». Эти взгляды доставили Нилу Сорскому и его последователям прозвище «нестяжателей».

После смерти Нила Сорского (1508 год) страстным защитником его взглядов стал Вассиан Косой. Стремясь наиболее убедительно обосновать свои взгляды, направленные против монастырского землевладения, он ярко и смело описал всю неприглядность монастырской жизни и нравов.

Монастырское землевладение, по его мнению, было причиной всех монашеских пороков. Достаточно было бы, по убеждению «нестяжателей», отказаться от землевладения, чтоб монастырская жизнь коренным образом переменилась и стала образцом нравственности и добродетели. Средство, как видим, достаточно наивное. Но дело не в нем. Важна та картина монастырских пороков и злоупотреблений, которую сумел очень реалистично изобразить Вассиан Косой. Произведения Вассиана явились по существу обличениями, направленными против церкви. Они были дальше, чем того хотели сами «нестяжатели»: они били по основам церкви.

Нравственные сочинения, призывы к праведной жизни встречались в древней литературе издавна. Но то были отвлеченные поучения, не обличавшие конкретной действительности, они не давали острых практических выводов, не задевали авторитета церкви и монахов. В отличие от них произведения Вассиана Косого подрывали почву под церковь, раскрывали современникам глаза на деятельность монахов и откровенно осуждали ее.

Вассиан изобразил реалистичными штрихами погоню монастырей за богатствами, показал, что монахи, вступив в монастырь, продолжали оставаться прежними помещиками, больше того, они ловко использовали преимущество своего нового положения для еще больших накоплений, начинали жадно и нагло стяжать земли и богатства под предлогом того, что приобретают их для бога. С негодованием писал Вассиан по этому поводу: «...веруя в монастырь, не перестаем приобретать всячески чужие села и имения, бесстыдно выпрашивая их лестью у вельмож или скупая... беспрестанно об'езжаем города и в руки богатым смотрим, разным образом лстя им и раболепно угождая, в надежде получить от них село или деревеньку, или серебро или что-нибудь из домашней скотины...»¹.

Перед богатыми монахи раболепствовали, лестью и угождением выклянчивая полярки, бедных же и слабых просто грабили и разоряли, насильно присваивая их имущество:

«Побуждаемые единственно сребролюбием и ненасытностью, мы живущих в селах наших (т. е. монастырских) различным образом оскорбляем, лихву на лихву на них налагаем, милость ж нигде к ним не показываем, когда же они не могут от-

дать лихвы, лишаем их имений немилосердно, коровку их и лошаку отымаем, самих же с женами и детьми далече от своих пределов, аки скверны, изгоняем...»

Монастыри превратились в гнезда ростовщиков, давали крестьянам ссуды под непосильные проценты, придерживали хлеб до голодного года, чтоб продать его по высокой цене. Часть хлеба, пишет Вассиан, вы продаете и вырученное серебро отдаете в рост, другую часть прячете до голодного времени: «Ова убо в серебро пременяше о согласии лихв в заим даете, ова же соблюдаете, да в времена скудости продаются, яко мнжайшая цены приимете». Сутяжничеством, неправедным судом монахи разоряют крестьян, захватывают чужие имения: «Оле, веши скверности! Шюки... своих обетованій забывши и всяко благоговенство отвергши, от своих обителей в старости уже седой восстающе, в мирские судилища обращаются, с убогими человеки прядшеся о заимоданий многолихвенных, или судясь с соседями о пределах своих мест и сел».

А судиться бедняку при топанной пролажности судей — значило заведомо проиграть дело. Недаром распространен был рассказ о взяточнике-судье, который говорил: «Я всегда сужу в пользу богатого. Ведь у богатого и так всего много, станет ли он красть у бедного? а бедняк ничего не имеет, он украдет у богатого».

Вассиан подчеркивал в своих произведениях резкий контраст между роскошной, паразитической жизнью монахов и бедствиями закрепощенных монастырских крестьян. В произведениях Вассиана, человека более наблюдательного и вдумчивого чем многие другие его современники, отражены недовольство и озлобление крестьянства монастырской кабалой.

Вассиан Косой, как и его учитель Пил Сорский, отразил также в своих произведениях недовольство боярства монастырским стяжательством, тем, что монастыри прибирали к рукам боярские земли, смакивали к себе боярских крестьян.

Борьба «нестяжателей» против монастырского землевладения встречала сочувствие и со стороны московских царей, которым именно в это время особенно понадобилась земля для раздачи служилому дворянству.

Литературные произведения «нестяжателей» оправдывали стремление московских царей отнять у монастырей землю. Это был, пожалуй, единственный важный вопрос, на который бояре смотрели одинаково с царем; во всех других случаях бояре выступали против притязаний царской власти.

Сын Ивана III Васильевич приблизил к себе Вассиана Косого, своего родственни-

¹ См. П. Н. Полевой «История русской словесности». Т. I, стр. 135—144. П. 1903. В отдельных случаях цитаты в целях большей доступности читателю переведены с древнерусского на современный язык.

ка, подчеркивая этим свое сочувствие взглядам «нестыжателей». В качестве родственника царя Василия скоро сделался «великим временным человеком», и его боялись больше чем самого Василия.

Еще Иван III пытался отнять землю у монастырей. Однако церковь оказала резкое сопротивление этим попыткам, и не только Ивану III, но даже его грозному внуку, Ивану IV, пришлось отступить перед ее упорным сопротивлением.

Царь Василий выдал Василия немцам, которые ответили на обличения крутой расправой.

В 1531 году, собрав для суда над Василием собор, который, конечно, состоял из приверженцев известного уже нам Иосифа Волоцкого, попы пред'явили Василию самое опасное по тем временам обвинение — в ереси. Один из пунктов обвинения, между прочим, гласил, что чтимых церковью чудотворцев, владевших селами и крестьянами, Василий называл смутотворцами.

Попы присудили представшего перед собором Василия к заточению в монастырской тюрьме. заключенный в подземелье, закованный в цепи, Василий не вынес тяжести заключения и вскоре умер.

Расправа над Василием как бы предвещала судьбу тех передовых русских писателей, которые на протяжении четырех столетий подвергались жестоким преследованиям за свою борьбу против самодержавия и церкви.

2

Иной, но не менее значительный круг вопросов охватил в своем творчестве другой выдающийся писатель, современник Василия Косого — Филофей. В его жизни многое осталось неизвестным; неизвестно, из какой среды он вышел, почему стал монахом. Судя по положению, какое он занял в монастыре, надо полагать, что, подобно Василию, он вышел из боярской среды.

Краткая биография Филофея дошла до нас вместе с рукописью его послания к псковитянам, «просившим слова на утешение».

Переписчик филофеева послания предпослал ему биографическую справку:

«Сего преподобного старца моляху (то есть молили) псковские некие христианолюбцы, дабы к государю писанием молил о них, поже той старец психоден бе из монастыря и добродетельного его ралижития и премудрости словес знаем бе великому князю и вельможам. Он же в сем послании аще и отречеся молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имеет дерзновения, но после много показал дерз-

новения к государю и моления о людях також и бояром и наместником псковским и обличил их во многой неправде и насиловании, не убоясь смерти. Великий же князь и вельможя его, ведуще (т. е. зная) его дерзость и беспопечение о сем веке, не смели ничтож ему зла сотворити»¹.

Из этих лаконичных слов мы узнаем характерные черты биографии писателя. Прежде всего узнаем, что Филофей пользовался известностью именно как писатель: «Радп... премудрости словес знаем бе...» Что речь идет о «словесах» в смысле литературных произведений, явствует из того, что именно благодаря этой известности его просят обратиться к государю с «писанием», то есть со «словом», или «посланием». И действительно, послания — излюбленная Филофеем форма его литературных произведений, форма, столь распространенная в его время, что тогда составлялись даже специальные сборники образцов посланий.

Далее, из этой биографии узнаем, что послания Филофея отличались «дерзновением» и обличением «многой неправды и насилования» со стороны бояр и царских наместников, заступничеством за «людей», за народную массу. Характерно, что биограф даже не пытается противопоставить царя жестоким и несправедливым боярам и вельможам, не пытается изобразить дело так, будто боярские неправды творились без ведома царя. Наоборот, биограф откровенно признает, что царь гневался не на обличаемых, а на обличителя. Из этой небольшой биографической заметки ясно убеждение ее автора, что царь и не может не быть на стороне вельмож, притеснителей. В этом отношении автор ставит царя (великого князя) в один ряд с его вельможам: и великий князь и вельможи его непрочь расправиться с Филофеем за дерзкие послания. Если они этого не сделали, то, по мнению биографа, лишь потому, что не решились, «не смели ничтож ему зла сотворити» ввиду его популярности.

Краткая биография Филофея, сочиненная, может быть, самим переписчиком филофеевых посланий, служит примером того, насколько распространенным явлением становилось литературное творчество в то время. Автор биографии может рассматриваться нами также как писатель, представитель литературы XV — XVI веков, имеющий свои собственные, определенные взгляды и убеждения. В его явно несочувственном отношении к московскому князю и вельможам видно недовольство человека, принадлежащего к другой классовой прослойке, к городским людям, купечеству,

¹ Цитируем по книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев. 1901.

особенно сильному именно в таких крупнейших городских торговых центрах, как Псков, Новгород.

Знакомясь с рукописной литературой, убеждаемся, что вокруг крупных писателей оказывается немало других пишущих людей, подхватывающих и распространяющих идеи крупных писателей. Мы убеждаемся также и в том, что личность писателя и его литературная деятельность уже служат предметом внимания, обсуждения и изучения со стороны современников.

Некоторые биографические данные мы находим в сочинениях самого Филофея. Из них видно, например, что он был начитан в современной ему литературе, знал такие светские произведения, как космографию *Бозьмы Индиюшлова*, хронограф.

Филофей поддерживал связь с людьми, близкими к литературе. К ним он адресовал некоторые свои послания. В числе его адресатов находится, например, дьяк Михаил Григорьевич Мунехин. В посланиях к нему Филофей отвечает на вопросы, поставленные Мунехиным. Вопросы Мунехина показывают, что он был человеком широкого кругозора, был в курсе общественной жизни страны, думал над важнейшими ее проявлениями, равно как и над идеями и увлечениями, владевшими умами его современников. Ответа на свои вопросы Мунехин ищет уже в литературе и притом в новой, современной ему литературе. Его не может удовлетворить дедовский обычай искать ответа на свои думы в темных вещаниях церковной книги, в сомнительных аналогиях между библейскими пророчествами и современной ему действительностью. Он ищет ответа у своего современника. И хотя оба они живут в одном городе Пскове, Мунехин ищет не личной встречи, точно так же как и ответ получает не устный, а письменный, целое послание, подлинное литературное произведение. Дьяк Мунехин получает послания и от других авторов: Николая Немчина, Дмитрия Герасимова — толмача, то есть переводчика.

В ответах Мунехину, как и в других посланиях, Филофей развил стройную систему взглядов на русское государство.

Присоединение Пскова к Московскому княжеству вызвало бедствия и страдания местного населения. Простые и бедные люди пострадали гораздо сильнее чем та господствующая верхушка, которой невыгодно было объединение с Москвой и которая противилась ему. Филофей, стремясь посланиями облегчить участь своих страдающих соотечественников, в то же время ясно видит необходимость присоединения Пскова к Москве и поддерживает политику московского князя. Больше того, он с большой силой убеждения пропагандирует

идею создания могущественного русского государства. Филофей поддерживает объединительную политику московского князя, понимает значение этого процесса и его положительные последствия. Он развивает свои взгляды в стройную систему.

Свои мысли он подкрепляет ссылкой на древнюю легенду о золотом веке. Эта легенда гласила, что различные древние монархии сменяли друг друга только до возникновения мировой Римской империи. Эта последняя будет существовать до самого «конца мира», вместе с которым должно прийти и «царство божье». Но вот пала и рассыпалась на части Римская империя, а обещанный легендой «конец мира» не наступил. Тогда взоры обратились к новой мировой державе — Византии. Вот, говорили, второй Рим существует; все остается по-старому. Но когда Византия пала под ударами турок, легенду снова вспомнили. «Конец мира», во исполнение ее, все не наступал. Почему же? Очевидно, потому, что Римская держава продолжает существовать. Где же она? Действительность сама, казалось, подсказывала ответ. Новым могущественным государством становилась Россия. Москва — вот третий Рим. Филофей придал этой легенде о золотом веке практический смысл, превратил в сильное, идеологическое оружие, позволявшее сформулировать задачи строительства централизованного государства.

В этом новом истолковании русскими книжными людьми старой легенды нашли выражение глубокая их любовь к России, вера в нее, желание видеть ее могущественной, стремление именно для этой цели упрочить русское государство.

Эти идеи рождены были самими условиями действительности XV—XVI веков. Они овладели умами передовых русских людей, они существовали еще до Филофея, но он первый выразил их наиболее полно и ярко, развил в стройную систему.

Филофей отчетливо выразил эти идеи в своих посланиях к московскому великому князю Василию Ивановичу, отцу Ивана IV, а затем в послании к Ивану IV. Ссылаясь на легенду о третьем Риме, Филофей в своих посланиях указывал царю на его назначение — содействовать превращению русского государства в третий Рим, то есть укреплять государство. Филофей развивал те же взгляды и в других своих произведениях, в посланиях к другим адресатам, например к Мунехину, которому писал: «Малые некие слова изречем о нынешнем царствовании государя нашего, который во всей поднебесной единственный христианам царь, и о вселенской церкви, которая вместо Рима и Константинополя (Византии) в богоспасаемом городе Москве. Знай,

что все христианские царства пришли в конец и сошлись во единое царство нашего государя. По пророческим книгам, — пишет Филофей, указывая на легенду о третьем Риме, — это есть российское царство: два убо Рима пadoша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Эту мысль Филофей настойчиво повторял и внушал великому князю Василию Ивановичу в своих посланиях. Он обращался к великому князю с такими словами:

«Молю тя и паки премолю, внимаи господи ради, яко вся христианская царства снисхошася в твое царство; по сем чаем царства, ему же несть конца...»

Характерно, что, именно исходя из этой идеи, Филофей требует от царя заботы о подданных, о наведении порядка в стране, в управлении: «Утеши плачущих и вопиющих день и ночь, избави обидимых из рук обидящих... Да аще добро устроиши свое царство, будещи сын света... якоже выше писах ти и ныне глаголю: Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снисхошася в твое единое, яко два Рима пadoша, а третий стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инем не останется».

Столицей русского государства, по мысли Филофея, должна была быть Москва. Великий князь московский один во всей Руси должен был обладать полнотою государственной власти, не деля ее ни с кем из бывших удельных князей.

Существовали и другие произведения, провозглашавшие идею третьего Рима. Для обоснования притязаний московского князя на звание царя-самодержца писатели стали доказывать, что царский венец и прочие регалии русского царя получены были из Византии, что царский род берет начало в древних императорских фамилиях. «Сказание о князях Владимирских» доказывало, что московские цари ведут свой род от византийских и даже от римских императоров. Из произведений, выражавших те же взгляды, известны также «Повесть о Вавилоне», «Послание Спиридона — Саввы», «Повесть о белом клубуке», написанная уже упоминавшимся Дмитрием Герасимовым. Эта повесть объясняла, откуда взялся белый клубук, который носили высшие сановники церкви. Белый клубук якобы послан был греческим императором в Рим, а оттуда попал в Новгород. Повесть, конечно, от начала до конца представляет собой выдумку автора, но в основе ее опять-таки лежит стремление к возвышению русского государства, наследующего величие предшествовавших мировых держав. Некоторые из этих произведений возникли еще до Филофея, другие были современны ему. Пропаганда этих

идей особенно поддерживалась при Иване Грозном.

Литературная деятельность Филофея протекала в годы княжения Василия и захватила начало царствования Ивана IV. Развитые Филофеем взгляды отразились в ряде произведений того времени; мы встречаем их в официальных актах московского правительства, в ряде документов, рукописей.

Так, рукопись хронографа (летописи), переписанного, а в известной части и сочиненного в начале XVI века неизвестным русским автором, заканчивается послесловием: «Так вот все благочестивые царства: греческое, васаньское и араназское и многие иные — грехов ради наших по болюму попушению безбожные турки пленили, и в заустение привели, и покорили под свою власть. Наша же российская земля растет, млеет и возвышается. Ей же дай бог расти и млеети и расширяться до окончания века».

Здесь легенда уже совершенно теряет свой церковный и мистический характер. «Окончание века» здесь уже — не центр тяжести всей легенды, как было прежде, а ходячая фраза вроде слов «дай бог», синоним понятия «всегда», «вечно». Патриотизм, любовь к родине здесь уже не облакаются в богословскую оболочку, не прячутся за рассуждениями о православной церкви и т. д. Автор прямо делится своим гордым чувством: «Наша же российская земля растет, млеет и возвышается».

Выразив свою любовь к родине, автор с тонким чувством такта и собственного достоинства заканчивает свою летопись художественным образом:

«Достоит же убо zde корабль разума управити ко пристанищу безмолвия, и словес весла свесити. И всяк, прочитаяй сие, полезным да ревнует...»

Из идеи о третьем Риме, о настоящем и будущем величии русского государства, вытекала необходимость определить и решить задачи государственного устройства, управления, отношений царской власти к подданным и т. д.

Сам Филофей этого еще не сделал и не мог сделать. Но эти идеи были блестяще развиты другими публицистами XVI века, выступившими после него, — Иваном Пересветовым и Максимом Греком.

3

Биография Ивана Пересветова разительно отличается от известных уже нам биографий Василия Косого и Филофея. Иван Пересветов — выходец из Литвы, хотя по происхождению, судя по намекам в его челобитных, очевидно, русский, — настоящий «спройдисвет», успевший до появления в Москве служить в наемных вой-

сках и у венгерского (угорского) короля, и у чешского, и у молдавского. Он указывает на это сам в своей челобитной Ивану Грозному: «Служил, государь, у угорского короля, у Януша, на Бузыне граде службу дворянскую, а имел на всякого коня по семи золотых на двенадцать недель; а был там три года... Да служил чешскому королю Фердинанду дворянскую службу на семь коней...» Затем Пересветов очутился на службе у молдавского властителя, откуда и приехал в Россию около 1537—1538 года. Такие переходы наемника с военной службы одному государю на службу другому происходили самым законным порядком.

Свой приезд в Россию Иван Пересветов объяснил следующим образом: «Ехал из Угор на Волоскую землю (Молдавия) и был пять месяцев у Петра, у воеводы, у волоцкого, в Сочаве. И он про тебя, государя, про великого царя благоверного, и про твоё царство государево говорит на всяк день... И яз, государь, потому, слышав те речи, у него, переписав, вывез к тебе, государю, служаши тебе, как тебе, государю, полюбится службишко мое...»

Приехав в Москву, Иван Пересветов предложил поставлять воинское снаряжение по вилённому им в других странах и вывезенному оттуда образцу:

«Когда выехал на твоё имя государево, и вывез образец той службы к тебе, к государю, и тот образец службы моей пред тобою, пред государем, клал». Это был воинский щит, так описанный Пересветовым: «...щиты гусарские доброго мужа косые сажени, с клеом и с кожей, с сырицею, с красками и с рожны железными; а те щиты... с македонского образца»¹. Далее Иван Пересветов даёт описание, как пользоваться щитом пешему и конному воину.

Спустя одиннадцать лет по приезде в Москву Иван Пересветов, напоминая о необходимости подготовки к войне с Казанским татарским царством, снова предлагает заказать ему триста щитов: «...тебе то, государь, векоре наlobe на недруги твой. А велел бы еси, государь, делати щиты на триста человек, да велел бы еси, государь, на триста коней юнацких делати щиты же, которые горазды играти смертною игрою против недруга за веру христианскую и за тебя, государя великого царя...»

Как видим, Иван Пересветов не принадлежит к вельможной знати, как князь-иннок Вассиан Патрикеев, ни к высшему духовенству, как Филофей. Он представи-

тель служилого дворянства, живущий военной службой. В челобитной Ивану Грозному он пишет о себе: «Приезжому человеку без приказа и без бережения то-есть без назначения на службу и без жалованья прожити не мочно в твоём царстве». Это относилось и ко всему служилому дворянству. Бояре тоже должны были нести военную службу, но они не кормились ею. Они могли жить в своих вотчинах, ничего не делая. Служилому же человеку, чтоб прокормиться, нужна была государева служба и определенное жалованье. Служилых дворян возмущала беззаботная, обеспеченная жизнь боярства. В произведениях Пересветова мы находим резкие выпады против бояр.

Исходя из убеждения о великой исторической роли русского государства и необходимости укреплять его могущество, Пересветов подробно развивает свои взгляды на то, что должен делать царь, чтоб успешно решить эту историческую задачу. Чрезвычайно резко выступая против боярства, Пересветов противопоставляет ему служилое дворянство, воинов, как он называет их. В двух челобитных Ивану IV он призывает его к борьбе против бояр и к укреплению, возвышению служилого дворянства.

Челобитные Пересветова интересно построены. Иван Пересветов, по обычаю своего века униженно именующий себя холоном Ивана IV, конечно, не смел бы открыто поучать государя. Поэтому он прибег к остроумному и ловкому приему: свои мысли он вкладывает в уста своего бывшего господина, молдавского властителя Петра. Он делает вид, что только передает слова молдавского властителя, и, таким образом, в челобитной получается так, что с русским царем разговаривает молдавский король, равный с равным.

Что это не более как литературный прием, видно из того, что Пересветов передает, например, самые лестные характеристики Ивана IV как великого государя, которые он якобы слышал от молдавского властителя, между тем как на деле этого не могло быть, ибо Иван IV был еще ребенком, когда Пересветов служил в Молдавии.

Впрочем, некоторые действительно восторженные высказывания, если не о самом Иване IV, то о русском государстве Пересветов мог услышать при молдавском дворе: эта небольшая страна, находившаяся под угрозой турецкого завоевания, с надеждой устремляла свои взоры на Россию.

Пересветов как автор скрывается за молдавского господара, но, зная суеверия своего века, от которых был далеко не свободен и Иван IV, ссылается также на волхвов и философов, от которых он якобы соб-

¹ Сочинения Пересветова см. в приложениях к книге В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов—публицист XVI века». М. 1908.

ственными ушами слышал прорицания и предсказания великой славы Ивану IV, если только тот последует таким-то мудрым советам философов (на самом же деле, конечно, советам самого Пересветова).

И чем больше Иван Пересветов ссылался на авторитет молдавского государя и философов, тем смелее формулировал он свои взгляды. Пересветов не останавливается перед советом применить к боярам самые лютые казни.

«Изначала не хвалят мудрую философы, — пишет Пересветов, — что которые вельможи к царю приближаются не от воинской выслуги, не от иной какой мудрости; ино про тех говорят так мудрые философы: то есть чародеи и ересники, у царя счастье отнимают и мудрость царскую, и к себе царское сердце зажигают ересью и чародейством, и воинство кротят» (то есть мешают царю совершать воинские дела, сражаться с врагами).

Метко пустив эту стрелу, ибо царь Иван IV действительно верил в чародейство и боялся, чтоб его не околдовали, Пересветов продолжает: «И то говорит волоцкий воевода: таковых подобает огнем жени и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилося; без лица им вина, что воинство у царя кротят и мысль царскую отымают...»

В той же челобитной Пересветов, уже отбрасывая в сторону всякие чары и ереси, указывает прямо причину своей нелюбви к боярству: «От богатых мудрость воинская не починается николи. Что их много, коли у них сердца нет доброго, и смерти боятся, и не хотят умереть за веру христианскую, и как бы им не умирать всегда. Богатый о войне не мыслит, мыслит о упокоє; хотя и богатырь обогатет, и он обленивет».

В этих словах отражена ненависть служилых дворян, не имевших тех привилегий, которыми незаслуженно, с их точки зрения, пользовалось боярство. Если Пересветов к этим достаточно убедительным доводам добавляет еще обвинения в чародействе, то в этом, конечно, сказывается его век, когда политическая мысль еще только пробивалась сквозь паутину и путаницу религиозных воззрений и неразлучных с ними суеверий.

Взгляды Пересветова, несомненно, отвечали и настроениям Ивана IV.

Пересветов не ограничился призывом к заботе о служилом дворянстве. Он видел, что укрепление государства, его рост требуют упорядочения администрации. Он выступает против «кормлений», этого чрезвычайно обременительного для народа способа содержания государственных чиновников, когда в вознаграждение за службу царь сажал человека управлять городом,

волостью, чинить в них суд и расправу, давал ему право взимать с населения различного рода подати и платежи. Легко понять, какая масса злоупотреблений возникла при этом. Осуждая этот порядок, якобы от имени воеводы Волоцкого, Пересветов пишет: «Да и того не хвалит (волоцкий воевода), что особную войну на свое царство царь напускает: дает города и волости держати вельможам, и вельможи от слез и от крови роду христианского богатуют нечистым собранием, и как с'едут с кормленей с городов и с волостей, и в обидях присуждают поля...»

Устами волоцкого воеводы Пересветов говорит, что, вместо того чтоб платить за службу кормлениями, следует поступать иначе: со всего царства своего доходы к себе в казну брать и «из казны своей воинникам сердца веселити». Тогда «казне его конца не будет и царство его не оскудеет».

Насколько близки были взгляды, выражавшиеся литературой того времени, к государственной жизни, видно из того, что кормления действительно были отменены через несколько лет.

Иван Пересветов выступал и против рабства. «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: и татьба, и разбой, и обидя, и всему царству оскудение великое», — писал он в челобитной. Характерно, что для полкрепления этой своей мысли он обратился не к церковной книге, а к апокрифу об адамовом рукописании дьяволу. Дьявол, дескать, «объявил себя хозяином земли», взял с Адама расписку, по которой и земледелец становился рабом землевладельца, но бог, гласил апокриф, объявил такую расписку недействительной. Апокриф этот прекрасно отражает феодальные отношения: дьявол — это помещик, Адам — закабаленный земледелец, а царь, по мысли Пересветова, должен выполнить то, что приписал апокриф богу, — уничтожить рабство.

Мысль русских публицистов XVI века обращается к событиям западноевропейской жизни, к падению Византии. Русская публицистика интересуется судьбами других стран, международной политикой. Иван Пересветов пишет два сказания на эти темы: «Сказание о царе Константиине» и «Сказание о царе Магмете-салтане». Пусть эти сказания еще наивны, пусть они по-религиозному — грехами и т. п. — объясняют падение Византийской империи и ее последнего царя Константиина и успехи завоевателя — султана Магомета, — но важно то, что они обращаются к событиям мировой политики. Кстати, П. Пересветов дает не одно только религиозное объяснение падению Византии: Византия, по словам Пересветова, пала из-за тех же знат-

ных вельмож, которые не хотели бремени ратных подвигов, а вместо того роскошествовали, вели праздную жизнь, всякими несправедливыми путями, притеснением народа собирая для нее богатства. А Магмет-султан победил потому, что он заботился о своем воинстве, несправедливых вельмож преследовал, установил в своей стране порядок и правду. Здесь Иван Пересветов высказывает мысли, противоречившие взглядам официальной церкви. В то время как церковная догма гласит, что только вера может вести ко всем остальным добродетелям, а неверный не может ни быть добродетельным, ни служить образцом добродетели, образцом поведения, ни надеяться на божью помощь, Иван Пересветов прямо противопоставляет испорченным греческим (а на самом деле и русским) вельможам как образец поведения «неверного Магмета-салтана» и прямо говорит, что «за мудрость салтана, за установленную им правду в стране, бог помог салтану».

В другом случае, в челобитной, Иван Пересветов прямо выражается так: «Но веру бог любит, но правду...» «Ино у него (у волоцкого воеводы) служил москвитин Васька Мерцалов, и он того спрашивал: ты гораздо знаешь про то царство московское, скажи мне подлинно (есть ли в том царстве правда?). И он стал сказывать Петру, волоцкому воеводе: вера, государь, христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет. И к тому Петр-воевода заплакал и рек так: коли правды нет, то всего нет...»

Такой взгляд коренным образом противоречил официальному взгляду церкви; чтоб решиться высказать его, нужны были смелость и глубокая убежденность. Ударяя по церкви и боярам, эти слова в то же время поддерживали царя в его начинаниях. Указание на отсутствие правды относится ведь ко времени малолетства Грозного, к периоду господства у трона бояр.

Иван Пересветов дает как прямое продолжение высказанной им мысли следующее утверждение: «Ино ныне пишут мудрые философы и докторы о благоверном цари великом князи Иване Васильевиче всея Руси, что он будет мудр и введет правду в свое царство...»

Характерно, что Иван IV впоследствии в официальных государственных актах называет себя царем правды. Нельзя утверждать, что царь находился под исключительным влиянием писаний Пересветова, но несомненно то, что Пересветов являлся выразителем прогрессивных для того времени взглядов, которым следовал Иван IV.

Произведения Пересветова в ряде случаев превосходили действительно проводившиеся Иваном IV мероприятия. Так,

Пересветов настойчиво предлагал царю идти на Казань, указывая на необходимость ее завоевания еще до известных казанских походов Ивана IV. Точно так же резкие нападки Пересветова на боярство соответствовали отношению к боярам Ивана IV, который как бы применил в своей политике советы Пересветова. Эта близость произведений Пересветова к действительным событиям того времени заставила некоторых историков усумниться в том, когда и кем были написаны эти произведения. Карамзин, например, был убежден, что здесь имеет место тонкая мистификация. Он утверждал, что произведения, приписываемые Пересветову, написаны кем-то уже после того, как Иван IV взял Казань, ввел опричнину, что какой-то ловкий мистификатор задним числом писал о происшедших уже событиях царствования Грозного как о том, чему предстояло свершиться в будущем. Однако позднейшие исследования показали, что автобиографические данные, приведенные Пересветовым в двух его челобитных, соответствуют действительности и что, таким образом, он выступил в качестве писателя именно в первые годы царствования Ивана IV и предлагал в своих произведениях мероприятия, многие из которых не до, а после того нашли свое отражение в государственной деятельности московского царя.

Пересветов выражал не только интересы служилого дворянства, к которому сам принадлежал: его взгляды являлись прогрессивными для своего времени: они формулировали требования и задачи создания централизованного русского государства.

Как литератор, Пересветов применил разнообразные литературные формы. В одних произведениях он выразил свои взгляды в форме, близкой к беллетристике (сказания), в других — выступал как острый публицист, с прямыми обличениями (челобитные).

В произведениях Пересветова гораздо меньше религиозных моментов чем у его предшественников; его произведения более злободневны, язык его гораздо понятнее, свежее, энергичнее. Пересветов — полемист, публицист, а не начетчик, не книжник, не келейный ученый.

Он обратился к литературе, почувствовав ее силу. Эту силу Пересветов неоднократно подчеркивает в своих произведениях. Своё «сказание о книгах» он строит на том, как «Магмет-салтан» благодаря внимательному изучению захваченных в побежденной Греции книг становится мудрым правителем.

Иван Пересветов видит силу не только в «божественных» книгах, но и в книгах «неправильных». В «Сказании о царе Кон-

стантине» показано, что именно такие книги сыграли огромную роль. Сам царь Константин родился храбрым и счастливым воином. Но это страшило его вельмож, и они решили укротить его сердце. Что же они сделали? «...умыслили книги написать от бога (то есть тоже якобы священные.—И. Б.) с великою клятвою, что не достоин царю христианскому на иноплеменики ходити воевати... Так написали вельможи для своего улокою: есть ли царь христианский отведет воя своя на иноплеменики и тамо кровь пролиет, и та кровь на нем взыщется... И те книги пред царя положили. Царь же книги прочел, да и укротел». В результате Магмет-салтан царство греческое и победил.

Чтобы приписать такую роль книге, Иван Пересветов должен был наблюдать ее возросшую силу в окружающей его среде, должен был понять, что книги могут быть различных направлений, служить различным лагерям, быть оружием в их борьбе.

4

Еще более выдающейся, незаурядной фигурой был Максим Грек, крупный ученый, европейски образованный писатель.

Максим Грек родился около 1470 года. Он учился сначала у себя на родине, в Греции, а затем — в Италии. Здесь юношей он попал в кружок видного деятеля эпохи Возрождения — типографа Альда Мануция. Об этом своем друге и учителе Максим Грек всегда вспоминал с чувством любви и живейшей благодарности. И действительно: Альд Мануций представлял собой тип подлинного представителя эпохи Возрождения. Он прибыл в Венецию, чтоб открыть школу древних языков, но увлекся начавшим делать успехи книгопечатанием и открыл типографию. Своей типографской и издательской деятельностью Альд Мануций стяжал себе мировую, бессмертную славу. Он издал целую библиотеку древних писателей, сделав их, таким образом, достоянием общества, сбрасывавшего цепи средневековья, церковной схоластики.

В Италию Максим Грек, по его собственным словам, приехал, будучи весьма юн, и провел там «лета довольна», много учился, «многие и различные писания прочитал», причем это были не только обязательные по тому времени религиозные книги, но и светские, внешних мудрецов, внешних философов, как тогда говорили. Эти различные писания, изложенные внешними мудрецами, Максим Грек прочитал и «довольно душевную пользу оттуда приобрел».

Затем Максим вернулся в Грецию, а от-

туда вскоре отправился по приглашению царя Василия в Москву.

Максим Грек был приглашен специально для переводов греческих книг на русский язык. Василий показал ему свою библиотеку, которая привела в восторг Максима Грека. В библиотеке оказались редчайшие греческие рукописи. Максим Грек составил опись библиотеки, а затем занялся переводом некоторых книг.

Он быстро вошел в круг интересов русской жизни. Вначале надеялся по выполнении своей миссии вернуться в Грецию, но это ему не удалось: он остался в России, где дожил до глубокой старости (умер старше 80 лет), и Россия стала его второй родиной.

Он включился в дискуссии того времени о монастырском землевладении и стал на сторону Вассиана Косого, на сторону «нестяжателей».

Вместе с Вассианом он подвергся преследованиям и предстал перед собором. Ему предъявили много обвинений, в том числе обвинения в неправильном переводе книг. На самом деле Максим Грек внес в дело переводов много полезного. Его помощники говорили о нем, что только он дал правильный перевод, а до него переводчики по незнанию засоряли язык.

Максим Грек подходил к своей задаче чрезвычайно добросовестно и, не доверяя в первые годы своего пребывания в России своему знанию русского языка, создал целую группу переводчиков. Если в его переводе и были ошибки, то весьма незначительные, он их сам признавал и откровенно объяснял случайным недосмотром.

Но признания Максима Грека и его просьбы о прощении не помогли, ибо дело было не в этих ошибках, а в его позиции «нестяжателя», и противники его, собравшиеся на собор, осудили его вместе с Вассианом. Как мы знаем, Вассиан не вынес тяжести заточения и вскоре умер. Максим Грек и в заточении не переставал высказывать свои взгляды. Его писания против монастырского землевладения характерны, как и писания Вассиана, ярким, реалистическим изображением угнетения крестьянства.

Яркими красками обрисовал Максим Грек гнет монастырей, давление над народными массами. Он показал в чрезвычайно реалистических картинах, как монастыри закрепощали крестьян, как наживались на судах беднякам.

«Бесчеловечнейше напаствует подручную нашу нищию братию, взыскивая (за долги) тягчайшие проценты («тягчайших ростов истязаний»), морим их беспрестанно всяческими работами внутри и вне монастыря, делая их житию горчайшим...

расхищаем их имущество, а самих с пустыми руками изгоняем вместе с детьми и женами далеко от их сел или порабощаем их вечным порабощенцем...»

Максим Грек как литератор выступил не только в споре «востыжателей» со сторонниками монастырского землевладения. Он откликался на все вопросы, волновавшие тогдашнее общество.

Он развил идею об особом значении России, о роли государственной власти. Он не просто поддерживал политику русских царей, но с большой эрудицией в специальных произведениях обосновал правильность этой политики. Он обращался со специальными посланиями к Василию; большое влияние он имел на молодого царя Ивана IV. Некоторые свои произведения Максим Грек специально предназначал для него.

Через несколько лет, еще при Василии, участь Максима Грека была облегчена: с него сняли оковы, предоставили возможность писать; Иван IV освободил его от заточения и перевел ближе к Москве.

В произведениях Максима Грека мы находим немало передовых для его времени мыслей. Он говорит не только о правах, но и об обязанностях царской власти. Так, он требует от царя заботы о подданных, введения праведного суда.

Максим Грек в своих произведениях указывал, что назначение царской власти — ограждать страну от внешних врагов, доставлять народу безопасность; задача царской власти — оборона государства от внешних врагов и устройство мирной жизни. Поэтому Максим Грек считал для государства очень важной заботу о военных делах. Он подчеркивал, что это необходимо и для обеспечения мира: с сильной военной державой все соседи желают жить в мире. Военных людей Максим Грек ставил рядом с боярством в качестве советчиков и помощников царя. Как видим, он не относится к боярам с такой непримиримой ненавистью, как Иван Пересветов, выражавший настроения других общественных прослоек своего времени, но Максим Грек подымается над уровнем интересов боярства: он понимает растущее значение новой феодальной прослойки — служилого дворянства — и призывает царя заботиться о войнстве, учитывая необходимость войны с царством казанских татар.

Уже в первое время своего пребывания в Москве, в 1521 году, Максим Грек в послании к Василию призывает его к войне против Казанского царства:

«Все нам богатства и обиды... дарованы суть потребные в ратное дело... усердия токмо требуем и бодрости. Сия же у нас суть, аще хожем... начнем на христианоубийц града Казани, не исторяем деланий время в неполных днях... Помошню мужем снующим и возлежащим победы воздвигнутя».

Характерно, что для поощрения своего призыва к войне против Казанского царства Максим Грек прибегает к ссылке не только на религиозные книги, но и на «внешних» философов, то есть светских писателей: «Благоглаголю бо и некии от внешних философ ко единому царю: «Серебряными копия ратуй, и вся победиши».

Точно так же он опирается на пример древних войн, чтобы призвать царя к заботе о войнстве. Он показал, как «великий в царях Праклий, на Персиду устремившийся», «воскрылил дух» своих войск обращением к ним и щедрыми дарами. По его примеру должен, писал Максим Грек, поступать и московский царь.

Чрезвычайно любопытно, как объясняет Максим Грек назначение своего послания о войнстве, причину его написания: он надеется, что может «советовать, что полезно обществу и времени престоющее».

Впервые в древнерусской политической литературе мы встречаем это упоминание о пользе обществу и требовании времени.

В самом деле, основное качество публицистики — злободневность — стало отличительной чертой произведений Максима Грека и его современников.

Русская публицистика XVI века сумела показать основные задачи, стоявшие перед страной, призвать к их осуществлению.

Передовые публицисты XVI века с первых шагов своей деятельности подвергались гонению и травле со стороны церкви, бояр, а нередко и царей, хотя своими произведениями содействовали укреплению централизованной, а значит, по тем временам, царской власти. Но несмотря на все преследования они твердо и страстно отстаивали свои взгляды. Это были достойные основоположники передовой русской публицистики и политической литературы.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В ИТАЛИИ В 1920 ГОДУ

Крупнейшие классовые бои 1920 года в Италии занимают видное место в истории первого революционного кризиса в странах Европы, разразившегося после окончания первой мировой империалистической войны под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. В начавшемся захвате фабрик и заводов рабочими и земли крестьянами выразились наиболее ярко высота революционного подъема в Италии и влияние Октябрьской социалистической революции. В этих героических боях трудящиеся Италии потерпели поражение. Но они не прошли бесследно. Эти бои внесли богатый опыт в мировое коммунистическое движение. Их завоеванием является рождение итальянской коммунистической партии, одной из славных секций Коммунистического Интернационала, высоко держащей великое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. В этой партии залог будущей гибели фашизма и победы социализма в Италии.

1

Накануне войны Италия представляла собой страну индустриально отсталую. Земледельческого населения в ней было вдове больше чем населения, связанного с промышленностью.

По переписи 1911 года, население Италии по роду деятельности распределялось следующим образом: в сельском хозяйстве было занято 9 085 597 человек; в горной и обрабатывающей промышленности — 4 401 753 человека. Большинство сельского населения Италии составлял сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат (сельская беднота).

В Южной Италии и в Сицилии, где преобладало крупное помещичье землевладение, была особенно сильна эксплуатация крестьянства. Положение сельской бедноты и прежде всего батраков здесь было крайне тяжелым. Заработки были ничтожны, рабочий день очень длинен (во время уборочных кампаний он достигал 19—20 часов), большинство жило в жалких лачугах. Еще хуже было положение временных рабочих, наемных полевиков.

Среди многочисленных крестьян-арендаторов преобладали так называемые половники, которые арендовали столько земли,

сколько в состоянии были обработать со своей семьей, не нанимая рабочих. Половина урожая в натуре, а иногда от одной трети до двух третей с арендованной земли принадлежало землевладельцу. В Южной Италии половничество приняло особо кабальные для крестьянства формы.

Тяжелое положение итальянской деревни и излишек в ней рабочей силы вызывали сильную эмиграцию из Италии, так как медленно развивавшаяся промышленность не поглощала населения, выбрасываемого из сельского хозяйства.

Эмиграция «избыточного» населения обусловлена была также крайней отсталостью сельского хозяйства. Урожайность в Италии была ниже чем в большинстве европейских стран; около 6 миллионов гектаров земли оставалось необработанным.

В 1910 году из 36 миллионов населения Италии в эмиграции находилось 5,5 миллиона человек.

Италия являлась страной чудовищной нищеты, страной массовой безграмотности и холерных бунтов.

Основным очагом индустриального развития являлась Северная и отчасти Средняя Италия. Неравномерность развития отдельных частей Италии делала ее страной контрастов. Наряду с высокоразвитыми промышленными предприятиями было очень распространено мелкое ремесленное производство. Обширным типом ремесленного производства была мелкая ремесленная мастерская, где работает сам хозяин при помощи 2—3 учеников и подмастерьев. Такие мастерские были особенно распространены в художественных ремеслах, как например в производстве мебели, майолики, фарфора и изделий из стекла.

Развитие тяжелой промышленности задерживалось в значительной степени тем, что Италия совсем не имела собственного промышленного сырья и прежде всего угля, нефти и железной руды. Добыча каменного угля в Италии за 1913 год достигала лишь 0,7 миллиона тонн. Общая годовая стоимость продукции, добываемой в горной промышленности, составляла лишь 10 миллионов фунтов стерлингов. Чугуна производилось 427 тысяч тонн, а стали — 489 тысяч тонн в год.

Правда, итальянский капитализм накануне войны сделал довольно крупные успе-

хи в судостроении, автомобильном и хлопчатобумажном производстве, производстве искусственного шелка и в некоторых отраслях металлообрабатывающей промышленности. Большое развитие получила также электротехническая промышленность. Италия покрывалась сетью гидроэлектростанций, возмещая недостаток черного угля «белым углем».

По несмотря на все эти успехи Италия оставалась страной экономически отсталой по сравнению с передовыми капиталистическими государствами Европы; мелкая буржуазия попрежнему являлась весьма многочисленной прослойкой итальянского населения.

Индустриальный пролетариат, сконцентрированный главным образом на севере Италии, за 12 лет почти удвоился (с 1 275 109 в 1900 году до 2 206 565 человек в 1912 году). Жизненный уровень итальянского пролетариата оставался таким же низким.

Рабочий день промышленных рабочих достигал 10 часов. Жили они впроголодь, питаясь главным образом хлебом и кукурузой, в лучшем случае — макаронами с растительным маслом.

Вместе с ростом промышленного пролетариата в Италии развивалось рабочее социалистическое движение. В 1892 году на съезде в Генуе оформилась итальянская социалистическая партия. О росте ее влияния свидетельствуют результаты парламентских выборов: в 1892 году за депутатов, выдвинутых социалистической партией, голосовало 26 тысяч избирателей, в 1897 году количество избирателей, голосовавших за социалистическую партию, достигло 150 тысяч.

В Италии, с ее многочисленной мелкой буржуазией и резервной армией безработной интеллигенции, социалистическая партия оказалась наводненной мелкобуржуазной интеллигенцией. В партии, особенно на командных постах, было так много адвокатов и профессоров, что ее стали называть «профессорской партией».

С начала XX века все резче начинает проявляться реформистское загнивание итальянской социалистической партии, имевшей в своей среде многочисленных буржуазных и мелкобуржуазных попутчиков. Правда, прослойка рабочей аристократии внутри итальянского пролетариата была представлена значительно слабее чем в более развитых капиталистических странах Европы. Однако росту оппортунизма и реформистских иллюзий способствовали большой удельный вес мелкобуржуазных элементов в стране, а также политика заигрывания правительства с рабочим классом путем частичных уступок, политика, вызванная страхом буржуазии и ее социал-лакеев перед революционным рабочим движением.

Этот страх буржуазии особенно возрос после русской революции 1905 года, под влиянием которой заметно усилился рост революционных настроений в итальянском рабочем классе.

Под влиянием русской революции расширился фронт стачечной борьбы. С 1906 по 1909 год в Италии произошло 800 стачек.

Пришедшее в 1906 году к власти министерство Джолитти начало проводить политику «искреннего расположения к рабочему классу», что являлось по существу ловкой политической игрой, политикой «лишьего хвоста». Уступки выразились во введении социального страхования и некотором снижении налогов. В 1912 году была проведена избирательная реформа, значительно увеличившая количество избирателей.

Правое крыло социалистической партии во главе с Биссолати проводило типично реформистскую тактику и призывало к прекращению борьбы с монархией.

Итальянские центристы объединились на платформе так называемого интегрализма. Согласно этой оппортунистической «теории» рекомендовалось, прежде чем заботиться о новых реформах, использовать старые, а в вопросах тактики — соединить непримиримость с соглашениями и «во время интегрировать, находить середину».

В 1903 году в партии возникло левое крыло, которое отражало полевание рабочих и которое по ряду тактических вопросов отстаивало революционно-классовую политику, в частности по вопросу об отношении партии к империалистической политике правительства. Но левые в Италии, как и левые в германской социал-демократической партии, отличались полуменьшевистской идеологией и организационной слабостью.

В итальянском рабочем движении возникли в виде реакции на правооппортунистическую тактику социалистической партии анархистские и анархо-синдикалистские течения. Оба эти течения базировались на ремесленном пролетариате, составлявшем значительную прослойку итальянского пролетариата и люмпенпролетариата. Внутри социалистической партии синдикалистское крыло во главе с Лабриола выступило с пропагандой «прямого действия» и критикой парламентаризма. На съезде 1908 года синдикалисты были исключены из социалистической партии. В дальнейшем вождь синдикалистов Лабриола, подобно Эрве во Франции, превратился из антипарламентариста в махрового социал-шовиниста.

Во время империалистической Триполитанской войны 1911—1912 годов, которая велась Италией с целью захвата у Турции Триполи и Биренаяки, внутри социалисти-

ческой партии снова обострилась борьба течений.

Эта война встретила открытую поддержку со стороны правого крыла партии, руководимого Биссолати. Анархо-синдикалисты и Лабриола призывали рабочих Италии поддерживать войну, оценивая ее как «войну бедной Италии с богатой капиталистической Европой». На этой шовинистической позиции, подхваченной впоследствии фашистами, анархо-синдикализм оказался и в период империалистической войны. «Интеграллисты» заняли по существу позицию социал-шовинизма, но с оговоркой: «война могла бы быть нами поддержана, если бы она была лучше подготовлена, но так как она плохо подготовлена, то надо выступить против нее».

Давление рабочих на социалистическую партию, их решительно враждебное отношение к империалистическим авантюрам итальянского правительства были настолько сильными, что центристское руководство пошло на исключение из своего состава группы Биссолати, занявшей открыто шовинистическую позицию.

Рост влияния социалистической партии выявился в выборах 1913 года, которые дали социалистической партии 58 мандатов, против 49 в предыдущих выборах.

В растущем профессиональном движении Италии боролись между собой социалисты, синдикалисты и анархисты. В 1906 году на съезде профсоюзов в Милане была организована Всеобщая конфедерация труда, объединившая большинство организованных рабочих. В 1908 году на съезде итальянской ВКТ в Мелане была закреплена связь между ВКТ и социалистической партией. Таким образом, в отличие от Франции, где синдикаты объявили себя независимыми от партии, в Италии профессиональное движение было формально связано с социалистической партией.

В момент объявления войны за Триполи ВКТ пыталась провести в виде протеста против войны всеобщую стачку. Этого не удалось осуществить из-за сопротивления группы синдикалистов, сторонников поддержки войны. В ВКТ победило колеблющееся центристское крыло, вступившее в блок с реформистами. Борьба внутри итальянского профессионального движения привела к отколу от ВКТ анархо-синдикалистов, образовавших в 1914 году свой «Синдикалистский союз».

Наряду с ВКТ в Италии существовала «Национальная федерация работников земли», объединявшая к 1911 году 200 тысяч сельскохозяйственных рабочих. Федерация ставила себе целью «быть представительницей интересов аграрного пролетариата, развивать взаимную солидарность в борьбе, защищать право на стачку и бойкот и объединять работу

кооперативных организаций на почве классовой борьбы».

2

24 мая 1915 года Италия (входившая до войны в «Тройственный союз» средневропейских держав, но в нарушение своего договора с ними сохранявшая в течение 9 с лишним месяцев нейтралитет) вступила в империалистическую войну на стороне Антанты.

Десять с лишним месяцев, прошедших от начала империалистической войны до вступления в нее Италии, показали, что итальянский пролетариат был решительно против участия Италии в войне. Центристское руководство социалистической партии и Всеобщая конфедерация труда под давлением рабочих защищали политику нейтралитета Италии. В дальнейшем, однако, реформисты во главе с Биссолати заняли открыто социал-патриотическую и социал-империалистическую позицию и стали недвусмысленно высказываться за войну на стороне Антанты.

Еще осенью 1914 года редактор центрального органа социалистической партии — «Аванти» — Муссолини (нынешний фашистский диктатор Италии) начал на французские деньги свою шовинистическую агитацию за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Его ничем не прикрытая пропаганда зоологического шовинизма и войны вызвала такое возмущение в массах, что центристское руководство партии вынуждено было снять Муссолини с поста редактора «Аванти», а позже исключить из рядов партии.

С первых дней вступления Италии в войну правые оппортунисты в часть анархистов перешли к прямой поддержке итальянского империализма. Биссолати вошел в правительство. «Центрист» Туратти и Тревес также примкнули к социал-шовинистам под демагогической маской «защиты отечества».

Вступление Италии в войну, навязанное итальянскому народу правительством Саландры, сопровождалось крайним усилением террора по отношению к рабочему движению.

Ленин в конце 1915 года писал: «Лгут те, кто говорят (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы не были опрошены никуда (за исключением, может быть, Италии — 9 мес. споров до объявления войны! — и в Италии массы были против партии Биссолати). Массы были оглушены, забыты, разединены, задавлены военным положением»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 343.

По мере затягивания войны отношение масс к ней становилось все более враждебным. Уже в начале 1916 года забастовки вспыхивали в Италии почти повсеместно. Под давлением этого движения руководство партии (Модильяни, Лаццари, Серрати и др.) воздержалось от открытой поддержки войны, заняв тишичную центристскую позицию.

«На деле центристы поддерживали войну, ибо предложение центристов не голосовать против кредитов на войну и ограничиться воздержанием при голосовании кредитов на войну, — означало поддержку войны. Они так же, как и социал-шовинисты, требовали отказа от классовой борьбы во время войны, чтобы не мешать своему империалистическому правительству вести войну»¹.

Влияние февральской революции в России сказалось в Италии в росте антивоенных, революционных настроений в широких массах рабочего класса и в итальянской армии. Наиболее ярким выражением этого влияния является всеобщая стачка рабочих в Турине в августе 1917 года, переросшая в вооруженное восстание, с которым полиция и жандармерия удалось справиться лишь после значительных усилий.

Осенью 1917 года, анализируя нарастающие революционной ситуации в воевавших странах, Ленин писал: «Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы страд, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции»².

В войне Италия не одержала ни одной сколько-нибудь значительной победы. «Италия потерпела победу» — эта крылатая фраза метко определяет положение Италии после мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Тяжелое поражение итальянской армии при Капоретто в октябре 1917 года было подготовлено всей преисшествующей бесславной деятельностью итальянцев на австрийском фронте. Прорыв итальянского фронта у Капоретто, начавшись в ночь с 23 на 24 октября, в первые же три дня развития боевых действий привел итальянскую армию к паническому бегству. «Огромные массы людей, лошадей, орудий и обозов всех родов устремилась теперь через рав-

нину Фриуля в направлении на Тальяменто, — писал Виллари, — вместе с войсками шли толпы граждан — мужчины, женщины и детей, бегущих от врага, от жестокости которого пришлось пострадать тем, кто остался в занятых им районах; эти беженцы вносили в ряды отходивших еще больший беспорядок. Где только было возможно, отходившие солдаты взрывали или поджигали мосты, базы и склады; однако большое количество запасов все же попало в руки противника неповрежденным»³.

В дни поражения при Капоретто происходили новые массовые выступления рабочих в Турине, жестоко подавленные правительством. Ленин, давая оценку положению в Италии после Капоретто, писал: «Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бояни»⁴.

3

Великая Октябрьская социалистическая революция, ее первые декреты, особенно декрет 8 ноября о мире, ее пример революционного выхода народов России из империалистической войны, оказала огромное влияние на революционное движение в Италии. Это влияние еще усилилось в период свержения монархии Габсбургов в Австро-Венгрии и Гогенцоллернов в Германии.

Империалистическую Италию взяли на буксир ее более мощные союзники: Англия, Франция и США. Она получала не только военную и финансовую помощь от союзных стран, но и «моральную» поддержку со стороны социал-шовинистических партий Антанты. В Италии появился глава Американской Федерации труда Гомперс, который на деньги держав Антанты, при помощи всей итальянской буржуазии и социал-патриотов, объезжал все города Италии, призывая повсюду рабочих воевать до победного конца.

Ценой больших усилий был стабилизирован итальянский фронт на реке Пьяве.

«Слава» Витторио Венето⁵, так раздуваемая итальянским фашизмом, является вымыслом, имеющим целью доказать, что итальянская армия, начавшая в октябре 1918 года наступление против Австро-Вен-

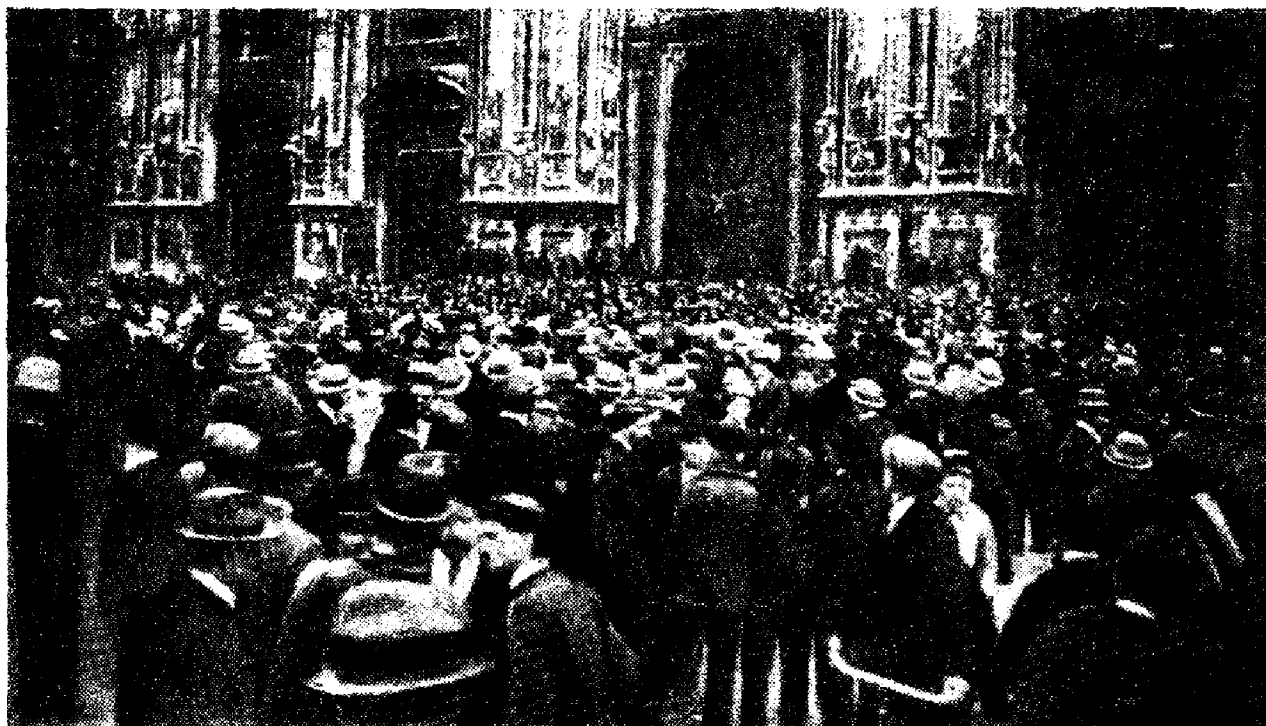
³ Л. Виллари «Война на итальянском фронте 1915—1918 гг.», стр. 135.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 19.

⁵ Сражение у Витторио Венето началось 24-го и закончилось 30 октября 1918 года вступлением итальянской армии в Витторио Венето, после чего последовала капитуляция Австрии.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 159.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 235.

Демонстрация бастующих металлистов. Милан. 1918 год.

Музей революции СССР.

рии, добилась разгрома австро-венгерской армии и вынудила ее к капитуляции. В действительности же не военная победа открыла Италии дорогу в Триест и Трентино, а наступивший развал габсбургской монархии и ее армии.

В результате крушения и распада Австро-Венгрии Италия 3 ноября 1918 года удалось заключить с ней перемирие на следующих условиях: австрийские войска должны оставить всю территорию, предназначенную Италии Антантой при вступлении ее в войну; большая часть артиллерии и морской флот передаются Италии; все военнопленные, захваченные австрийцами, освобождаются без всякого взаимного обмена.

Ллойд-Джордж в своих военных мемуарах отмечает один любопытный факт. Капитуляция Австрии была такой потрясающей неожиданностью для итальянского правительства, что при получении телеграммы о том, что Австрия приняла все требования Антанты, итальянский премьер Орландо на глазах у своих коллег, будучи в состоянии крайнего возбуждения, долго заливался слезами. У сияющего же Клемансо вырвалась характерная фраза: «Мы оставили австрийскому императору только брюки и больше ничего!» Если таков был финал австрийской монархии, то произведенный державами Антанты раздел ее наследия далеко не удовлетворял, как мы увидим дальше, империалистические вожделения Италии.

По окончании мировой войны Италия предъявила мирной конференции, заседавшей в Париже, требования о выполнении пунктов подписанного ею соглашения

с союзниками 26 апреля 1915 года. На основании этого соглашения Италии были обещаны земли «неискупленной Италии», т. е. Триест и Трентино, Южный Тироль, острова Додеканеза, Крайна, Истрия, большая часть Далмации, а также значительные территориальные возмещения вне Европы при разделе Турции.

Междусоюзный договор 21 августа 1917 года устанавливал, что Италии будет предоставлена западная часть Анатолии с Адалией и Смирной. Однако вексель, выданный Италии ее союзниками, не был полностью оплачен. Домогательства Италии встретили решительный отпор со стороны триумвирата: Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо.

По Сеп-Жерменскому мирному договору (статья 27-я), Италия получила южную часть Тироля, Герц, Градиск, Истрию, небольшие части Каринтии и Краины, а также город Зару. По Севрскому договору, Турция уступала Италии острова Додеканеза. Особое негодование итальянских империалистов вызвало ограничение Италии от дележа колониальной добычи победителей. «Мы ограблены Клемансо, мы обмануты Вильсоном» — таков был негодующий крик итальянских империалистов.

Война привнесла итальянским трудящимся громадные бедствия. Более полумиллиона убитых было принесено итальянскими трудящимися на алтарь империализма. Италия погружалась в глубокую экономическую разруху. Трудящиеся массы Италии оказались перед лицом жестокой безработицы. В 1919 году, после демобилизации, в Италии насчитывалось 320 тысяч безработных.

Государственный дефицит достиг почти 17,5 миллиарда лир. Результатом дефицита явился усиленный выпуск бумажных денег. Иностранные долги Италии, урегулированные вашингтонским и лондонским соглашениями в 1925 году, достигли 25 миллиардов золотых лир. Итальянский народ на долгие годы стал данником англо-американского финансового капитала. Обесценение денег породило дороговизну, которая росла непрерывно. Реальная заработная плата для большинства рабочих снизилась на 40—50%.

К этому надо добавить ужасающие жилищные условия итальянских рабочих. Во время войны интересы квартирантских владельцев были оправданы рядом законов, запрещавших домовладельцам увеличивать квартирную плату и выселять жильцов. Но как только война окончилась, началась самая безудержная спекуляция.

После заключения мира правительство Орландо, а затем Нитти продолжало политику сверхпротекционизма, предоставляя щедрые субсидии предпринимателям и банкам, связанным с промышленностью. Перекачка государственных средств в карманы буржуазии через эти каналы еще более усугубляла разорительные последствия инфляции, еще более резко усиливала социальные контрасты.

4.

В 1919 году в Италии у власти стояло министерство Нитти, опиравшееся главным образом на промышленную буржуазию и банковские круги. Нитти, как и Ллойд-Джордж в Англии, пытался бороться с нараставшим революционным подъемом путем демагогической политики, выдержанной в духе «священных идей о новой демократии труда» (из его декларации от 9 июля 1919 года). Эта политика, продиктованная животным страхом перед революцией, прикрывалась идеей соглашения между трудом и капиталом и была рассчитана на ослабление революционной активности пролетариата главным образом путем зашпыривания с социалистами.

У итальянской буржуазии в отличие от английской было меньше объективных возможностей маневрировать, — отсюда быстрый крах этой политики в Италии. Массы отвечали на эту политику революционным наступлением на предпринимателей и на буржуазное государство.

Уже в феврале 1919 года металлургические предприятия принуждены были заключить с генеральной конфедерацией рабочих-металлистов коллективный договор с признанием 8-часового рабочего дня. Борьба за 8-часовой рабочий день охватила рабочих всех отраслей промышлен-

ности, а также сельскохозяйственный пролетариат. К середине 1919 года около 5 миллионов рабочих города и деревни добились фактического установления 8-часового рабочего дня. Особенно ожесточены и упорны были стачки сельскохозяйственных рабочих. В провинции Мантуя, на рисовых полях, где работа особенно вредна для здоровья, рабочие заставили ввести 6-часовой рабочий день.

Но движение на этом не остановилось. Летом 1919 года начались крупные забастовки в металлургической и текстильной промышленности с целью установления минимума заработной платы. Свыше 200 тысяч металлистов в Ломбардии, Эмилии, Лигурии бастовало в течение двух месяцев, добиваясь установления минимума заработной платы, и достигло своей цели. Вскоре вспыхнули забастовки 60 тысяч рабочих перчаточной промышленности в Бельезе. Забастовали 100 тысяч батраков и мелких арендаторов в земледельческих и винодельческих округах. Бастовали также текстильщики в Ломбардии и Пьемонте, где около 100 тысяч текстильных рабочих осталось без работы. Долго бастовали рабочие типографий в Риме, Турине и других крупных городах. Италия пережила небывалый подъем революционного массового движения одновременно в городе и деревне.

На конгрессе «Федерации работников земли» было принято требование конфискации земли и ее обобществления. Деревня широким фронтом пошла в атаку на латифундии. В ряде местностей помещики, охваченные страхом, соглашались на «добровольный» выкуп земли крестьянами. Там, где помещики упорствовали, волнения заканчивались разгромом поместий, революционным захватом помещичьих владений. Внутри крестьянства развернулась классовая борьба; кулацкой деревенской верхушке, для которой выкуп помещичьей земли был желательным и доступным делом, противостояли основная масса крестьян и сельский пролетариат, заинтересованные в революционном разрешении аграрного вопроса.

Правительство пыталось подавить революционный подъем крестьянства частичными уступками, но половинчатые меры не могли ввести в берега могучий, широкий поток революционного крестьянского движения, которое под влиянием Октября уже поднялось до постановки на очередь для исторических задач. Ленинский лозунг союза рабочего класса с крестьянством под руководством рабочих для уничтожения остатков феодализма, за установление диктатуры пролетариата получил в Италии широкую популярность. Советская Россия, Ленин и большевики были для итальянского пролетариата, для всех тру-

дящихся Италии тем маяком, который звал их к решительному революционному штурму.

Экономическая борьба итальянского пролетариата быстро перерастала в борьбу политическую. Еще в феврале 1919 года на улицах Милана происходила грандиозная демонстрация, требовавшая «фабрик — рабочим и земли — крестьянам». Несколько позже, в апреле, итальянский пролетариат организовал манифестацию в честь Ленина. На запрещение этой манифестации рабочие ряда промышленных центров Италии ответили забастовкой протеста, особенно бурно протекавшей в Милане.

В июле происходило чествование памяти Розы Люксембург и Карла Либкнехта, причем в Турине вспыхнула всеобщая забастовка. Объявленная 21 июля 1919 года итальянской Всеобщей конфедерацией труда по соглашению с социалистической партией всеобщая стачка протеста против нападения Антанты на Советскую Россию прошла с оптимистическим подъемом.

В обстановке наступившего революционного подъема массы устремились в социалистическую партию и в другие рабочие организации, надеясь, что они поведут их по тому же пути, по которому большевики повели к победе русский пролетариат. Число членов социалистической партии поднялось с 47 тысяч (в 1914 году) до 300 тысяч (в 1919 году). Всеобщая конфедерация труда, насчитывавшая в 1914 году всего 300 тысяч членов, в 1919 году объединяла уже 2,5 миллиона членов. В «Федерации работников земли» количество членов со 140 тысяч в 1914 году увеличилось почти до 600 тысяч в 1919 году. Итальянский социалистический союз молодежи насчитывал в 1912 году 6500 членов, а в 1919 году — 35 тысяч.

Руководители социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда вынуждены были приспосабливаться сторонниками революции и даже советской власти, чтобы не быть сметенными массой. В марте 1919 года исполнительный комитет социалистической партии вынес постановление о присоединении к III Интернационалу, а в октябре того же года на съезде партии в Болонье была принята резолюция, признававшая необходимость революции и провозглашавшая лозунг советов и борьбы за диктатуру пролетариата. «Надо начать революционную борьбу пролетариата, — говорилось в резолюции, — в целях энергичного натиска на буржуазию, с организации пролетариата в качестве господствующего класса».

Однако принятая резолюция не означала готовности партии стать во главе начавшейся пролетарской революции. Те, кто

колебались и тянули партию от революции к соглашательству, оставались в партии и даже во главе ее. Они двурушнически признавали революцию и готовились к тому, чтобы ее предать.

Но все же решения съезда в Болонье свидетельствовали о силе революционного натиска масс. Ленин их оценивал «как блестящую победу коммунизма». Однако тут же с гениальной проницательностью в письме к итальянским коммунистам Ленин предупреждал: «Не сомневайтесь, что явные или тайные оппортунисты — а их много в Итальянской социалистической парламентской группе! — попытаются аннулировать решения съезда в Болонье».

Борьба с этими тенденциями еще не закончена, но победа в Болонье облегчит вам другие победы»¹.

Важнейшим достижением итальянского революционного движения 1919 года было образование внутри социалистической партии коммунистического ядра. Центром, где консолидировались коммунисты, был город Турин. Органом зарождавшейся коммунистической партии стал издававшийся в конце 1919 года в Турине еженедельник «Новый строй» («Ordine nuovo»), руководимый Грамши. На страницах этого еженедельника пропагандировалась необходимость организации коммунистических ячеек и учреждения рабочих советов. Этот призыв встретил горячий отклик среди туринских рабочих.

На автомобильном заводе «Фиат» и других предприятиях вскоре появились коммунистические ячейки. «Новый строй» пропагандировал также идею рабочего контроля над производством и руководил крупнейшими забастовками 1919 года.

Деятельность туринской организации как ядра будущей коммунистической партии особенно ярко проявилась в разработке подлинно революционной программы, которая была принята II конгрессом Коминтерна в качестве основы для объединения и идейного сплочения революционных элементов социалистической партии Италии.

Перед лицом неуловимо нараставшего революционного движения правительство Питти теряло почву под ногами.

В поисках выхода из создавшегося тупика правительство назначило на 16 ноября 1919 года выборы в парламент по новому, более демократическому избирательному закону. Во время ноябрьских выборов к избирательным урнам явилось больше 11 миллионов человек. Результаты выборов были новым ударом для правительства и показателем дальнейшего революционизирования масс. Социалисты почти

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 504.

удвоили количество депутатов, получив 156 мест в парламенте.

Интересно отметить, что итальянский фашизм, который делал тогда свои первые шаги и выступал с широкой демагогической программой, рассчитанной на обман масс, потерпел на выборах 1919 года жестокое поражение: ему не удалось провести ни одного депутата.

Экономическое положение страны продолжало ухудшаться с каждым месяцем. Все ярче загоралась зарница приближающейся гражданской войны. В Италии был налицо революционный кризис.

5

Периодом наивысшего революционного подъема в Италии нужно считать лето и осень 1920 года. Еще в начале года разразились грозные забастовки почтово-телеграфных и железнодорожных служащих. Июль ознаменовался военным мятежом в Алжире. Рабочее движение бурно нарастало. В конце мая в Генуе на съезде федерации рабочих-металлистов была выработана новая программа дальнейшей борьбы с предпринимателями. 18 июля федерация металлистов предъявила предпринимателям требование общего повышения заработной платы в среднем на 35%, участия рабочих в прибылях, проведения реального рабочего контроля, организации паритетных комиссий и т. д. В течение почти двух месяцев предприниматели медлили с ответом, ожидая наиболее благоприятной ситуации для объявления локаута. В августе представители хозяев вручили рабочей делегации решительный ответ, который гласил: «При настоящем положении промышленности требования экономических улучшений не могут быть удовлетворены». Вслед за этим они объявили локаут.

В ответ на это комитет действия федерации металлистов созвал съезд делегатов от секций и обратился с воззванием к рабочим (федерация рабочих-металлистов объединяла в своих рядах около полумиллиона рабочих). Собранный съезд решил начать обструкцию («итальянскую забастовку»), предлагая при этом, в случае если заводчики попытаются прибегнуть к локауту, захватить предприятия в свои руки.

Обструкция началась 21 августа.

30 августа правление автомобильного завода «Ромео» вынесло постановление о закрытии завода. Миланская секция металлистов немедленно издала распоряжение о занятии рабочими всех металлургических заводов Милана и его окрестностей. Около 300 предприятий было захвачено вооруженными рабочими. Тогда предприни-

матели объявили локаут на металлургических предприятиях всей Италии.

Пролетариат Италии ответил на удар ударом. Рабочие захватывали все сталелитейные, машиностроительные, железнодорожные и прочие заводы. На захваченных предприятиях создавались отряды рабочей охраны для защиты заводов от внезапных атак полиции. Эти отряды потом превращались в красную гвардию. На зданиях заводов были подняты красные флаги.

Disciplina среди рабочих, захвативших заводы, была образцовая. Работа шла полным ходом несмотря на огромные трудности, встретившиеся при новой организации производства: банки прекратили учет векселей и выдачу денег по чекам, подписанным представителями рабочих; иностранные поставщики угля и нефти прекратили отпуски топлива из своих складов, иностранные заказы аннулировались, буржуазные специалисты организовали широкий саботаж.

Борьбу рабочих-металлистов, шедших в авангарде героической борьбы, поддерживали рабочие всей страны. Движение разрослось далеко за пределы Милана и Пьемонта. Железнодорожники доставляли заводам сырье, рабочие арсеналов и оружейных заводов — аммуницию, винтовки, пулеметы. Почтовые чиновники передавали рабочим корреспонденцию, адресованную фабрикантам. Новую волну вызвали забастовки; ряд заводов других отраслей промышленности был также захвачен рабочими.

В деревне продолжался массовый захват помещичьих земель сельскохозяйственными рабочими и крестьянами.

В разгар революционных событий, происходивших в Италии, в июне 1920 года пало министерство Питти. Падение это было подготовлено ноябрьскими выборами 1920 года. Общий провал политики «умиротворения» оттолкнул от Питти господствующие классы Италии. На посту премьера вместо ушедшего Питти появился снова Джолитти.

О Джолитти же без оснований писали, что «демократические жесты вуалируют в нем деспотическую натуру бюрократа», глубокого слугу буржуазии, которого она выдвинула на сцену в самый критический для нее момент.

Верный своей тактике, Джолитти стремился всячески замаскировать классовую направленность своей политики, защищая якобы интересы рабочих в ущерб капиталистам. Он декларировал проведение закона о конфискации военной сверхприбыли и обещал передать парламенту право объявлять войну и заключать мир.

Но попытки правительства путем заигрывания с массами стабилизировать эко-

Арест коммунистов в Милане. 1919 год.

Музей революции СССР.

номическое и политическое положение Италии потеряли полный крах. Поток инфляции погружал Италию все глубже и глубже в бездну разрухи. Курс доллара за 1920 год поднялся с 13 до 28 лир. Торговый баланс на 1921 год выражался в 20 миллиардах импорта на 9 миллиардов экспорта.

Буржуазный правительственный аппарат был дезорганизован. Войска были явно ненадежны: солдаты, посланные на усмирение рабочих и крестьян, братались с последними. Офицерам становилось небезопасно проходить в мундирах по улицам городов. Дело дошло до того, что военный министр принужден был путем секретного циркуляра предписать начальникам некоторых военных округов сообщить офицерам, чтобы они воздержались от ношения формы в публичных местах.

Реквизиции, такса или принудительное распределение продовольствия в пользу неимущей части населения — все эти мероприятия проводились самочинно рабочими организациями во многих городских и сельских центрах. Автомобильное и железнодорожное движение контролировалось рабочими. Генуя, один из важнейших портов Италии, находилась в руках союза моряков и доковых рабочих: ни один пароход не мог уйти из порта без разрешения союза. Пароходы с грузом, направляющиеся против Советской России, задерживались союзом моряков.

Наступил паралич всего военно-полицей-

ско-бюрократического аппарата королевской Италии.

Магнаты промышленности, короли банков вызвали к решительным действиям. Они требовали, чтобы вся мощь государства была обращена против поднявшихся масс города и деревни, они требовали решительного подавления стачек и защиты прав буржуазной собственности.

«Насильственное очищение фабрик от захвативших их вооруженных рабочих, — отвечал Джиолитти в сенате, — столь страстно требуемое буржуазными партиями, невыполнимо ни по техническим, ни по юридическим основаниям». Что касается «юридических оснований», то они, конечно, не были препятствием для Джиолитти: правительство без помощи социал-предателей было бессильно подавить революцию. Все искусство политики Джиолитти сводилось к тому, чтобы выиграть время и опереться на предателей-оппортунистов внутри социалистической партии и профсоюзов.

Вся эта обстановка создавала условия для революционного свержения буржуазного государства, для завоевания власти пролетариатом. Но для этого в Италии не хватало решающего условия: не хватало подлинно революционной организации рабочего класса, не хватало коммунистической партии.

В ноябре 1920 года Ленин писал в статье «Фальшивые речи о свободе»: «Теперь самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Ита-

лишь состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, не способная колебаться и проявить слабость в решительный момент, — партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, эмпорию, беззаветную смелость и решимость»¹.

Итальянские реформисты в союзе с центристами не замедлили предать рабочий класс. 9 сентября ЦК социалистической партии и исполнительный комитет Всеобщей конфедерации труда собрались на совместное заседание в Милане, чтобы решить вопрос о дальнейшей тактике.

При обсуждении этого вопроса возник спор по поводу того, кому должно принадлежать руководство движением: ЦК партии или исполкому ВКТ.

В разгаре конфликта реформист лидер профсоюзов Д'Арагона, отъявленный социал-предатель, заявил от имени Конфедерации, что ее вожди подадут в отставку, если ЦК возьмет руководство движением металлистов в свои руки. Социалистическая партия уступила и передала руководство в руки оппортунистической профбюрократии из ВКТ. 10 сентября на расширенном пленуме исполкома ВКТ, на который были приглашены представители всех профессиональных союзов и центральных рабочих советов, а также представители ЦК социалистической партии, Д'Арагона заявил, что итальянский пролетариат не созрел еще для революции и что переход к революционному восстанию был бы самоубийством для рабочего класса, требовал не выводить борьбу рабочих за экономические рамки. Выдвигая лозунг установления рабочего контроля во всей итальянской промышленности, Д'Арагона надеялся расположить к себе рабочих, которые связывали этот большевистский лозунг с революцией.

Но лозунг рабочего контроля над производством без борьбы за завоевание пролетариатом власти, как ставил вопрос Д'Арагона, мог лишь посеять вредные иллюзии и означал неминуемое поражение пролетариата.

В этот решающий момент Д'Арагона поддерживали не только открытые оппортунисты, правые тураттанцы, но и сторонники Серрати, т. е. центристы.

Итальянский центризм в лице Серрати и его сторонников сыграл в вопросе о переходе к непосредственным революционным действиям в Италии решающую контрреволюционную роль, прикрывая пораженческую тактику Д'Арагона.

Профбюрократы из Всесоюзной конфедерации труда, раздувая трудности, возник-

шие в процессе эксплуатации рабочими захваченных ими предприятий, подготавливали почву для соглашения с правительством.

19 сентября было заключено соглашение, подтвержденное декретом правительства, которое устанавливало принцип рабочего контроля, гарантировало возвращение всего персонала на работу и уплату по особому расчету за дни захвата фабрик. Предприятия возвращались хозяевам. Заработная плата повышалась на 20%. Это соглашение, содержащее некоторые уступки рабочим, явилось лишь этапом к переходу буржуазии от обороны в наступление.

Добившись своей цели, буржуазия вскоре перешла в широкое наступление на рабочих, имевшее целью любой ценой сокрушить революционный фронт. Начались локауты, массовый вывоз капиталов за границу, крахи банков и промышленных предприятий. Апрель неуклонно падал. Буржуазия добивалась капитуляции итальянского пролетариата, пытаясь задушить его костлявой рукой голода.

Экспроприация помещичьей земли, обрабатываемой на кабальных условиях аренды, была самым жгучим вопросом в итальянской деревне. Однако социалисты выступали против раздела латифундий, против лозунга «Земля трудящимся крестьянам». Этим самым они предавали также интересы крестьянства, усиливали опасность голода.

Революция вступила в решающий этап своего развития. Против нее точили свои сабли банды фашизма. Итальянская буржуазия перешла в контр наступление, прикрываясь своим фашистским авангардом.

В 1920 году Ленин писал: «Буржуазия Италии и всех стран мира сделает все возможное, пойдет на все преступления и зверства, чтобы не дать пролетариату власти, чтобы свергнуть его власть»².

Предательство реформистов и центристов оказало решающее влияние на исход борьбы, предопределило поражение пролетариата, облегчило победу фашизма.

Молодая коммунистическая партия была еще слаба: она еще не была партией широких масс. Она еще не могла взять в свои руки руководство революционной борьбой итальянского пролетариата и привести его к победе, идя во главе всех трудящихся масс Италии.

Революционные бои в Италии в 1920—1921 годах особенно убедительно показали, что «... Самое главное и основное условие успеха в момент кануна пролетарской революции есть освобождение, есть свобода партий революционного пролетариата от

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 464.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 468.

Баррикады на улицах Пармы, 1920 год.

Музей революции СССР.

оппортунистов и «центровиков», от их влияния, от их предрассудков, слабостей, колебаний»¹.

Хотя момент для революционного восстания был упущен, но возможности дальнейшего развития пролетарской революции в Италии еще были налицо. Клеймя предателей-центристов (серратинцев), Ленин в ноябре 1920 года писал: «Серрати не понял особенности того переходного момента, который имеется налицо в Италии, где, по общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, тураттинцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов»².

Для того чтобы партия могла успешно вести пролетариат к победе, она должна была прежде всего очистить свои ряды от открытых и скрытых предателей. Когда Ленин писал эту статью, итальянская социалистическая партия раскололась на три фракции: 1) коммунисты во главе с Грамши, Джениари и др.; 2) «коммунисты-унитариисты» (центристы), во главе с Серрати выступавшие под демагогическим лозунгом защиты партийного «единства», которое уже было уничтожено социал-предателями; 3) правооппортунистическая фракция «социалистической концентрации» во главе с Туратти.

На съезде фракции Туратти в Реджо-Эмилии (10—11 октября 1920 года) была принята резолюция, в которой одобрялось присоединение партии к III Интернационалу, однако при условии «исключения из секции Интернационала анархических и синдикалистских групп», об исключении же оппортунистов не говорилось ни слова, что и обнаруживало лицемерный характер всего решения о присоединении к Коминтерну. Диктатура пролетариата признавалась «не обязательным требованием программы, но временной мерой, необходимость которой вызывается специальными условиями».

В заключительной части резолюции говорилось: «Революция в Италии в насильственной и разрушительной форме, с немедленным введением советского строя по образцу России, как того желают крайние элементы, обречена на быстрое крушение, в случае отсутствия активного содействия экономического и политического характера со стороны пролетариата какого-нибудь из более богатых государств в период неизбежной экономической разрухи»³.

Вся резолюция в целом расходилась с «21 условием», принятым II конгрессом Коминтерна.

Ленин оценивал эту резолюцию, как вызывающую манифестацию реформизма, как доказательство того, что реформизм не сложил оружия. С полным основанием Ленин делал вывод: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстаивать ее. Это очевидно принципиально.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 472.

² Там же, стр. 463.

³ «Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал» (сборник материалов). Изд. К. И. 1921.

Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии»¹.

Фракция Серрати созвала свой съезд во Флоренции (20—21 ноября 1920 года). В принятой резолюции несмотря на все предостережения Коммунистического Интернационала группа отказалась разорвать с тураттианцами, заявляя, что в «партии окончательно утвердилось революционное и абсолютно непримиримое направление». Насколько смазывались в этой резолюции задачи борьбы за диктатуру пролетариата, видно из следующего, заведомо ложного утверждения: «Партия уже завоевала действительную политическую власть, носителями которой являются различные и многообразные органы ее постоянной деятельности». Завоевание большинства в муниципалитете Милана и в некоторых других местах объявлялось завоеванием власти.

В г. Имоле 27—28 ноября 1920 года состоялся съезд коммунистической фракции. Следуя основным решениям II конгресса Коминтерна, съезд принял полностью «21 условие», решение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу и объявил о переименовании партии в «итальянскую коммунистическую партию — секцию III, Коммунистического Интернационала». Наряду с этими важнейшими решениями особенное значение имело решение, требовавшее исключения из партии оппортунистов всех мастей.

Окончательное размежевание между отдельными фракциями итальянской социалистической партии произошло на конгрессе в Ливорно (15—21 января 1921 года).

На этом конгрессе, имевшем громадное значение для дальнейшей судьбы рабочего движения Италии, центристы, сторонники Серрати, и правые, сторонники Туратти и Тревеса, образовали блок против коммунистов. Серрати выступил с враждебными выпадами против Коммунистического Интернационала и открыто солидаризировался с Туратти. Последний, ободренный позицией Серрати, сбросил с себя маску и выступил с наглой контрреволюционной речью в защиту реформизма и предательской тактики своей партии.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 462.

На съезде присутствовали представители ИККИ (Ракоши и Кабакчиев), которыми была оглашена декларация, в которой ИККИ принимает резолюцию, предложенную коммунистической фракцией (принятую на съезде в г. Имоле), как соответствующую принципам и тактике III Интернационала. Кто хочет остаться в Коминтерне, должен вместе с коммунистами встать против реформизма и со всеми теми, кто стоит на почве ненарушимых постановлений своего мирового конгресса, говорилось в этой резолюции.

На съезде реформисты получили 14 095 голосов, унитаристы (серратианцы) — 98 028 и коммунисты — 58 785 голосов.

Дальнейшее поведение серратианцев еще раз подтвердило, что самым вредным и опасным для дела революции течением являлись центристы. Серратианцы пошли на объединение с 14 тысячами реформистов и на разрыв с 58 тысячами коммунистов.

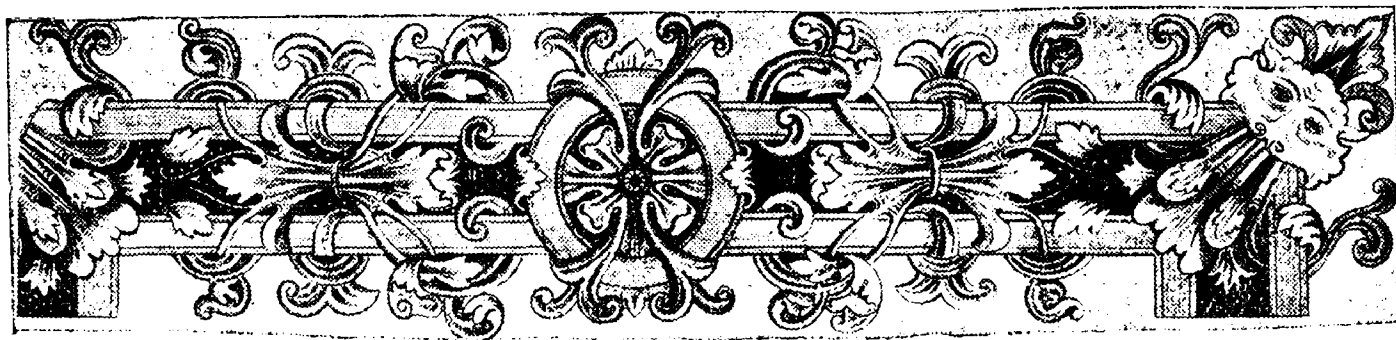
Коммунисты покинули съезд 21 января 1921 года в театре Сан-Марко в Ливорно собравшиеся делегаты-коммунисты окончательно оформились в итальянскую коммунистическую партию.

Буржуазия Италии, очутившись перед лицом революционного движения пролетариата, угрожавшего самому существованию итальянского капитализма, увидела свое спасение в установлении диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов капитализма.

Пролетариат Италии в боях 1920 года потерпел поражение. Но в этих боях родилась коммунистическая партия Италии — верный залог грядущих побед рабочего класса.

Под руководством своей революционной пролетарской партии рабочие Италии в течение 20 лет ведут героическую борьбу под знаменем Коммунистического Интернационала.

В этой борьбе за свои ближайшие и конечные цели рабочие Италии тем успешнее будут осуществлять свои задачи, чем лучше усвоят уроки боев 1920 года и весь двадцатилетний опыт международного рабочего движения.

О. Вайнштейн

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI—XIV ВЕКА)*

В XI веке западноевропейский мир вступил в период зрелого феодализма. Феодальное общество приобрело свои наиболее законченные, выпуклые формы. В «Сатирической поэме «Адальберона», вышедшей в этом столетии, дается отчетливая характеристика классового строения общества того времени. Бог создал, указывает епископ Адальберон в беседе с французским королем, три разряда людей; одни из них молятся (духовенство, *oratores*), другие воюют (феодалы, *bellatores*), третьи содержат своим трудом тех и других (сервы, *laboratores*).

Однако духовенство не только молилось. Оно создавало и оттачивало идеологическое оружие господствующего класса, подчиняя себе и насаждая печать своего мировоззрения на все проявления культурного творчества. Как и в предшествующие столетия, оно и в XI—XIV веках держало в своих руках все нити народного образования, определяло содержание, характер и интересы в сфере научного мышления, искусства, литературы. «Духовенство, — пишет Энгельс, — к тому же было единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»¹.

Правда, во второй половине рассматриваемого периода духовенство начинает терять свою монополию на образование. Поднимающаяся городская буржуазия — сначала

робко, затем все сильнее — вносит в средневековое мировоззрение и культуру новые черты, отражающие особое положение и интересы нового, формирующегося класса. «Скромное по феодализму католическое мировоззрение не могло уже удовлетворять этот новый класс с его условиями производства и обмена»². С XIV века в Италии уже занимается заря Возрождения. Тем не менее феодальная закваска еще долго сказывалась в культурном творчестве представителей класса буржуазии, особенно в области науки.

Наиболее типичные черты средневековой культуры сложились в XI—XIII веках, когда влияние нового класса было еще сравнительно невелико. Именно в этот период достигла своего расцвета средневековая, схоластическая философия. К этим столетиям относится: в области архитектуры — все лучшее, что было создано средневековой готикой; в области литературы — лучшие образцы рыцарского эпоса и романа: «Песнь о Роланде» у французов, «Поэма о Беовульфе» у англичан, «Песня о Нибелунгах» у немцев и ряд других произведений; в области философии — наиболее крупные произведения средневековой мысли и возникновение основных философских школ и направлений: номинализма, реализма, мистицизма; в области историографии — наиболее типичные средневековые хроники и анналы.

1

Рассмотрение культуры XI—XIV веков удобнее всего начать с характеристики средневековой науки. Эта наука — схоластика, — как показывает само ее название (от слова *schola* — школа), вышла из школы, из университета. Вне школы, вне уни-

* Очерки средневековой культуры V—X веков. См. «Исторический журнал» № 5 за 1938 год.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 295.

² Там же.

верситета никакой науки тогда не было. Вот почему рассмотрение содержания феодально-католической науки должно предшествовать ознакомлению с организацией школы.

Начальное образование и его средняя ступень были представлены, как и в предшествующую эпоху, двумя типами школ: монастырскими — при монашеских орденах и городскими — при епископствах и капитулах. Обучению вели духовные лица, называвшиеся схоластиками (*scholasticus*), а общий надзор над ними был поручен особому помощнику епископа — канцлеру (*cancellarius*). Последнему принадлежало право назначать учителей и выдавать им «лиценцию», то есть разрешение преподавать (*licentia docendi*).

Но с XIII века, в связи с развитием городской жизни, с подъемом ремесла и торговли, буржуазия начинает испытывать все большую потребность в элементарных познаниях письма и счета. Церковь вынуждена была расширить преподавание этих предметов, чтобы удержать в своих руках монополию на образование, и организовать школы не только при епископских соборах и монастырях, но и при каждой церкви городского квартала.

Если городская буржуазия ощущала необходимость в элементарном образовании, то в господствующем классе феодального общества эта необходимость чувствовалась не менее остро. Давно прошли времена, когда феодалы относились с презрением к простой грамотности. В XII веке Иоанн Солисберийский уже пишет: «Неграмотный король — все равно, что коронованный осел» («*Rex illiteratus est quasi asinus coronatus*»). Развитие экономической жизни, обострение классовых противоречий, осложнение функций управления — все это предъявляло к правящему классу требования не только простой грамотности, но и более широких знаний. В кругах феодальной знати становится модным давать детям, особенно младшим сыновьям, предназначенным для духовной карьеры, высшее образование. В XIII веке знатные немецкие феодалы посылали своих сыновей в Болонью, тогдашний центр юридического образования.

Древнейшая высшая школа была, однако, не юридической, а медицинской. Она возникла в Салерно еще в X веке. Медицине здесь обучали сначала монахи-бенедиктинцы, а затем и светские профессора медицины. В XII столетии вышла в свет и первая средневековая медицинская книга — «Пассонарий» Гариопонта, — в которой описывались различные болезни; тогда же был опубликован и первый государственный закон (сицилийского короля Рожера II. 1140 год) о медицинской практике,

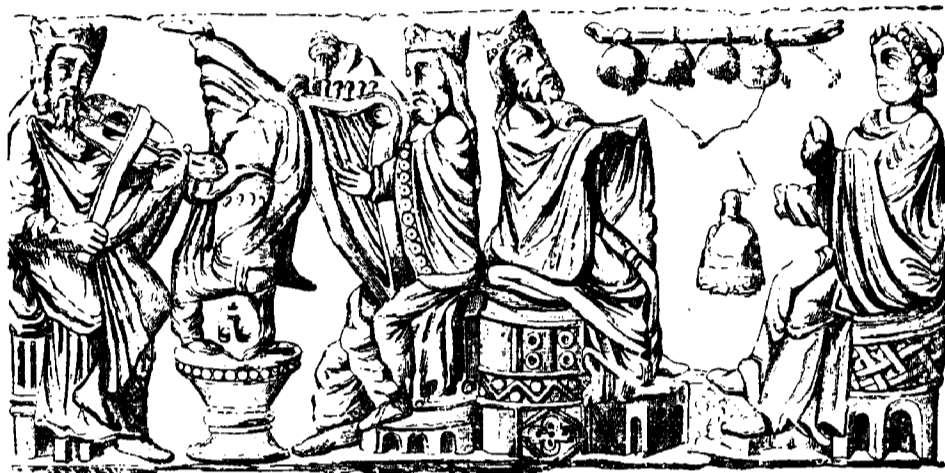
воспринимающий лечить без специального разрешения властей.

Но Салернская школа не сыграла крупной роли в создании университетской науки. Медицина была слишком второстепенным для средневековых людей предметом, чтобы на этой основе мог возникнуть университет. Важнейшие и ведущие университеты созданы не в связи с медициной, а в связи с богословием и отчасти юриспруденцией. Таких университетов было вначале два: в Париже и Болонье. Все прочие университеты строились по образцу либо Парижского либо Болонского.

Парижский университет возник в XII веке в результате слияния нескольких, ранее существовавших отдельно богословских школ (при соборе Парижской богородицы, на холме св. Жюльевы и др.). Первое дошедшее до нас официальное признание университета как привилегированной корпорации — это хартия Филиппа II Августа от 1200 года. Профессора богословских школ получали «лиценцию» на преподавание от канцлера парижского епископа. Они являлись ревнителями ортодоксального католического учения, носителями основ церковной идеологии. Но, тяготясь произвольными действиями канцлера, профессора, объединившись со студентами, выступили против него с целью добиться независимости от местных духовных властей. Пала Иннокентий III и его преемник Гонорий III поддержали требования объединившихся магистров и школяров и в своих буллах, адресованных к Парижской школе, начали называть ее «университетом». Под этим словом тогда подразумевалась привилегированная корпорация, совокупность преподавателей и студентов (*universitas magistrorum ac scholarium*). Нужно заметить, что это название в середине века могло означать любую корпорацию, так что и городскую общину, и гильдию, и ремесленный цех именовали университетом. Университет магистров и школяров, впрочем, и по своей структуре и по способу восхождения от низших ступеней и званий к высшим сильно смахивал на цех или совокупность цехов.

Наряду с богословскими студиями в Париже возникли школы, где преподавали медицину и право (с 1219 года, по распоряжению папы, только каноническое, то есть церковное). Каждая такая школа в составе университета получила название факультета, от латинского слова «*facultas*» — способность, область знания, — причем это слово было перенесено и на совокупность организованных магистров и школяров, занимающихся этой отраслью знания.

Низшей, подготовительной ступенью к богословскому, юридическому и медицин-

Барельеф в одной из церквей в Нормандии. XI век.

скому факультетам был четвертый факультет — искусств (*facultas artium*, от чего члены этого факультета назывались «артистами»).

Факультет искусств по количеству преподавателей и учащихся был наиболее многочисленным. Уже в XIII веке здесь обучалось свыше 1000 студентов, а магистров было около 120. Поэтому ректор, то есть «правитель» этого факультета, приобрел постепенно положение ректора всего университета. Во главе каждого из других факультетов стояли деканы, то есть старшины, — слово, взятое из церковной практики. На всех этих факультетах, вместе взятых, преподавало приблизительно 30 профессоров. Студентов здесь тоже было значительно меньше чем на факультете искусств, так как лишь по окончании низшего факультета можно было поступить на высший, а большинство студентов дальше первой ступени не шло.

В XIII—XIV веках Парижский университет являлся международным центром высшего образования, особенно богословского. В одном трактате XIII века, «О Римской империи», принадлежащем перу немецкого каноника, указывается, что «итальянцам бог даровал папство, немцам — империю, а французам — науку». В Париж тянулись студенты со всех концов Европы. Многие

папы и крупнейшие средневековые богословы, независимо от происхождения, учились и учили в Париже. К их числу принадлежат, например, англичано Александр Гэльский и Рожер Бэкон, итальянцы Бонавентура и Фома Аквинский, немец Альберт Великий и многие другие. Разноплеменная масса парижского студенчества делилась на четыре «нации», своего рода землячества: французскую, пикардийскую, нормандскую и английскую, — объединявшие, помимо англичан, немцев, испанцев, чехов, поляков и др.

Студенты университета были чрезвычайно буйным народом: они находились в состоянии вечной войны с парижскими бюргерами, часто пьянствовали и дебоширили. «Клирики, и школяры, и их слуги, — жаловались парижские буржуа королю в 1269 году, — многих тяжело поранили и убили, насиловали девиц, разбивали трактиры, совершали и продолжают совершать много еще других злодеяний». Действительно, студенты, младшие сынки феодальных семейств или незаконные сыновья прелатов церкви, прибывая в Париж, уделяли значительно больше внимания дебошам чем науке.

Паряду с такими студентами имелась и студенческая беднота, люди, вышедшие из социальных низов.

Заглавная буква из рукописи XII века.

Феодалы прекрасно понимали, что легче держать в повиновении массы, если наиболее способным и талантливым выходцам из низов давать возможность выбираться наверх, выдрессировав их в высшей школе, подкупив их духовными званиями и всевозможными подачками, с тем чтобы их таланты поставить на службу существующему феодальному режиму. Те бедные студенты, которые, помимо способностей, обнаруживали смирение и послушание, получали возможность сделать карьеру. Таким был, например, Роберт Гростет, выходец из низов, ставший впоследствии ректором Оксфордского университета и епископом. Те, которые не поддавались дрессировке, подвергались изгнанию из университета. В результате создалась особая категория недоучившихся студентов-бродяг, так называемых вагантов, или голиардов. Их называли еще «детьми сатаны», ибо из их среды выходили зачинщики бунтов, хулиганы существующего строя, напаста и господствующего класса в целом.

Голиарды создали свою поэзию, на латинском языке. В их песнях, пропитанных оппозиционностью по отношению к феодальному обществу, особенно достается попам и монахам; нередко в них воспеваются весна, любовь и главным образом вино.

Нуждающиеся студенты жили обычно на предоставляемую церковью стипендию, которая называлась бурса (кошелек); отсюда позднейшее название духовной семинарии (например описанной в «Бурсе» Помяловского) и немецкое наименование студента — бурш. Наряду с бурсой для студентов появились общежития и для магистров. Будучи, как правило, духовными особами, профессора и магистры получали за преподавание не жалованье, а пребенды,

т. е. священническую должность. Фактически они, конечно, не несли ее, а, нанимая от себя священников, получали в свою пользу все доходы. Но так как не всех можно было обеспечить пребендами (особенно это касается «артистов»), то в Париже, а затем и в Оксфорде были созданы общежития-колледжи для магистров, где последние получали полное содержание. Особенно прославился колледж, основанный в середине XIII века королевским духовником Робертом Сорбонном для магистров богословского факультета; вот почему и поныне часть Парижского университета носит название Сорбонны.

После 6-летнего пребывания на факультете искусств студент, сдавший экзамен, получал степень бакалавра; тот, кто продолжал учиться дальше и сдавал второй экзамен, становился лицензиатом, т. е. получал лицензию на преподавание на факультете искусств. Наивысшей степенью было обычно звание магистра. Студент, лицензиат, магистр — эти три степени вполне соответствовали цеховой иерархии: ученик, подмастерье, мастер. Как правило, лицензиаты и магистры факультета искусств стремились стать студентами богословского факультета, где они могли добиться самой высокой степени — звания доктора богословия. Вся процедура получения степени магистра или доктора — с показом своего мастерства на публичном диспуте, с подарками, денежными взносами и обязательной выпивкой для всей ученой братии — также напоминает цеховые обряды, связанные с предоставлением подмастерью звания мастера.

В университете существовало два основных вида занятий: лекция и диспут. Лекция состояла в чтении и комментировании магистром, т. е. профессором, какой-нибудь авторитетной книги, например Аристотеля, на факультете искусств; какой-либо части библии или «Сентенций» Петра Ломбарда — на богословском факультете; Юстинианова кодекса и книг канонического права — на юридическом. Профессор восседал на высочайшей кафедре, читая и комментируя текст; у его ног сидели и записывали студенты.

Диспуты происходили следующим образом: либо профессор дискутировал со студентами на определенную тему, либо он предлагал самим студентам вести диспут, во время которого надо было обнаружить, во-первых, умение спорить, т. е. защищать любую точку зрения, во-вторых, знание авторитетов библии, «отцов церкви», древних авторов. Зачастую диспуты устраивались «о чем угодно» (quodlibet, откуда название главного диспутанта quodlibetarius — «что угодно»). На таких диспутах могли предлагаться самые нелепые вопросы.

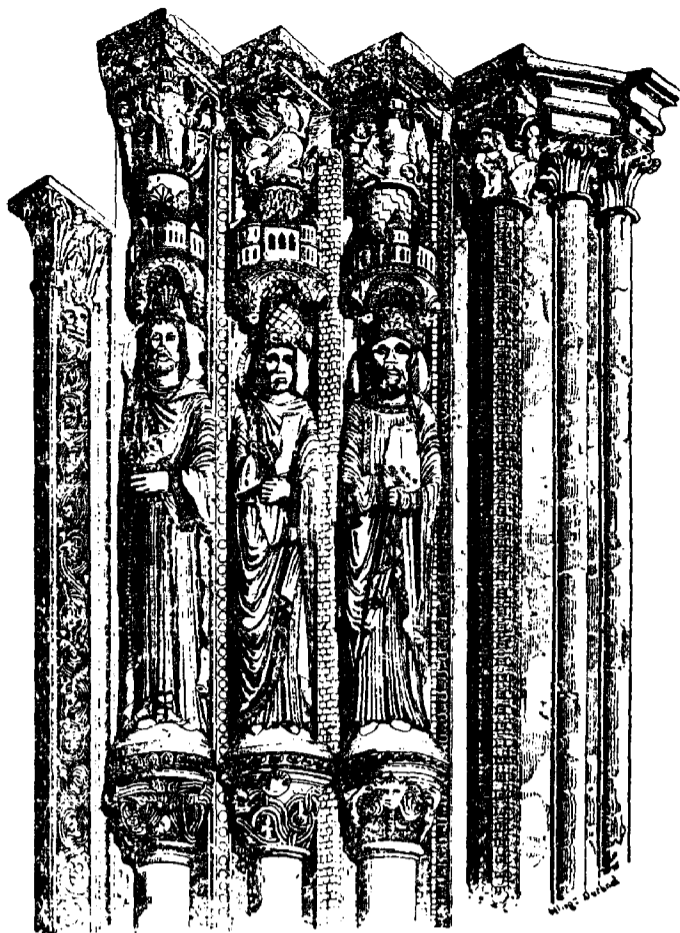
вроде такую: «Когда свинью ведут продавать на базар, кто ее тащит: человек или веревка?» Но нередко рассматривались весьма актуальные проблемы. Например в 1285 году профессор богословия Парижского университета английский францисканец Ричард Миддлтон поставил 27-м пунктом своего третьего quodlibet вопрос: «Следует ли повиноваться сеньеру, если он налагает талью, не предусмотренную обычаем и не вызванную потребностями общественной пользы?» «Я отвечаю, — заявил профессор, — что если это сервы, то они обязаны платить вповь наложенную талью... ибо и сами сервы и их владения являются собственностью сеньера, о чем говорит Аристотель в первой книге «Политики», а именно, что раб есть скот, а также, как сказано в каноническом праве, если раб убежит, то он должен быть возвращен своему сеньеру. Но если это свободные и данная талья введена не для пользы общественной, тогда я говорю, что ни король, ни князь не могут требовать новую талью со своих свободных подданных. И основание для этого то, что владения свободных подданных не являются собственностью их сеньеров».

Заметим, что профессора-францисканцы¹ были гораздо «демократичнее» профессор-доминиканцев, а некоторые из них даже вступали в резкие конфликты с папством.

Университет муштровал мозги своих студентов тем, что заставлял их без конца

¹ Францисканцы, или минориты, — члены монашеского ордена, основанного около 1210 года в Италии «святым» Франциском Ассизским. Орден возник вначале как братство мирян и духовных лиц, отказавшихся от всякой собственности и занимавшихся, по примеру Франциска, проповедью покаяния. Однако орден быстро разбогател благодаря многочисленным частым пожертвованиям и привилегиям, получаемым от папства. Богатства ордена фиктивно считались собственностью папского престола, который как бы предоставлял францисканцам возможность пользоваться ими. Эта фикция нужна была для обмана масс, которые продолжали видеть в миноритах представителей «апостольской бедности» и уважали их больше чем все остальное духовенство. Опираясь на францисканцев, папы получили возможность успешнее бороться с ересью, гнездившейся в самой гуще народных масс.

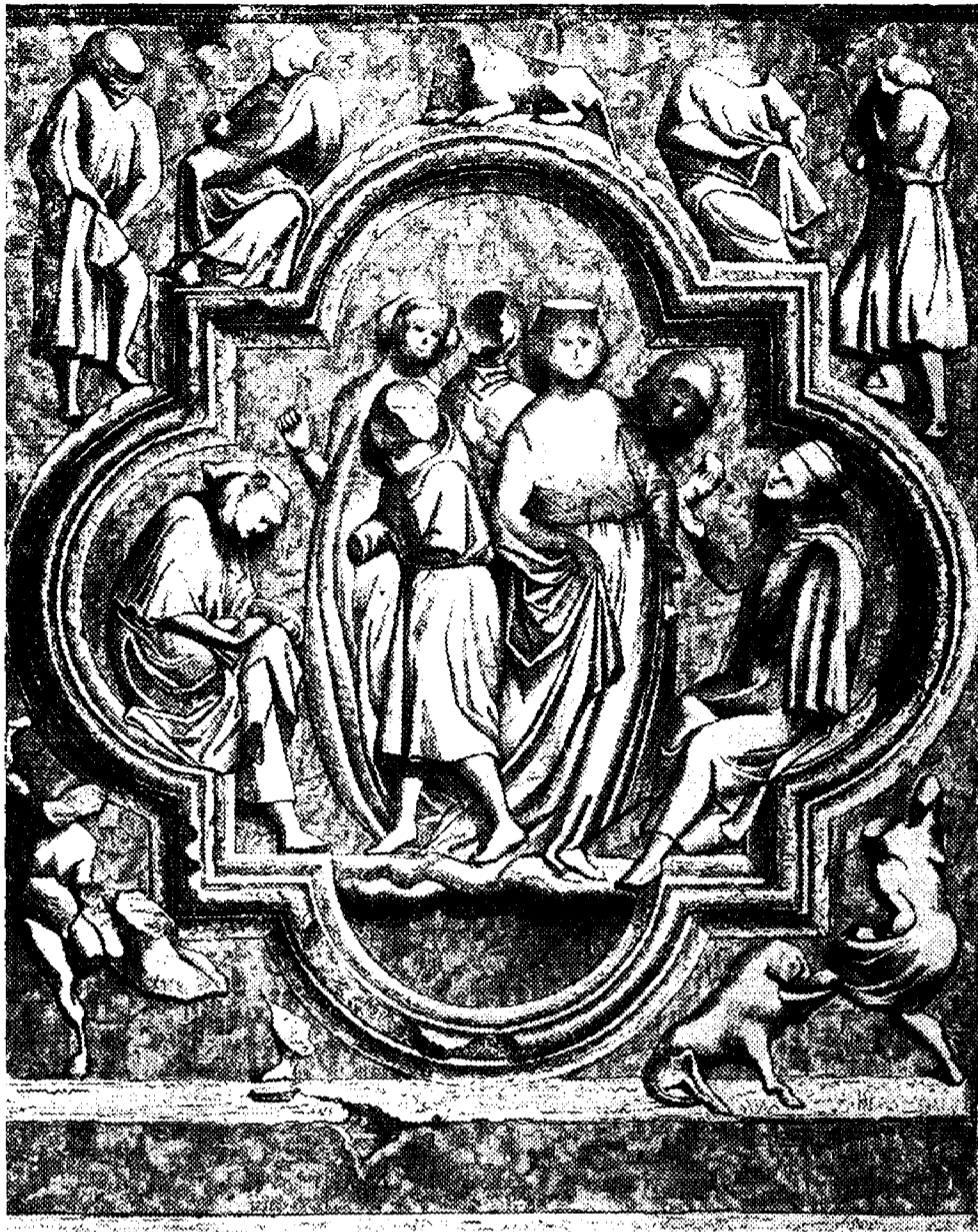
Несколько позже (1211 — 1215 годы) возник по образцу францисканского ордена доминиканцев (по имени его основателя св. Доминика). Доминиканцы — более аристократическая организация — занимались главным образом борьбой с еретиками и являлись главными членами инквизиционных трибуналов. Оба ордена соперничали также в занятиях наукой и особенно богословием. Из среды доминиканцев и францисканцев вышли крупнейшие светила схоластики.

Статуи у входа в собор в Бурже. XII век.

упражняться в законах формальной аристотелевской логики, тратить все время на дефиниции, дистинкции и построение силлогизмов. В сочетании с заучиванием текстов, рекомендованных церковью, эта система вполне достигла своей цели — готовить идеологических защитников феодального строя в целом и феодально-католической церкви в частности. Несмотря на проявляемую большую заботу об университетах, особенно таких, как Парижский, и ставили их в непосредственное подчинение себе. Средневековые университеты с развитыми богословскими студиями представляли собой, по удачному выражению одного историка, не столько центры образования, сколько настоящие военные машины, созданные теократией для борьбы с ересями и всяким вольномыслием. Так, в 1229 году папа организовал в самом центре альбигойской ереси, в Тулузе, университет, специально как бы предназначенный для этой цели. Граф Тулузский вынужден был, по требованию папы, взять содержание университета на свой счет.

О том, насколько высоко ценили папы основную функцию университетов — защиту истинной веры и борьбу с любой оппозицией по отношению к церкви, — свидетельствует цветистое обращение папы Александра IV к Парижскому университету (1255 год): «Наука парижских школ подобна древу жизни в земном раю и сияющей лампаде в доме господнем. Как мать,

Городские буржуа, подающие милостыню бедным учащимся.
Барельеф XIII века. Париж.

плодородная эрудицией, она источает обильные источники спасительного учения...»

2

В чем же сущность «спасительного учения», обильно источаемого университетам? Что представляет собой та форма псевдонаучной мысли, которая под именем схоластики является наиболее важным признаком средневековой «науки»?

Вершиной средневековой «науки» являлось богословие, теология, познание бога, обусловленное прежде всего верой и невозможное без веры. Один из основателей схоластики, Ансельм Кентерберийский¹, вы-

¹ Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1033—1109 годы), которого католическая церковь в XV веке канонизировала святым, был крупнейшим богословом своего времени. Его сравнивали по значению с Августином. В качестве главы английской церкви он играл также и крупную политическую роль: известна его жесто-

двинул принцип: кто не уверует, тот не поймет. Толкуя по-своему эти слова, некоторые богословы провозгласили необходимость познания только с помощью откровения, данного богом, и отвергали значение разума в этом деле. Они ставили перед собой задачу «совершенствования собственной души путем приближения к богу» и не стремились к познанию вещей. Такое течение носит название мистицизма. Его представителем был инициатор второго крестового похода, один из столпов клерикализма и крайней реакции в XII веке, знаменитый Бернард Клервальский (1091—1153 годы). «Моя философия, — писал он, — это познание Иисуса. И только смирением можно к нему прийти, через двенадцать ступеней смирения можно прийти к экстазу, кульминационному пункту человеческого познания».

Папство вначале поддерживало мистиков. Бернард Клервальский был объявлен ченная борьба с королем Вильгельмом Рыжим за привилегии духовенства в Англии и за prerogatives папской власти.

святым. Той же чести удостоились и другие мистики — Франциск Ассизский, Бонавентура. Но мистическое течение скоро оказалось опасным, так как мистики умаляли значение догматов католической церкви, а также роль этой церкви в деле спасения души. Орудием мистики овладели еретики, обратившие его против могущества папы и церкви. Основатели еретических сект и учений — вальденсов, бетгардов и пр. — были мистиками. Ереси же в свою очередь нередко перерастали в революционные движения (дольфинисты в Италии, лолларды в Англии). Эту связь между мистикой, ересью и выступлениями угнетенных масс против феодального гнета прекрасно сформулировал Энгельс в своей «Крестьянской войне в Германии». «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье, — пишет Энгельс. — В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹.

Для борьбы с еретиками церкви понадобились доводы, идущие от разума, ловкие софизмы и приемы, предлагаемые формальной логикой. Церковь стремилась теперь создать богословие на основе своеобразного соединения веры в откровение и разума, католической догмы и «науки». Эту задачу и должна была осуществить схоластика.

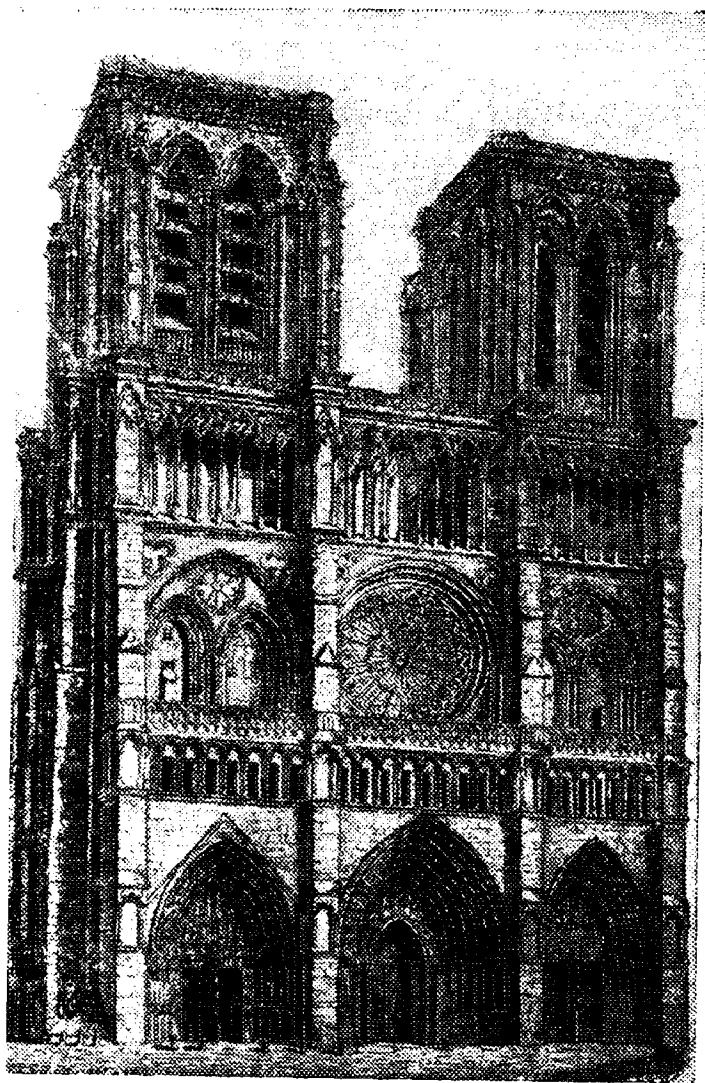
На разрешение трудной проблемы — соотношения между верой и разумом — и на построение всей схоластической философии сильнейшее влияние оказала арабская, точнее, арабо-иудейская, богословская мысль. Арабы еще в IX веке занялись вплотную изучением греческих авторов, особенно Аристотеля, который был переведен на арабский язык. В X—XII веках появился ряд арабских ученых, которые не только изучали, но и комментировали Аристотеля: Альфараби (умер в 950 году), Ибн-Сина, или Авиценна (умер в 1037 году), Ибн-Рошд, или Аверроэс (умер в 1198 году), которого Данте называл «великим комментатором».

Аверроэс является наиболее видным представителем арабской философии, оказавшим сильное влияние на западноевропейскую схоластику. В своих комментариях к Аристотелю он писал, что этот философ послан самим богом, чтобы научить людей познанию окружающего мира. При этом Аверроэс признавал, что многое в учении Аристотеля противоречит положениям веры, корану. На вопрос, где же истина: у Аристотеля или в коране, — Аверроэс отвечает, что существуют две истины:

одна — заключенная в коране, основанная на вере; другая — философская, познаваемая опытом с помощью разума. Аверроэс несмотря на все оговорки отдает во всем предпочтение разуму и тем самым вступает в конфликт с мусульманским вероучением.

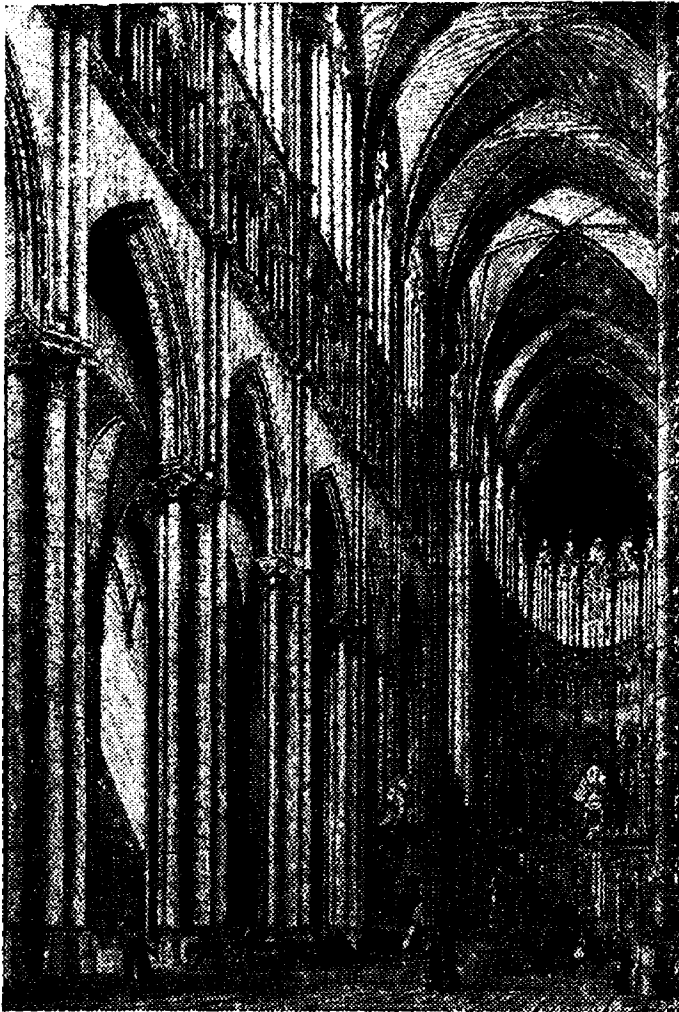
Идеи Аверроэса получили распространение в Западной Европе главным образом благодаря еврейскому философу Маймониду², который явился как бы посредником между арабской и католической философией. Многие идеи знаменитого представителя схоластики Фомы Аквинского находят в прямой зависимости от философии Маймонида.

² Маймонид (1135—1204 годы), придворный врач знаменитого по третьему крестовому походу египетского султана Саладина, учился философии непосредственно у Аверроэса. Произведения Маймонида написаны большей частью на арабском языке; важнейшее из них — «Путеводитель заблуждающихся», где даются объяснения сомнительных мест библии. Подобно Аверроэсу Маймонид развивает идеи Аристотеля, провозглашает извечность существования мира (расходясь, таким образом, с библейским догматом о создании мира богом) и высказывает взгляды, ведущие к отрицанию бессмертия индивидуальной души и к пантеизму.

Фасад Нотр-Дам в Париже. XII—XIII века.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч. Т. VIII, стр. 128—129.

Внутренний вид Амьенского собора. XIII век.

Если влияние Аристотеля шло на Запад первоначально через арабских и еврейских его комментаторов, то влияние платоновских идей распространялось в результате изучения «блаженного» Августина. Последний стоял в области теории познания на позициях платонизма, связанных с представлением о реальном существовании идей, а потому господствующим течением до XIII века, т. е. до победы Аристотеля, был реализм. Реализм того времени не имеет ничего общего с современным пониманием этого слова. Схоластический реализм выражался в признании того принципа, что общие, или родовые, понятия суть реально существующие вещи (*universalia sunt realia*); таким образом, помимо отдельных конкретных вещей, например деревьев, где-то существует общая идея дерева, дерево вообще. Для богословия это была очень удобная позиция: раз существует идея бога, — значит, реально существует и сам бог. В Париже это течение было представлено Гильомом из Шампо.

Однако против этого взгляда часть схоластиков выдвинула противоположную точку зрения — номинализм. Номиналисты, особенно виднейший из них — Росцеллин, отрицали объективную реальность общих понятий, или универсалий. Реальны лишь индивидуальные вещи. Общие же понятия

суть только слова (*universalia sunt nomina*). «Номинализм, — как подчеркивал Энгельс, — ...представляет собою первое выражение материализма»¹. Такое учение должно было неизбежно привести его защитников к конфликту с церковью, в частности с ее догматом о «божественной троице», т. е. о единстве бога в трех лицах. Для крайних номиналистов троица — только слово; реально существует не троица, а три бога: отец, сын и святой дух. Росцеллину пришлось отречься на соборе от этого взгляда, который расходился с принципом единобожия.

Учеником Росцеллина был Абельяр (1078—1142 годы), знаменитый своей любовью к Элоизе, перепиской с нею и своей трагической судьбой, которую он сам рассказал в автобиографическом произведении «История моих бедствий». Он был физически изувечен; церковь подвергала его и моральным преследованиям; его учение было осуждено двумя церковными соборами.

Абельяр выступал с резкой критикой Гильома Шампо и других реалистов. Сам он проповедывал своеобразный номинализм. Универсалии являлись для него не словом, а понятием, возникающим в результате восприятия конкретных вещей и их переработки в нашем сознании (*universale est sermo*). Этот взгляд приближается к эмпиризму, философской системе, объясняющей познание переработкой в мозгу человека чувственных восприятий.

Абельяр пострадал не столько за свою новую теорию познания, сколько за попытку внести рационализм в область богословия и за выступление против признанных авторитетов. В своей работе «Да и нет» (*sic et non*) он сопоставил множество взаимно противоречивых утверждений, которые нашел в «священном писании», у «отцов церкви» и их комментаторов. Метод сопоставления противоположных взглядов с целью их примирения в середине века носил название диалектики. Этот метод был усвоен схоластами, в частности Фомаю Аквинским. Но церковь не могла простить Абельяру того, что он собрал доказательства за и против каждого догматического положения, что он, предвосхищая Декарта, проповедывал «систематическое сомнение» в истинности любого утверждения и тем «вводил в соблазн» своих многочисленных учеников. Нужно заметить, что среди учеников Абельяра, отличавшийся тонким критическим умом и большим красноречием, пользовался совершенно неслыханным успехом. Ученики следовали за ним всюду, даже в изгнание.

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 318. Госполитиздат. 1938.

Изображение Парижского университета на медали.
Парижская библиотека. XIV век.

Борьба номинализма и реализма в XII веке, учение Абельяра, углубление схоластической мысли в проблемы гносеологии— все это грозило завести слишком далеко от вопросов веры. Именно тогда церковь сделала попытку, с одной стороны, противопоставить обоим направлениям мистицизм, с другой—изгнать из преподавания Аристотеля как источник опасных мыслей. Церковные соборы и синоды (1210, 1215, 1231, 1263 годы) издавали строжайшие запреты читать Аристотеля, особенно его «Физику» и «Метафизику».

Однако мистическое течение вскоре оказалось, как уже было указано выше, обоюдоострым оружием, а запреты читать Аристотеля не помогали: их просто не выполняли. Для самых ортодоксальных схоластов, как и для руководства церкви, становилось ясным, что решения основной задачи—примирения веры и разума—нужно добиваться не в борьбе с Аристотелем, а на основе Аристотеля, конечно, соответствующим образом препарированного и обезвреженного. Уже в 1255 году папа разрешил чтение в университетах некоторых книг греческого мыслителя, в 1261 году церковь поручила Фоме Аквинскому и еще одному богослову перевести на латинский язык и прокомментировать все его произведения. В XIV веке папской буллой уже предписывалось изучать Аристотеля.

Этот поворот к Аристотелю стал возможен для церкви тогда, когда усилиями крупнейших схоластов, особенно Альберта Великого и Фомы Аквинского, казалось, была достигнута основная цель—примирение Аристотеля и библии, науки и догмата.

Характерно, что и Альберт Великий (1206—1280 годы) и Фома Аквинский (1224—1274 годы) были выходцами из верхушки господствующего класса: первый принадлежал к немецкому феодальному роду, второй был по происхождению итальянским графом.

Фома Аквинский в своих богословских трудах («Summa theologiae», «Summa contra paganos» и др.) устанавливает прежде всего различие между вопросами веры и вопросами разума. Философия покоится главным образом на разуме, богословие—на данных откровениях. Данные откровения бесконечно выше выводов разума. Следовательно, если положение, взятое из философии, добытое с помощью разума, вступит в противоречие с догмой, с учением церкви, то необходимо сделать вывод, что в данном случае заблуждается философия, а не догма, что философия стоит на неверном пути, ибо догма заблуждаться не может. Вопреки Аверроэсу Фома Аквинский утверждает, что истина только одна: каким бы путем ни шел мыслитель—исходя от откровения или от разума,—он должен прийти к одной конечной цели—к богу. Если разум привел человека к неправильным выводам, то их нужно не отбрасывать, а исправить, т. е. приспособить к выводам веры.

Для обоснования своего богословского учения Фома Аквинский использует не только Аристотеля, но и неоплатоников. Он говорит, что от бога исходит эманация (истечение) к материи; связь между богом и материей выражается через человека, который наряду с материальным началом,

телом, заключает в себе и нематериальное начало—душу. Но, поскольку душа органически связана с телом, человек именно в силу этой связности не может познать все до конца. Познание человека несмотря на присутствие в нем божественного начала никогда не может быть совершенным, а только стремится к совершенству.

Классовая сущность учения Фомы особенно ярко выступает в его трудах, посвященных социальным, экономическим и политическим вопросам. Возражая Аристотелю, стороннику рабовладельческой республики, он подчеркивает в своей книге «О правлении государя» выгоды монархического образа правления. «Из правления многих,—говорит он,—гораздо чаще возникает тираническое господство чем из правления одного». Учение Абеяра, знаменитый схоласт Иоанн Солисберийский, различая «добродетельного» государя от тирана, писал: «Тирана не только дозволено убить, но и справедливо и законно». Фома же более реакционен. Восстание даже против тирана, по его мнению, недопустимо. Он выступает даже против учения Августина о том, что светское государство—результат падения людей, их греховности. Государство, по его мнению, существовало во все времена, ибо люди по природе неравны и потому нуждаются в авторитарном управлении. Сотрудник Фомы—Птоломей из Лукки—доказывал, что только в государстве возможна «честная жизнь». Ссылаясь на историю, он оправдывает тираническое правление тем, что люди дурны и ими можно управлять только «железной плетью».

Являясь апологетом феодализма, Фома Аквинский в своей «Сумме богословия» оправдывает существование социального гнета и имущественного неравенства. Теорию рабовладельца Аристотеля о приращенных рабах он примиряет с положением, что рабство—это человеческое установление, утверждая, что и рабство и частная собственность—вещи вполне разумные, а «все разумное—натурально и справедливо для человека».

Работы Фомы Аквинского и в настоящее время являются краеугольным камнем католического богословия, высшим авторитетом в вопросах веры. Фому Аквинского называли еще при жизни «ангельским доктором», а после смерти объявили святым. Его окружала почетом не только церковь, но и светские феодалы. Король Людовик IX часто приглашал его к своему столу. Так ласкал феодальный мир этого доминиканского монаха, который доводами схоластики доказывал неизбежность, справедливость и божественное происхождение феодального гнета.

Иной была судьба тех, кто пытался бо-

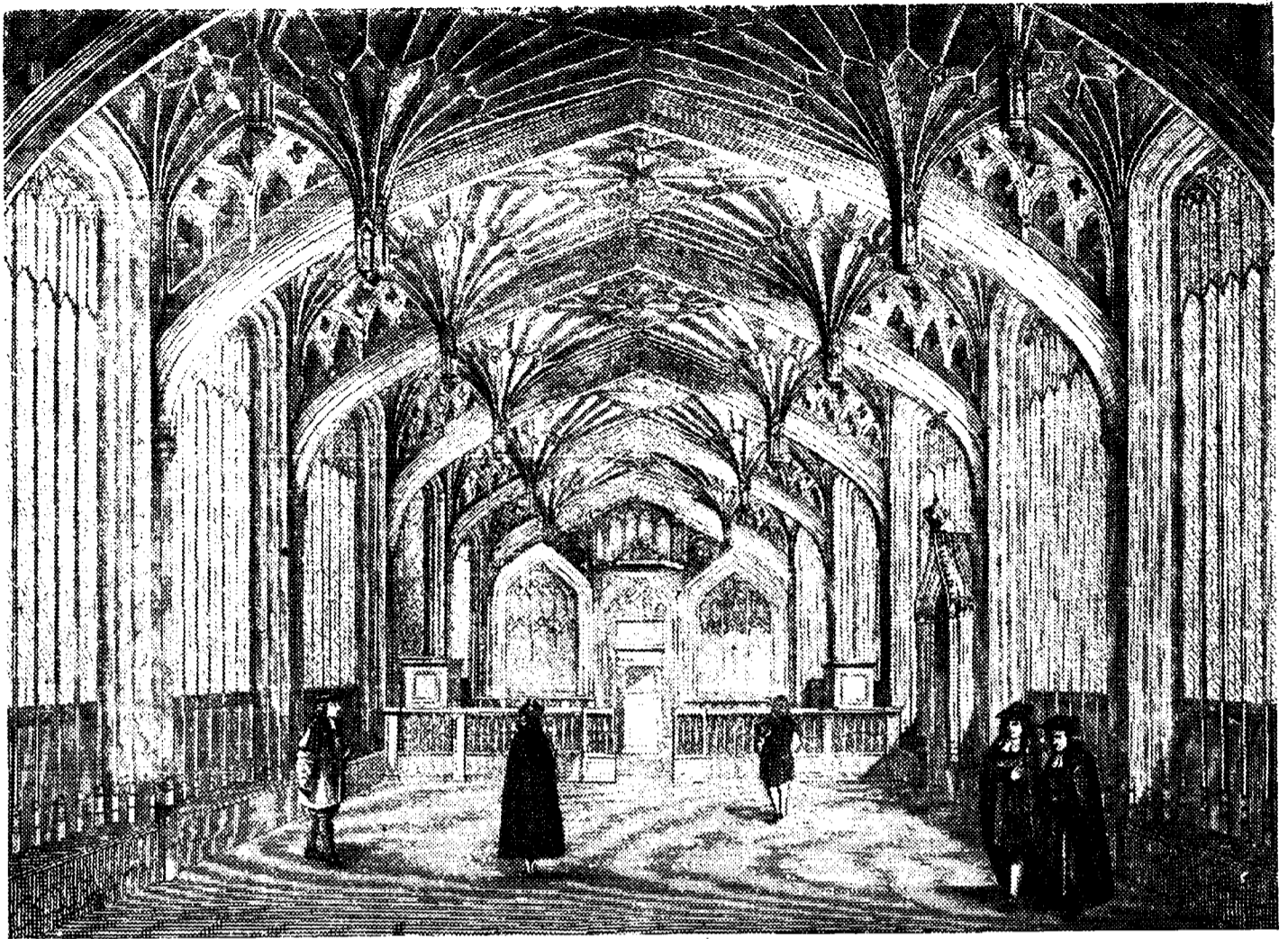
роться с учением Фомы, кто стремился, опираясь на Аристотеля, поставить разум, наблюдение и опыт выше откровения. Таким не помогала ни святая жизнь, ни самая глубокая преданность церкви. Францисканский монах Рожер Бэкон (1214—1294 годы), который был для своего времени действительно чудом учености и по своим знаниям на несколько голов стоял выше всех своих современников (Гете называл его «князем мысли», Александр Гумбольдт и Ренан восторгались его гениальностью), подвергался жестоким преследованиям и большую часть своей долгой жизни просидел в тюрьме. Умер он в такой безвестности, что даже год его смерти точно не установлен (1292 или 1294).

В чем же заключались «преступления» Бэкона, «удивительного доктора», как его называли современники, отдававшие дань богатству его знаний?

Схоластическая философия в своих рассуждениях опиралась исключительно на метод дедукции. Из определенных посылок путем чисто логических умозрительных манипуляций делались те или иные выводы. Посылки, служившие основанием для логических выводов, брались в готовом виде у «авторитетов», или из данных божественного откровения, из творений отцов церкви и из Аристотеля. При таком методе научного мышления оно ничего нового к уже заранее данной «истине» не прибавляло. Вывод заключался уже в самой посылке. Формальная логика позволяла только раскрыть содержание этой посылки.

Против исключительного применения такого дедуктивного метода и выступил Рожер Бэкон. Он доказывал законность применения индуктивного метода—заключения от частных случаев к общему выводу, причем эти частные случаи давались не «авторитетами», а устанавливались путем опыта и наблюдения. Он осмелился выдвинуть положение, что одно только голое «рассуждение является недостаточным, тогда как опыта и наблюдения достаточно» (для правильного вывода).

Бэкон подверг жестокой критике приемы Альберта Великого и Фомы Аквинского. Их выводы, утверждал он, не имеют значения, ибо авторитеты, на которых они основываются, известны им не в оригиналах, а в переводах, так как они не знают греческого и древнееврейского языков. Помимо того он упрекал Альберта Великого, занимавшегося естественно-научными вопросами, в полном незнакомстве с математикой, без которой, по его мнению, невозможно изучение природы. Бэкон вообще относился критически к таким отраслям средневековой «науки», как астрология, алхимия. Он говорил о необходимости такой науки, которая занималась

Зал Оксфордского университета в Англии. XIV век.

бы комбинациями различных элементов и неодушевленными телами, в чем можно усмотреть уже предвидение химии. Бэкону принадлежит также ряд интересных мыслей и предвидений, совершенно необычных для человека XIII столетия. Так например он говорил о возможности построить такую повозку, которая передвигалась бы не силой запряженных в нее животных, а механической силой, о возможности передвижения по воде с помощью той же механической силы и о возможности воздухоплавания. Подобные мысли он развивал в своей работе «О тайнах искусства и природы». Ему приписывали изобретение пороха, увеличительного стекла, воздушного насоса и пр. Он объяснил происхождение радуги, описал камер-обскуру, сделал наблюдения над явлениями рефракции света. Во многих отношениях он является предшественником своего знаменитого однофамильца Фрэнсиса Бэкона.

Но даже такие смелые умы, как Рожер Бэкон, не могли вырваться из оков традиционных воззрений. В своих богословских трудах: «Opus majus», «Opus minus», «Opus tertium» — он является вполне сыном своего времени. Для него, как и для всех его современников, наука призвана быть только служанкой богословия, изучение реального мира необходимо только для лучшего познания бога.

По сравнению с Бэконом другой французский схоласт XIII века Дунс Скотт, сделал шаг назад. Его называли «тонким доктором», он писал так темно и замысловато, что до сих пор специалисты не могут прийти к соглашению, как следует понимать те или иные места в его произведениях. Дунс Скотт сознательно отказывался от рассмотрения вопросов, имевших отношение к материальному миру, и погружался исключительно в дебри богословия. Это типичный представитель схоластической псевдонауки, не дающей ничего, кроме хитросплетений дедуктивной формальной логики.

В период господства схоластики распространялись учебники—компендумы,—сводящие в одно целое элементы самых разнообразных отраслей знания и представляющие, таким образом, своеобразные энциклопедии. Эти учебники-энциклопедии назывались «суммами» (Summa), или же «зерцалами» (Speculum). Образцом произведений такого типа является «Великое зеркало» Викентия из Бове. В этом огромном учебнике нет ни одной самостоятельной мысли. Разнообразные сведения, извлеченные из всех доступных тогда источников знания, соединены механически в одно целое, часто весьма неумело.

XIII век—«век схоластики»—был в то же время веком расцвета средневековой

хроник. Наиболее известным образцом хроники XIII века является «Всемирная история», составленная чешским монахом Мартином из Тронпау. Значительная часть тех легенд, которые попали в исторические работы позднейших времен и нередко еще удерживались в учебниках XIX—XX веков, имели своим источником Мартина из Тронпау.

Типичным продуктом средневекового творчества в области юридических наук являются «глоссы», т. е. комментарии, к Юстинианову своду гражданского права. Самым знаменитым глоссатором римского права был болонский юрист Аккурсий (1182—1260 годы). Глоссаторы усердно старались приспособить нормы рабовладельческого римского права к изменившимся условиям феодального общества. Возродив к жизни принцип римской императорской власти «Что угодно государю, имеет силу закона», они давали теоретическое обоснование притязаниям феодальных сюзеренов на неограниченную власть. Средневековых крепостных они приравнивали к римским рабам. Благодаря этому они пользовались особым покровительством императоров и королей.

Такова в общих чертах картина средневековой науки периода ее расцвета—в XII—XIII веках.

История университетов и схоластической науки с XIV века представляет собой уже картину их прогрессирующего упадка. Наиболее характерной чертой этой науки в целом является отсутствие свежей самостоятельной мысли. Иссушающая ум формальная логика выступает как единственный метод научного исследования, если вообще можно применить к схоластике это понятие. Авторитеты неограниченно господствуют над умами. Представление об окружающем мире, о явлениях природы настолько наивно и неполно, что свое незнание, свое бессилие перед природой средневековые ученые вынуждены были прикрывать всякого рода символической, мистической. Символика и мистика придают произведениям ученых-схоластов внешне вид большой глубины, в действительности же они плохо скрывают внутреннюю пустоту этих произведений, отсутствие ценных и нужных знаний, которые позволили бы человеку овладеть силами природы.

3

Многие особенности средневековой научной мысли: символизм, догматизм, преклонение перед авторитетами, иерархичность представлений о мире, отражающая иерархическую структуру феодального общества—нашли свое проявление и в сфере искусства.

Ведущую роль в средневековом искусстве играла архитектура. Все остальные виды пластических искусств: скульптура, живопись, мозаика и пр. — были ей подчинены и лишены самостоятельного значения. С XI века зарождается новый стиль в архитектуре—готический. Самый термин «готика» появился впервые для обозначения средневекового стиля у итальянского гуманиста XVI века Вазари в его «Истории искусств»¹. Как и все гуманисты, Вазари относится к средневековью XI—XIV веков с глубочайшим презрением и полагал, что архитектурные памятники этой эпохи обязаны присутствию им особенностями готам, разрушителям Рима и величайших образцов античного искусства. В действительности готический стиль никакого отношения к готам не имеет. Этот стиль пришел на смену романскому стилю, господствовавшему при построении церквей до XI века и характеризовавшемуся тем, что для борьбы с давлением тяжелого свода на стены увеличивали толщину последних и укрепляли их каменными подпорками. По той же причине окна в этих стенах прорезались очень маленькие и узкие.

Возникновение готической архитектуры связано с разрешением проблемы свода. В Северной Франции, родине готики, с XII века начинают сооружать крестовые реберные своды, вертикальную тяжесть которых несут колонны, а боковое давление — опорные столбы (контрфорсы), от которых к стенам переброшены опорные арки (арбутаны). Таким образом, самые стены несли теперь значительно меньшую тяжесть покрытия чем раньше, и это давало возможность прорезать большое количество широких окон и уменьшить толщину стен. С другой стороны, стало возможным поднять свод на большую высоту и придать зданию как бы стремящуюся вверх форму. Для усиления впечатления этого взлета вверх окнам, аркам и т. п. придавали стрельчатую форму и все части здания увенчивали остроконечными башенками. Построенное по этому принципу здание собора, церкви производит действительно впечатление «застывшего взлета к небесам». Здание готического собора должно было символизировать победу духа над материей, явиться как бы переводом на язык камня спиритуализма средневековой философии.

Лучшими образцами готической архитектуры являются соборы в Реймсе и Шартре (Франция), Сент-Шапель в Париже, соборы в Антверпене (Бельгия), Кельне (Германия) и др.

¹ Точное название его произведения: «Биографии великих живописцев, скульпторов и архитекторов».

Последняя из упомянутых церквей построена при Людовике IX архитектором Пьером де Монтеро в 1243—1248 годах и представляет собой наивысшее достижение готической архитектуры. Ее особенностью является богатейшая каменная резьба, создающая впечатление настоящей ювелирной работы, огромное количество окон, почти совсем вытесняющих стены, роль которых полностью переносится на контрфорсы и аркбутаны, необычайное изящество и воздушная легкость здания.

Феодално-католической символикой пронизаны и все детали готических зданий. Даже мельчайшие украшения, не говоря уже о скульптуре, мозаике, стенной и оконной живописи, служат идее прославления религии. Богатое украшение храма снаружи рассчитано на то, чтобы привлечь молящихся, как магазины богатой выставкой товаров зазывают к себе покупателей.

Для внутренних и наружных украшений, росписи и т. п. использовались сюжеты из Библии, из житий святых. В совокупности они давали всю «историю» от сотворения мира, развертывая одну за другой все легенды ветхого и нового завета. Поэтому средневековые храмы называли «Библией для неграмотных».

Французский демократический историк Жюль Мишле, много занимавшийся средневековой архитектурой, отмечая ее особенности и восхищаясь ее величием, делает глубоко правильное замечание, что великолепные соборы средневековья представляют собой не столько выражение благочестия средневекового человека, сколько памятники церкви, торжествующей победу над врагом. Чем величественнее соборы, чем выше поднимают они свои вершины, тем ниже и мизернее выглядят домишки горожан, которые кажутся подавленными тяжестью и величием храма. Созданием таких соборов как бы подчеркивалась власть церкви над людьми, над их душами. «Но,—добавляет Мишле,—в этих низеньких и ничтожных домишках уже назревал глухой протест против господства церкви».

Не менее ярко черты средневекового феодално-католического мировоззрения отразились и в живописи. Сюжеты живописцев того времени были исключительно религиозного характера и ставили перед собой нравоучительные цели в духе учения церкви; даже техника картины, ее построение, размещение фигур и пр. носили на себе отпечаток господствующего мировоззрения. В этом отношении типичной картиной средневековья является картина, изображающая сцену «страшного суда». Все фигуры на этой картине даны в одном плане, как если бы живописец не

имел абсолютно никакого представления о законах линейной или воздушной перспективы. Бросается в глаза нерархичность построения картины. Так, фигуры святых или короля, даже если они по идее картины должны находиться вдали, сделаны значительно более крупными чем фигура престолоудина, находящегося на переднем плане, дом обычно бывает меньших размеров чем нарисованный вблизи него человек, горы скорее напоминают камешки и т. д.

Здесь реальное изображение вещей принесено в жертву символике. Человек больше дома, потому что дом—это неодушевленная материя, а человек обладает бессмертной душой. Святой, конечно, больше обыкновенного человека и т. д. Средневековое представление о мире было насквозь пронизано нерархичностью.

Крупнейшими представителями средневекового искусства являются итальянские живописцы и зодчие Чимабуэ и Джотто. Флорентинец Чимабуэ (1240—1302 годы) первый в Италии порвал с иконописной традицией византийских художников. Фигуры его «святых» уже полны жизни и имеют портретные черты; драпировки одежды более естественны чем у иконописцев; краски более разнообразны и своими оттенками предвосхищают развившееся позже искусство светотени. Его ученик Джотто (1276—1336 годы), бывший пастиух, превзошел своего учителя. Он прославил себя фресками, посвященными различным эпизодам из жизни Франциска Ассизского и «чудесам» этого святого. Эти фрески и поныне составляют главное украшение церкви в Ассизи, церкви Санта-Кроче во Флоренции и др. Фрески Джотто с их искусной группировкой фигур, изображением природы, являющейся фоном каждой его картины, яркостью и богатством красок представляют уже переход к живописи Ренессанса. Не даром на его гробнице, воздвигнутой в XV веке во Флоренции, Лоренцо Медичи приказал сделать надпись: «Я тот, кто возродил к жизни угасшее искусство живописи».

Подобно Данте, портрет которого он сохранил для потомства и который в своей «Божественной комедии» посвятил ему несколько стихов, Джотто своим творчеством завершает чисто феодалное искусство и начинает новое, буржуазное искусство Возрождения.

Наиболее ярко и непосредственно особенности феодално-католического мировоззрения отразились в литературе господствующего класса. Но в то время как в науке и пластических искусствах интересы и представления класса феодалов господствовали почти безраздельно, в литературе мы

встречаем более сильную примесь бюргерских и народных элементов.

Можно говорить даже о наличии двух литератур, настолько народное и бюргерское творчество по своему характеру и пронизывающему его духу резко отлично от творчества феодального класса, хотя их влияние друг на друга обнаруживается во многих произведениях.

В XI—XII веках наиболее типичным продуктом феодального творчества был рыцарский эпос, известный во Франции под названием «Песен о деяниях», или, как мы бы сказали, исторических песен (*chansons de gestes*). Образцом таких произведений является «Песнь о Роланде». Историческая подкладка ее хорошо известна: это поход Карла Великого в арабскую Испанию в 778 году и битва в Ронсевальском ущелье, где погиб Руотланд, «префект» Бретонской марки. В поэме Роланд выведен как идеальный образ светского феодала, епископ Турпин — духовного. Они гибнут вследствие предательства Ганелона, но предатель несет заслуженную кару от руки Карла Великого. Таким образом, если представители рыцарских добродетелей гибнут, то только как жертвы предательства, ибо рыцарь — защитник веры — непобедим, удар ему можно нанести только в спину. Такова несложная идея поэмы.

Французский историк литературы Бедье доказывает, что подобные поэмы и песни зарождались на путях богомолья к «святым местам». Так, легенда о Роланде зародилась в пунктах остановок богомольцев на пути из Парижа в Сант-Яго де Кампостелла в Испании (Галисия). Одно несомненно, что монастыри, расположенные во всех этих пунктах, действительно эксплуатировали эту легенду в своих интересах, привлекая к себе богомольцев такими «реликвиями», как мнимое вооружение Роланда или обувь Турпина. «Песни о деяниях» распевались на ярмарках и в замках феодалов профессиональными певцами, которые во Франции назывались жонглерами, а в Германии — шпильманнами. Для освежения сюжета и чтобы развлечь свою аудиторию, певцы часто вводили новых действующих лиц и новые эпизоды.

С конца XII века с этими песнями начинают конкурировать и вытеснять их рыцарские поэтические произведения нового жанра. Новая рыцарская поэзия зарождается в Провансе (Южная Франция) и оттуда распространяется на север Франции, Италию и Германию. Это уже продукт чисто личного творчества, нередко творчества самых знатных представителей класса феодалов. Творцы новой поэзии, широческой по своему характеру, назывались в Провансе трубадурами (от *troubar* — «находить, изобретать»), на севере Франции —

труверами (слово того же корня), в Германии — миннезингерами (певцами любви). Среди труверов мы находим герцога Аквитании (юг Франции) Гильома IX и англо-нормандского короля Ричарда Львиное сердце. Самыми знаменитыми трубадурами были Бернар де Вантадур и Бертрам де Борн. Первый прославился своей любовной лирикой, второй больше всего внимания уделял политическим мотивам. Оба поэта жили при дворе английского короля Генриха I, женатого на аквитанской герцогине Элеоноре, которая и являлась для них притягательной силой.

Трубадуры в центре своего творчества ставили любовь к знатной даме, которую они украшали всеми добродетелями. Основными видами провансальской лирики являются: пастораль, которая повествует о любви рыцаря к пастушке; сирвента (от *servir* — «служить»), воспевающая служение кавалера даме; утренняя поэзия, заря (*l'Aube*) — песня, описывающая наступающее утро и предупреждающая неосторожных любовников, что пора расставаться, и др.

Влияние провансальской поэзии сильно отразилось на творчестве знаменитого Вальтера фон дер Фогельвейде и других немецких миннезингеров; в Италии заимствовали не только форму и сюжеты этой поэзии, но нередко и самый провансальский язык. На этом языке писал Брунетто Латини, его ученик Данте Аллигьери собирался свою «Божественную комедию» изложить тоже по-провансальски.

Отчасти из провансальской лирики развивается с XII—XIII века рыцарский роман — сначала в стихах, затем в прозаической форме. Родиной рыцарского романа можно считать Северную Францию. Первоначальными сюжетами этих романов служили легенды об Александре Македонском, об Энее, о взятии Трои, и т. п.; писались они на латинском языке.

В XIII веке во Франции почти все романы пишутся уже по-французски, а в Германии и Италии появляются подражатели и переводчики на языки этих стран. Так, Гартман фон дер Ауэ перевел с французского на немецкий романы «Круглого стола», а Вольфрам фон Эшенбах написал своего «Парсиваля» в подражание роману французского автора Кретьена из Труа и другим образцам.

Кретьен из Труа является наиболее плодовитым романистом XIII века. Ему принадлежат романы о Ланселоте, о Парсивале, сказание о святом Граале и многие другие. В основе большинства романов лежит цикл легенд, связанных с личностью британского короля Артура и «рыцарей Круглого стола», обработанных в конце XII века бретонским поэтом Васом. Особняком от этого

цикла стоит только знаменитый роман «Тристан и Изольда», один из дошедших до нас вариантов которого составлен неким Тома.

Примером рыцарского романа может служить роман о Ланселоте, повествующий об идеальной любви и преданности рыцаря к своей даме. Рассказ о невероятных подвигах, совершаемых Ланселотом в угоду своей даме, составляет всю сюжетную канву этого романа.

В рыцарских романах были очень сильны фантастические моменты, авторы этих романов изощрялись в придумывании сказочных чудовищ, побеждаемых их героями.

Но уже со второй половины XIII века можно отметить появление романов совсем иного типа, в которых звучат уже нотки протеста против феодального гнета и социального неравенства. Такие романы, естественно, исходят из нефеодалных кругов. Образцом такого неприключенческого рыцарского социального романа является известный «Роман о Розе».

В сущности, мы имеем два «Романа о Розе». Первый, написанный в 1234 году (Гильомом де Лорри), представляет собой типичное рыцарское произведение, в котором в аллегорической форме воспевается любовь рыцаря к прекрасной даме. Этот роман остался незаконченным. Его продолжение написал спустя 40 лет Жан де Мен, причем он придал роману совершенно другой характер: он ввел ряд новых действующих лиц и вложил в их уста рассуждения о происхождении существующего строя и его недостатках. Именем Разума и Природы он нападает на феодальную религию, нравы, организацию государства, даже на семью и собственность.

«Роман о Розе», по форме примыкающий еще к феодальной литературе, служит переходом к народному творчеству и бюргерской литературе.

Уже в середине XII века появляются басни и стихотворные сатирические рассказы, героями которых являются не только люди, но и различные животные. Эти произведения называются во Франции фабль, в Германии — швенки. В сатирическом эпосе под видом таких зверей, как волк, лев, лиса, баран и т. п., выводятся обычно представители феодального мира: бароны, графы, князья, мелкие дворяне. Особенно видную роль в этих баснях играет Лис (лиса), так что образовалось несколько циклов сказок об этом животном, известных под названием «Романа о Лисе». Уже сами фабль и басни содержат нападки на феодальный строй, на духовенство и монашество, но гораздо резче слышится социальный протест в ли-

тературных обработках и переделках этого цикла¹.

В 1319 или 1320 году анонимный автор, известный под названием «лавочник из Труа», выпустил такую переделку *Contrefait de Renard*, представляющую острый политический памфлет в стихотворной форме. Первым королем, сообщает автор, был здоровенный мужик, выбранный самим народом, который не ведал, что делает. Золотой век равенства исчез, появилась знать, рыцари, выросли замки. Простой народ стали давить, вечные войны заменили мир. Дворяне провозгласили себя солью земли, захватили в свои руки суд и вешают бедняка за кражу пяти су, в то время как крупным ворам все сходит с рук. Особенно резко ополчается автор против феодальных поборов — формарьяжа, ежегодно расстраивающего сотни браков, и менморты, лишаящего наследника имущества отца. «Как смеет сеньер протягивать к этому имуществу свою руку? — восклицает автор по поводу менморты. — Вор! Вор! Оставь сыну кровь его отца!». Таким же образом подвергаются острой критике другие виды сеньериальной эксплуатации. Герой поэмы — Лис — признается на исповеди, что он всю жизнь крал у дворян, попов и монахов, но совесть его чиста, так как сеньеры сами всегда притесняют народ, попы загребают деньги, распевая молитвы и посвящая все свое время питью, играм и охоте, а прелаты церкви только потому еще не повешены, что они сами вешают своих кормильцев — крестьян и честных трудящихся, — которых они называют своими холопами.

«Но так не может длиться долго, —
Будет у вас слишком много забот;
Ибо народ вас возненавидит,
А затем на вас и нападет».

После столь сильного, звучащего революционным призывом выступления автор, однако, утешает себя и своих читателей мыслью о том, что дворяне не будут допущены в царствие небесное, а «мучимые, преследуемые, ограбляемые с утра до ночи» крестьяне туда вознесутся.

К этому периоду средневековья (XII—XIII века) относится зарождение театра в форме так называемой литургической драмы. Театральные представления возникли в связи с церковной службой как дополнение к богослужению, которое благо-

¹ Образцы всех упоминаемых здесь произведений читатель найдет в хорошо составленной «Хрестоматии по западноевропейской литературе средних веков (IX—XV вв.)» (Профессор Р. О. Шор). М. 1935.

даря блеску и пышности католических обрядов само по себе носит театральный характер. Сначала появилось мимическое, а затем и словесное воспроизведение некоторых сюжетов из ветхого и нового заветов, так называемые жонглеры изображали Адама и Еву, змея-искусителя, убийство Каином Авеля и прочее. Постепенно театральные представления эмансипируются от богослужений, и к концу XIII столетия в некоторых городах театр приобретает уже более светский, народный характер.

Наивысшим достижением средневековой литературы, своего рода синтезом буржуазного и феодального творчества является поэма гениального итальянца Данте Аллигьери (1265—1321) — «Божественная комедия». Близкий по своим политическим убеждениям к феодальной партии гибеллинов, воспитанный на богословских трактатах Фомы Аквинского и Альберта Великого, Данте еще целиком стоит на почве средневекового феодального мировоззрения. Но, вместе с тем, Данте — флорентийский буржуа по своему происхождению — является и глубоко народным поэтом. Он писал на народном итальянском языке, еще

и сейчас понятном массе, и уже один язык его «Комедии», достигший под его пером необычайной звучности, гибкости и совершенства формы, заставляет видеть в нем провозвестника нового направления в литературе.

Могучее творчество Данте, завершая собою целую эпоху так называемого классического средневековья, в то же время открывает новую страницу европейской и мировой поэзии. Двойственная буржуазная и феодальная сущность нашла себе в этом творчестве самое яркое выражение. Но выроставшее в городах буржуазное общество не могло удовлетвориться тем синтезом феодального и буржуазного, которое оно находило у Данте и родственных ему деятелей культуры. Освобождаясь все более и более от феодального мира, от церковно-феодального мировоззрения, буржуазия крупнейших торгово-промышленных центров — прежде всего Италии — постепенно подчиняет своему исключительному влиянию и своим потребностям духовную культуру, тем самым способствуя окончательной победе реализма и рационализма в литературе, науке и искусстве эпохи Ренессанса.

СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ В V-VI ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

История перехода от рабовладельчества к феодализму, от античности к средневековью является одним из наиболее острых, актуальных вопросов советской исторической науки.

Буржуазная наука, деля народы на «исторические» и «неисторические», замыкает всякое историческое исследование ограниченной сферой так называемых «избранных народов».

Советская историческая наука при изучении генезиса феодализма кладет в основу положение Энгельса о взаимодействии между разлагавшимся строем рабовладельческой Римской империи и общинным строем различных варварских народов, в том числе и германских. При изучении вопроса о генезисе феодализма советские историки исходят из следующего положения Энгельса, разъясняющего, в чем состояло средство, при помощи которого германцы, так же как и другие варвары, вдохнули жизненную силу умирающей Европе. «Была ли,— спрашивает Энгельс,— это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет... омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»¹.

Роль первобытно-общинного строя германских племен в формировании феодализма, взаимодействие этого строя с разлагающимися элементами Западно-Римской империи изучены более или менее достаточно. Здесь историкам нашей страны помогли указания товарища Сталина. Отмечая, что варвары «с громом опрокинули Рим», товарищ Сталин говорит, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»².

Если значение германских племен в формировании феодализма Западно-Римской империи более или менее достаточно изучено, то в изучении роли славян в создании государственного строя феодальной

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 205. 1937.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 527. 10-е изд.

Византии на месте восточной половины Римской империи выполнено пока немного.

Представители так называемой «школы» Покровского всячески замалчивали огромное значение славян, предков великого русского народа, влиявших на процесс формирования византийского феодализма. Византиноведение, изучение истории Византии и роли древних славян в процессе образования византийской государственности на различных этапах византийской истории было ими отодвинуто на задний план.

Вопросы истории древних славян и истории Византии нельзя отрывать друг от друга, нельзя изучать изолированно. То, чем были германские варвары для Средней Европы, чем были кельты для северо-запада, тем были славяне для всей Восточной Европы. Надо помнить указание Энгельса о том, что если в 568 году движение варварских народов на территорию Римской империи прекратилось, то здесь «речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении»³.

При изучении исторического процесса на грани перехода от античности к средневековью советская историческая наука должна уделить особое внимание истории древних славян, проследить их взаимоотношения с Византией. Эти вопросы имеют первостепенное, решающее значение как для историка античности, так для изучающего раннее средневековье и для того, кто занимается исследованием древнего периода истории народов нашей великой родины.

1

Сравнительно с другими народностями, принимавшими участие в «великом переселении», славяне поздно появляются на исторической арене под своим именем.

Первые сведения о славянах (под именем венетов) появляются у классических писателей с I века нашей эры. Плиний сообщает, что к востоку от Вислы жили

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 344.

сарматы, шепеты и другие пародности¹. Несколько пространнее говорит о славянах Тацит. По Птоломею (II половина нашей эры), венеты живут в Сарматии, на южных берегах Балтийского моря, к востоку от Вислы. Таким образом, по имеющимся в нашем распоряжении источникам, можно считать, что самым древним из известных нам мест жительства славян являются правый берег Вислы и северные склоны Карпат.

Более определенные сведения о славянах мы находим только в IV веке нашей эры у Аммиана Марцеллина. В это время славяне уже разделились на ветви и двигались по разным направлениям. Под именем гетов славяне встречаются у комиса² Марцеллина. Под 493 годом у него описано вторжение гетов во Фракию. Как описывает Марцеллин, в ночной битве с ними погиб начальник фракийских войск Юлиан³. Эти же геты, по словам Марцеллина, в 517 году проникли уже в Македонию, Фессалию, древний Эпир и северную Грецию до Фермопил. Император Анастасий не в состоянии был оказать им вооруженное сопротивление и отделался от них на этот раз, отправив им в виде выкупа тысячу фунтов золота⁴. К этому же времени комис Марцеллин относит и первые вторжения болгар на Балканский полуостров. По его же свидетельству, начальник иллирийских войск Арист в 499 году совершил поход против болгар, наводнивших тогда Фракию. Названия гетов и болгар комис Марцеллин употребляет как названия двух отдельных народов. Так, под 529 годом он совершенно отчетливо противопоставляет гетов болгарам, утверждая, что военачальник Мундо, отразив гетов, разорвавших Иллирию, поспешил во Фракию, где ему удалось разбить и грабивших ее болгар⁵. Это подтверждается также сведениями, которые дает Феофилакт Симокатта, который жил в одном веке с Марцеллином. Он называет славян гетами и утверждает, что геты — древнейшее название славян⁶.

Большое значение имеют свидетельства, приводимые Иорданом (называемым также

¹ Плиний Младший «Естественная история». Кн. IV, гл. 13-я.

² После административной реформы римского императора Константина I (306—337) название комис (или комит), которое во время республики применялось к лицам из свиты правителей провинций, стало почетным титулом для некоторых должностей, которые раньше носили названия магистров, прокураторов, префектов и др.

³ Ронкаля. Собрание древнейших римских писателей. Т. II, стр. 303.

⁴ Там же, стр. 315.

⁵ Там же, стр. 320.

⁶ Феофилакт Симокатта. Кн. VII, гл. 2-я.

Иорданом), писавшим около 552 года. Он сообщает о том, что славяне занимают в Восточной Европе обширные места от Карпат и истоков Вислы. Отмечая на Дунае и Тиссе поселения гепидов, Иордан указывает, что места жительства славян находились на востоке от этих поселений. Особенно интерес представляет у Иордана то место, в котором он говорит, что хотя они, венеты, имеют различные имена по родам и местам жительства, по главным образом известны под двумя наименованиями: славяне и анты⁷. Это свидетельство имеет большое значение: оно впервые устанавливает полное тождество венетов и славян. Тут же Иордан утверждает, что западная ветвь, занимающая области до Днестра,—это славяне. Наиболее сильная и многочисленная восточная ветвь—анты,—по Иордану, занимает пространство между Днестром и Днепром. Тождество венетов и славян Иордан подкрепляет еще в одном месте, говоря, что хотя они (т. е. венеты, или славяне) пошли от одного племени, но теперь называются тремя именами, т. е. венеты, анты и славяне.

Современник Иордана, Прокопий Кесарийский, произведения которого являются основным источником по вопросу о взаимоотношениях славян с Византией в царствование Юстиниана I (527—565), также ставит антов рядом со славянами. Так, он утверждает, что славяне и анты имели прежде одно и то же имя, а именно споры⁸. Прокопий также считает антов восточной ветвью славян и их ближайшими соседями.

Прокопий дает и географическое расположение славян. По его описанию, Меотийский залив (ныне Азовское море) впадает в Понт Эвксинский (ныне Черное море). Тамашние жители, которые в более древние времена были известны под именем кимерийцев, в описываемое Прокопием время назывались утургурами. Дальнейшие пространства на север занимают бесчисленные антские племена⁹.

В 376 году вестготы, занимавшие территорию к западу от Днестра, передвигаясь под напором гуннов, подошли к Дунаю и после переговоров получили от императора Валента разрешение поселиться в Мизии (нынешней Болгарии). Поселившись в пределах империи, вестготы превратились в объект эксплуатации со стороны римских чиновников. Угнетение довело вестготов до восстания, достигшего большой силы. Они принялись опустошать соседние области — Фракию и Македонию. Восста-

⁷ Иордан «О происхождении и событиях у гетов», гл. 5-я.

⁸ Прокопий «О войне с готами». Кн. III, гл. 14-я.

⁹ Там же, Кн. IV, гл. 24-я.

Византийский император Юстиниан I со своей свитой.
Мозаика в церкви св. Виталия в Равенне.

ние приняло такие широкие размеры, что императору Валенту пришлось направить против вестготов все свои военные силы. Однако в 378 году под Адрианополем он потерпел сильное поражение и сам погиб. Такого разгрома, как сообщает Аммиан Марцеллин, римляне не испытывали со времени знаменитой битвы при Каллах¹.

В 402 году вестготы направились на Италию. Восточная Римская империя, где ранее были остготы, подверглась нападению гуннов, разорявших ее в течение 442—447 годов. После распада гуннского племенного союза отдельные племена, вошедшие в состав гуннской державы, переместились на правый берег Дуная и расселились в близлежащих областях империи. В 480 году остготы покинули Балканский полуостров. К этому периоду относятся те первые вторжения славян, о которых мы говорили выше.

Прокопий сообщает, что славяне, к которым он причисляет и антов, «не повинуются одному повелителю». Они разбиты на множество племен, не знают общей власти, не имеют в своей среде знати, часто воюют между собой, но нередко по общему соглашению вторгаются в пределы империи². Аналогичное свидетельство мы

находим также и у писавшего в конце VI века Лжемаврикия. Он сообщает, что у славян нет общей власти, а имеется много старших, не ладающих между собой³. Как говорит Прокопий, славяне издавна живут в «демократии» и сообща разрешают все дела, как успешные, так и затруднительные. Прокопий сообщает также ряд сведений, которые представляют большой интерес для изучения роли славян в процессе феодализации Византии. Эти сведения касаются быта и военных методов славян.

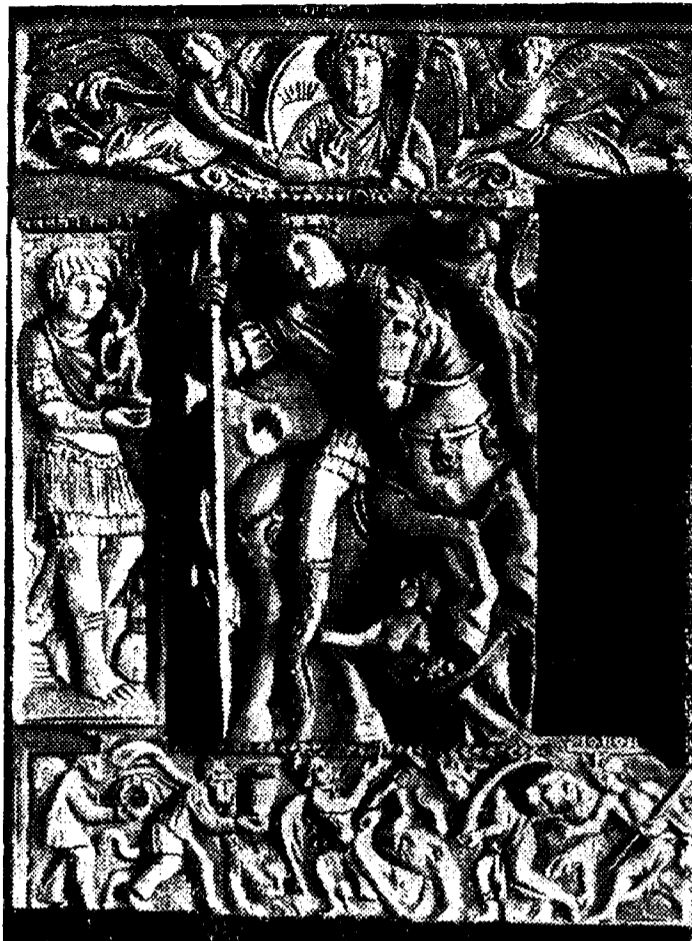
Славяне жили в родовой общине — задруге. Глава рода (староста, господарь) выступал от имени рода в сношениях с другими родами. К концу интересующего нас периода у славян наблюдается уже процесс объединения родов в племена и образования союзов племен. Во главе племени стоял жупан, избранный всеми родовыми старшинами. Славяне только на время военных действий подчинялись общему начальнику: его власть прекращалась с окончанием войны.

В V—VI веках славяне захватили большие территории. Но эти завоевания не привели к изменению экономической основы общественного строя славянских племен, не сопровождалась сменой этого общественного строя. «Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная

¹ Аммиан Марцеллин. Кн. XXXI, гл. 13-я.

² Прокопий «О войне с готами». Кн. III, гл. 14-я.

³ Маврикий «Стратегикон». Кн. XI, гл. 5-я.

Император Юстиниан со своим полководцем Велитарием.

Перелет из слоновой кости из библиотеки Барберини.

борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства...»¹.

2

Столкновения славян с Византией можно разделить на два периода. Первый период—это конец V века и начало VI века, когда набеги производились эпизодически. Отряды славян и антов переходили Дунай, грабили и разоряли близлежащие области, затем поспешно отступали в свои прежние становища за Дунаем. Эти набеги причиняли немало беспокойства и византийскому правительству, которое прибегало иногда к выкупу, чтобы избавиться от нашествий славян.

Во втором периоде, начиная с первого года правления Юстиниана (527), набеги славян носят ярко выраженный завоевательный характер. Славяне уже не отступают после нападений в свои станови-

ща, а массами поселяются на захваченных землях на правом берегу Дуная и продолжают дальнейшее продвижение вперед. Славянские отряды доходили до Константинополя, до Фессалоники и Эгейского моря. Это дало впоследствии основание Константину Багрянородному с горечью утверждать, что «ославянилась вся страна и сделалась варварской».

Славяне впервые проникают в византийские области в 493 году. Почти не встречая сопротивления, славянские племена проникают на юг и распространяют область своих грозных набегов на Фракию, Македонию и Фессалию.

Империя чувствовала себя в смертельной опасности перед лицом этого нового врага, появившегося на ее северной границе. Об этом свидетельствует тот факт, что Анастасий для защиты от нападений славян возводит в 512 году линию укреплений, которая получила название «длинной стены» и простиралась от Селимбрии на Мраморном до Деркона на Черном море. Эта стена, которую церковный историк Евагрий называл «знамением бессилия, памятником трусости». Из наиболее крупных столкновений этого периода нужно отметить уже упоминавшийся нами факт разгрома славянскими племенами фракийских войск и гибели Юлиана.

Комис Марцеллин отмечает также произведенные в то же время набеги болгар. В 499 году начальник иллирийских войск Арист предпринял поход против болгар во Фракию, но потерпел сильное поражение. В 502 году болгары снова опустошили Фракию, которую больше никто не защищал.

Подобные набеги, после которых славяне быстро отступали обратно за Дунай, происходили также на всем протяжении правления Юстиниана II (518—527).

Интересны сведения Прокопия Кесарийского о состоянии военной техники у славян, относящиеся к периоду правления Юстиниана II (518—527). Славяне отправлялись на войну большей частью пешими, имея в руках щиты и дротики, панцирей они не носили. Прimitивная военная техника славян резко изменилась к концу VI века под влиянием постоянных столкновений с византийскими армиями.

С первого года правления Юстиниана наступает второй период в истории походов славян на Византию. Они совершают уже не мимолетные набеги, а походы, преследующие цели завоевания и сопровождающиеся усиленной колонизацией областей Восточно-Римской империи. Как говорит Прокопий в своем труде «О постройке», Юстиниан принял империю в состоянии страшного разгрома. На протяжении всего его царствования славяне со-

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 224.

вершали непрерывные нападения, которые принимали характер переселения целого племени. Не проходило года, чтобы славяне и анты не совершали своих нападений на Иллирию и Фракию и не увозили с собой большого количества пленных¹.

Первое большое нападение славян произошло в 527 году. В этот же год анты, живущие очень близко к славянам, перешли Дунай огромными толпами и вторглись в пределы Византийской империи. Незадолго до этого Юстиниан назначил своего племянника Германа стратегом (военачальником) всей Фракии. Герман направил все свои войска против славян и нанес им решительное поражение, чем, как пишет Проконий, приобрел себе большую славу у всех, особенно у побежденных варваров².

Для того чтобы предупредить дальнейшие нападения славян и загородить им путь в империю, Юстиниан принимает решительные меры по укреплению границ на Дунае. По течению Дуная для охраны империи существовали старые крепости: Виминаций, Рациария, Августы, Эск, Новы, Триста, Алпшария, Трамариска, Доростол, Новодун. Проконий в своем труде «О постройках» дает подробные сведения о стратегическом строительстве Юстиниана. Юстиниан восстановил укрепление Литтерату на левом берегу Дуная, против крепости Нов, а также и другой пункт — Рецилаву, ближе к западу. Позднее прибавился третий пункт — Дафна, против Трамариска. Кроме этих больших крепостей, по описанию Прокония, первая очередь строительства состояла из 80 укреплений в пределах провинций Скифии и Лиции, к северу от Балканского хребта, в большей своей части построенных заново, частью же восстановленных. Сто укреплений было построено к югу от хребта и в провинции Родопе³. Проконий приводит список 244 укреплений, выстроенных и восстановленных Юстинианом в средней полосе полуострова, в северной части префектуры Иллирии, а также 143 укреплений в западной полосе, т. е. в Эпире, Македонии и Фессалии⁴.

Этот список построенных укреплений показывает, какую опасную силу для Византийской империи представляли собой славяне. Весь ход описания строительства укреплений свидетельствует о том, что оно было направлено против славян. Так,

¹ Проконий «Тайная история», гл. XVIII.

² Проконий «О войне с готами». Кн. III, гл. 40-я.

³ Проконий «О постройках». Кн. IV, гл. 11-я.

⁴ Там же. Кн. IV, гл. 4-я.

Римский сторожевой пост на дунайской границе.
Со старинного барельефа.

об укреплениях Филиппополя и Плотинополя Проконий говорит, что они были воздвигнуты против варваров, занимавших окрестности этих городов⁵. В другом месте, описывая восстановление крепости Адины (в Мизии), недалеко от крепости Палматы, Проконий прямо утверждает, что вокруг нее укрывались «варвары славяне», разорявшие окрестности, и что именно это обстоятельство заставило Юстиниана принять меры к восстановлению укреплений Адины⁶. Здесь же Проконий сообщает об укреплениях Ульмптона, от которого после частых нападений славян остались одни развалины. Построив эту крепость почти заново, Юстиниан якобы лишил славян не только возможности, но и надежды завладеть этим укрепленным пунктом⁷.

Однако все эти укрепления не могли остановить движения славян в пределы империи. Огромная система укреплений, состоявшая из трех линий, не была обеспечена необходимой военной силой, так как большое количество войск должно было быть направлено против персов на востоке, вандалов — в Африке и остготовов — в Италии. Проконий, который в своем сочинении «О постройках», написанном им по заказу Юстиниана, прославляет это военное строительство, называет в своей «Тайной истории» эти постройки безумными⁸, обвиняя Юстиниана в том, что ради них

⁵ Там же. Кн. IV, гл. 11-я.

⁶ Там же. Кн. IV, гл. 7-я.

⁷ Там же.

⁸ Проконий «Тайная история», гл. XI.

он не щадил ни жизни, ни средств подвластного ему населения.

За время строительства укреплений нападения славян, их переходы за Дунай не прекращались. Руководство системой укреплений, т. е. охраны границы на Дунае, была поручена одному из крупнейших военачальников—Хильвуду¹. В 534 году он решил перейти от оборонительной тактики к наступательной, чтобы отодвинуть надвигающуюся угрозу непрерывных славянских вторжений. С небольшим войском Хильвуд перешел Дунай. Славяне вышли навстречу войску Хильвуда огромными массами. Войско Хильвуда было разгромлено, он сам был убит.

Значение этого разгрома, по мнению Прокопия, состояло в том, что с тех пор славяне и анты могли беспрепятственно опустошать придунайские области империи.

С этого времени и до 546 года крупных столкновений между славянами и военными силами империи не было. Проникая за

¹ Прокопий «О войне с готами». Кн. III, гл. 14-я.

Византийские монеты VI—VII веков.

Дунай, славяне занимали свободные земли. С отдельными группами славян Юстиниан вынужден был сговариваться, предоставляя им права союзников и частично принимая их в армию.

В 546 году отряд из герулов, которые считались союзниками империи, был отправлен из Фракии в Италию для пополнения войск, действовавших против остготов. По дороге герулы случайно встретились с большой массой славян, которые только что переправились через Дунай и захватили уже большое количество пленных². Герулы отбили пленных и оттеснили славян обратно за Дунай. Затем они продолжали свой путь в Италию.

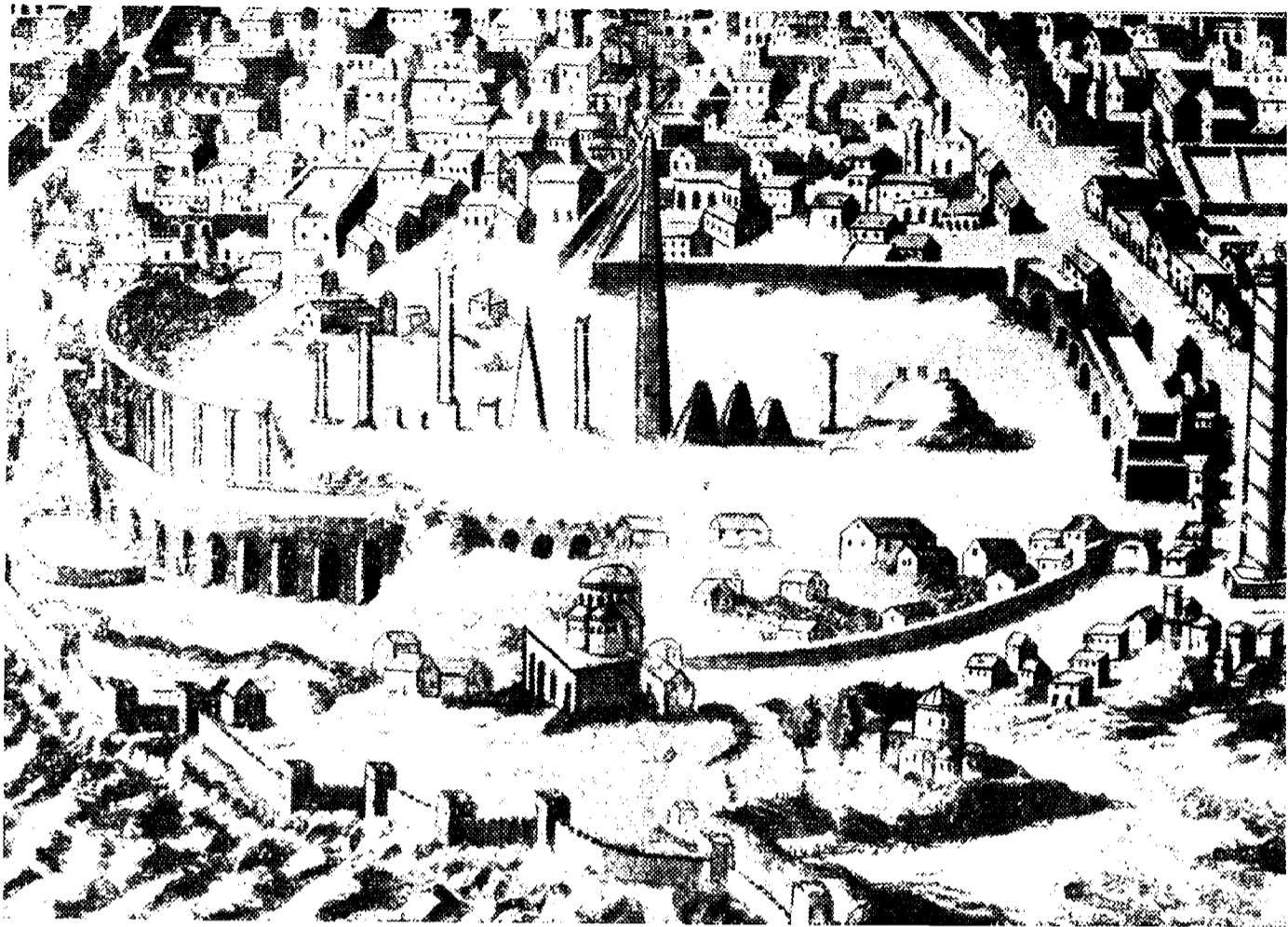
Это поражение не надолго остановило славян. Уже в начале 548 года славяне перешли Дунай и большими массами вторглись в пределы империи, производя огромные опустошения во всей Иллирии до Эпидамна (ныне Драча) на Адриатическом море. Они увели в рабство большое количество жителей этих областей. Многие из крепостей, на которые рассчитывал Юстиниан, были беспрепятственно взяты славянами, так как эти крепости никем не защищались. Славяне представляли собой такую силу, что военачальники византийских войск, следуя за славянами с 15-тысячным войском (очень большой по тому времени армией), не решались подходить к напавшим на близкое расстояние, а тем более вступать с ними в сражение³.

Прокопий дает подробное описание похода славян через Дунай в 551 году. В этом походе участвовали 3 тысячи славян, вторгшихся в Иллирию и Фракию. Перейдя Дунай, славяне без сопротивления перешли через реку Евр (ныне Марца). На левом берегу реки Евра они разделились на два отряда — в 1800 и 1200 человек. Против них выступили военачальники иллирийских и фракийских войск, но были разбиты, несмотря на то что славяне значительно уступали им в численности. Славян пытался задержать Асвала, начальник отборных войск, расположенных в крепости Нуруле (ныне Чорлу, недалеко от Константинополя), но также был разбит. После этого никто более не мог оказать славянам вооруженного сопротивления, и они оказались хозяевами Фракии и Иллирии. В этом походе славяне взяли приморский город Тонер на реке Песте, в двенадцати днях пути от столицы⁴. Славяне не могли взять города штурмом и добились победы военной хитростью. Они расположили большую часть своего войска в засаде перед город-

² Там же. Кн. III, гл. 13-я.

³ Там же, гл. 29-я.

⁴ Там же, гл. 38-я.

Вид Константинополя в период восточноримских императоров.

ской стеной, в то время как небольшой отряд постоянно тревожил стражу города мелкими нападениями. Полагая, что этот отряд представляет собой все войско славян, гарнизон города вышел из городских стен, чтобы преследовать славян, но был целиком истреблен войсками, находившимися в засаде. Жители города еще долго защищались, обливая нападавших расплавленным маслом и смолой, но вынуждены были сдаться. Все мужчины, числом в 15 тысяч, были перебиты, женщины и дети уведены в рабство.

В том же, 551 году через Дунай, выше Ниша, снова переправилось войско славян, на этот раз в таком громадном количестве, какого до этого времени не знали византийцы. Стратег Герман в это время готовил войска в поход против Тотилы в иллирийском городе Сардики. Славяне устремились на юг с намерением взять осадой Фессалоники. Юстиниан велел Герману отложить поход в Италию и всеми силами защищать Фессалоники и другие города. Славяне разделились на три отряда и подвергли захваченные ими области страшному опустошению. Прокопий отмечает, что это был уже не набег, как прежде, когда славяне быстро уходили обратно за Дунай. Наоборот, славяне остались здесь зимовать как в собственной земле, осваивая ее, не боясь никакого неприятельского войска¹.

¹ Прокопий «О войне с готами». Кн. III, гл. 40-я.

На следующий год Юстиниан послал против славян большую армию, поставив во главе ее лучших своих стратегов: Константина, Аратия и Назара. Эта армия встретила отряд варваров возле Адрианополя, на расстоянии пяти дней пути от столицы. Здесь произошел сильный бой, в котором византийские войска были разбиты наголову².

После этого сражения славяне двинулись далее на запад и распространились по всей Астике (приморской области, между городами Гераклеей на Пропонтиде и Аполлонией на Черном море) и дошли до Длинной стены, т. е. были от столицы меньше чем на расстоянии однодневного перехода.

В 553 году славяне снова вторглись в Иллирию. В качестве перевозчиков через Дунай Прокопий называет гепидов, которые за перевоз каждого человека брали золотой (статер). Это свидетельствует уже о значительном развитии у славян денежных отношений. Непрекращавшиеся в течение многих десятилетий грабежи обогащали их и сосредоточивали в их руках денежные богатства. Развивающееся денежное хозяйство проникало, точно разъедающая кислота, в основанный на натуральном хозяйстве исконный образ жизни сельских общин. Это неизбежно влекло за собой начало разложения родового строя и

² Там же.

Внешний вид храма св. Софии в Константинополе, построенного при императоре Юстиниане.

пока еще мало заметное появление первых зачатков государственной власти.

К середине VI века славяне прочно расселились не только за Дунаем. Из отдельных мест труда Прокопия «О постройках» видно, что их поселения встречаются уже и в пределах империи: в Мизии, около крепости Адны, во Фракии, в окрестностях Филиппополя и Плотинополя, в Македонии, недалеко от долины реки Рехии и т. д. Таким образом, к середине VI века славянская колонизация Византийской империи достигла уже значительных размеров. Эти «внутренние» славяне активно участвовали в борьбе славян против Византии.

3

Конец правления Юстиниана ознаменовался появлением нового врага империи, аваров, которые к этому времени дошли до территории среднедунайской низменности. В византийских источниках первое упоминание об аварах встречается между 462—465 годами, когда они жили между Каспийским и Азовским морями.

В 558 году авары направили к Юстиниану посольство, предлагая ему свои услуги против племен, живших по северному берегу Черного моря. По сведениям Менаандра, услуги аваров были приняты

Юстинианом. Авары вели длительные войны с антами и опустошали их земли¹. В год смерти Юстиниана (565) главный стан (хринг) аваров находится уже в Средней Европе. В 565 году они заняли Дакию и отправили посольство к императору Юстиниану II (565—578). Юстиниан II ответил отказом на требования послов, которые всячески превозносили военную мощь аваров. В 567 году авары как союзники лангобардов воюют с гепидами. В следующем году они занимают Паннонию, откуда они в течение 50 лет беспокоят империю своими набегами.

Авары вели длительные войны со славянами, стремясь проложить себе путь в Среднюю Европу. Им удалось ненадолго подчинить своей власти отдельные славянские племена, однако все эти племена в конце концов отстаивали свою независимость. Павел Диакон под 600 годом отмечает вторжение лангобардов совместно с аварами и славянами в пределы Иллирии². Папа Григорий I в своем письме к фессалоникскому епископу Максиму, высказывая свою скорбь по поводу именно этого же вторжения славян в Истрию, совершенно не упоминает аваров, говорит об одних

¹ Менаандр, гл. V.

² Павел Диакон «О деяниях лангобардов». Кн. IV, гл. 25-я.

славянах¹, указывая, что они пытались, захватив Истрию, делать набеги на Италию. За время от 553 до 575 года не сохранилось никаких известий о действиях славян. 578 год отмечен большим походом славян.

В этом же году произошло первое большое вторжение славян на территорию Греции. В продолжение четырех лет (до 582 года), пока империя была занята войной с персами, славяне прошли всю Грецию, Фессалию и Фракию, обращая население в рабство. Краткое сообщение об этом встречается у византийского историка Менаандра², который приурочивает это вторжение огромной массы (100 тысяч) славян к четвертому году правления Тиберия (578—582).

Под 583 годом Феофилакт Симокатта сообщает, что славяне, вторгнувшись в империю, проникли снова до Длинной стены. Стратегу императора Маврикия (582—602), Коментиолу, удалось напасть на славян врасплох на реке Эргине и нанести им решительное поражение. Здесь впервые упоминается имя вождя славян (Родогост). Коментиол продолжал успешные действия против славян, разбил их снова возле Адрианополя, при Энсии, и заставил их очистить всю Астику. Однако под 588 годом Феофилакт Симокатта снова говорит об опустошении Фракии славянами³.

Церковный историк Евагрий сообщает, что в 589 году славяне добрались до Пеллопоннеса. Немецкий ученый Фальмерайер утверждал, что в Византии, в том числе и на территории собственно древней Греции, древнегреческий элемент целиком исчез и сменился новыми этнографическими элементами — албанским и главным образом славянским⁴. Эта теория поддерживалась Дриновым⁵, Иречком⁶ и рядом других ученых. Исследования А. А. Васильева, который подвел итоги большой научной дискуссии по этому вопросу, показали, что если теория Фальмерайера и страдала некоторыми преувеличениями, однако заслуга его состоит в том, что он впервые во всей широте поставил вопрос о роли славян, резко модифицировавших

Византийский император Ираклий.
Изображение на медали.

основное население Византийской империи⁷.

Византийские историки объясняют успехи славян тем, что империи приходилось вести длительную войну против Персии, но дальнейшие события показывают, что это объяснение является неправильным. В 590 году война Византии с Персией окончилась, империя добилась выгодных для нее условий мира. Император Маврикий получил возможность обратить серьезное внимание на аваров и славян, которые к этому времени были хозяевами почти всего Балканского полуострова.

От аваров Маврикий отделался обещанием выплачивать им ежегодно дань, но со славянами договориться было нелегко. Они совершали в это время свои походы уже не с правого берега Дуная, а с Балканского полуострова, большая часть которого уже была прочно заселена славянами. Славяне усиленно стремились к захвату Фессалоники, островов Греции и угрожали самой столице империи — Константинополю.

В частых столкновениях с византийцами славяне освоили все тонкости военного дела, военной техники того времени. Вот как описывает византийский хронист осаду славянами Фессалоники в 597 году. Начиная осаду, славяне подготовили осадные машины и железные тараны, огромные орудия для метания камней, так называемые черепахи, покрыв их сухими кожами; потом, переменяв намерение, чтобы предохранить черепахи от горячей смолы, которую пользовались осаждаемые, они прикрепили к машине гвоздями кожи недавно убитых быков и верблюдов. Они

⁷ А. А. Васильев «Славяне в Греции». Византийский современник. V. 1898.

¹ Письма папы Григория Великого. Минье. Патрология латинская. Т. 77, стр. 1092—1094.

² Менаандр «Отрывки», стр. 404. Боннское издание.

³ Феофилакт Симокатта. Кн. III, гл. 4-я.

⁴ Фальмерайер «История полуострова Морей в средние века». Штутгарт. 1836.

⁵ Дринов «Заселение Балканского полуострова славянами». Москва. 1873.

⁶ Иречек «История Болгарии». Одесса. 1878.

стали забрасывать стены города камнями, стрелки их забрасывали стены стрелами в таком количестве, что осажденные не могли даже посмотреть, что делается за стеной. Придвинув черепахи к наружной стене, славяне сильно потрясали основания стены рожнами и крючьями. Орудия для метания камней были четырехугольные, на широких основаниях, оканчивавшиеся узкими верхами. На этих верхах были укреплены толстые цилиндры, по концам обитые железом, вмещавшие металлические машины. Машины, поднимаемые снизу, непрерывным потоком выбрасывали дождь огромных камней. Чтобы находившиеся на них войны не потерпели вреда от бросаемых со стены стрел, три стороны этих четырехугольных машин были обиты досками¹.

Это описание показывает, что славяне были уже серьезным и опасным противником не только по своей численности, но и по состоянию своей военной техники, в которой они мало чем уступали византийской постоянной армии.

В 593 году Маврикий снарядил большое войско, во главе которого поставил стратега Приска. Направившись с этим войском к Дунаю, Приск в том же году нанес сильное поражение отряду славян во главе с Родогостом. После этого Приск вторгся и в другую славянскую область, вождь которой Мусокий вместе со многими его старейшинами был взят в плен².

Император Маврикий приказал Приску остаться на зиму в Дакии. Это возбудило возмущение среди солдат его армии и заставило его отступить. Вероятно, из-за этого Приск был смещен, и на его место был назначен стратегом брат Маврикия Петр.

В 597 году Петр переправился через Дунай ценой потери тысячи солдат. Но войско славянского вождя Пирогоста заставило его отступить³.

Чрезвычайно характерен факт частых упоминаний в конце VI века имен славянских военачальников. Это свидетельствует об ускоренном процессе разложения первобытно-общинного строя у славян и об укреплении у них зачаточных элементов государственности.

Процесс формирования сильной княжеской власти у славян замедлялся постоянной борьбой между отдельными родами и племенами. Кроме того византийское правительство сеяло рознь между племенными

старшинами, препятствуя этим объединению славянских племен. Это ясно выражено у историка Лжемаврикия (писавшего под именем императора Маврикия). Этот историк пишет, что бесполезно привлекать некоторых из старшин на сторону империи убеждениями или подарками, чтобы возбуждать и поддерживать между ними взаимную распрю и препятствовать объединению их под командованием одного вождя⁴.

Смена командования принесла мало пользы византийскому правительству, и Приск был снова поставлен во главе армии, действовавшей против славян⁵. В это время в империю снова вторглись авары. В 598 году они заполнили своими отрядами Далмацию, взяв приступом 40 сторожевых укреплений. Приск укрепился в Сингидоне и оттуда направлял против аваров отряды под командованием Гундуна, которому удалось заставить хакана отступить за Сову, в Срем⁶.

В следующем году авары снова напали на империю, заняв на этот раз Мизнию и Фракию; в 600 году они заключили мир. Интересно одно из условий мира — граница между аварскими хаканатом и империей устанавливалась по реке Дунаю. Вооруженные силы империи могли переступать Дунай только в случае военных столкновений со славянами⁷.

Обезопасив себя таким образом в отношении аваров, Маврикий снова решил вести наступательные операции против славян. Войско под командованием Губуина несколько продвинулось за Дунай, но из-за нежелания армии остаться за Дунаем на зимние операции Губуин был вынужден возвратиться в пределы империи⁸. Однако Маврикий настойчиво требовал, чтобы армия провела зиму в славянских землях. Дело дошло до открытого восстания в армии. Восставшие солдаты, во главе которых стал центурион Фока, двинулись к столице. Войска, расположенные в столице, перешли на сторону Фоки, который был провозглашен императором. Маврикий и его сыновья были казнены⁹.

К концу VI века славяне уже прочно закрепились во внутренних областях империи. Славянские передвижения не прекращались ни при императоре Фоке (602—610), ни при Ираклии (610—641). К концу правления Ираклия уже вся Далмация прочно находилась в руках славян.

⁴ Маврикий «Стратегикон». Кн. XI, гл. 5-я.

⁵ Феофилакт Симокатта. Кн. VII, гл. 5-я.

⁶ Там же. Кн. VII, гл. 12-я.

⁷ Там же, гл. 15-я.

⁸ Там же. Кн. VIII, гл. 6-я.

⁹ Там же.

¹ «Чудеса св. Димитрия-мученика». Кн. I, гл. 14-я. Деяния святых, стр. 149—150 и 153. Париж — Рим, 1886.

² Феофилакт Симокатта. Кн. VI, гл. 7-я.

³ Там же. Кн. VII, гл. 5-я.

История образования первых славянских государств на бывшей территории Византии показывает, что политика византийских правительств, направленная к тому, чтобы использовать славян для борьбы против других врагов империи, а также восстановить славянские племена друг против друга, потерпела крах, как потерпела крах и попытка военного отпора славянским походам.

Территория ряда старых провинций империи, не считая северных, выходит из сферы управления византийских императоров. Расселявшиеся в империи славяне принесли туда, так же как и германцы в Рим, «осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...»¹.

Своим родовым строем, своим демократическим инстинктом и свободолобием славяне вдохнули новую жизненную силу в умирающую Восточно-Римскую империю, создали почву для возникновения на ее территории новых национальностей, новых государственных образований.

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 206. 1937.

Но славяне не только влияли на феодализацию Византии, они и воспринимали от нее более высокую культуру, никогда, однако, не теряя своей племенной самобытности. Они сохранили особенности первобытно-общинного строя вплоть до того момента, когда в результате разложения сельской общины, усиления частной собственности, классовой дифференциации стали образовываться в VIII—IX веках первые самостоятельные славянские государства.

* * *

История походов славян на Византию в V—VI веках есть только начало большого и сложного процесса взаимовлияния славян и Византии. Славяне своим родовым строем, своим варварством омолодили империю, позволили ей просуществовать тысячу лет, явиться посредником между миром античности и эпохой позднесредневекового Возрождения, передать Европе могучее наследие античной культуры. Славяне, предки великого русского народа, передали нашей родине высокую культуру Византийской империи, ее письменность, религию, литературу, юридические нормы. Вот почему советская историческая наука, самая передовая в мире, должна иметь и будет иметь в числе важнейших своих отраслей византиноведение.

А. Фохт и Е. Костюневич

ИТОГИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ЗА 1938—1939 УЧЕБНЫЙ ГОД И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В НАСТУПАЮЩЕМ 1939—1940 УЧЕБНОМ ГОДУ

1

1938—1939 учебный год в области преподавания истории в средней школе ознаменовался крупными достижениями. Эти достижения основываются прежде всего на выходе в свет год тому назад «Краткого курса истории ВКП(б)». Эта энциклопедия основных знаний марксизма-ленинизма, имеющая исключительное значение для всего исторического фронта, вызвала перестройку преподавания истории в средней школе. На этом мудром сталинском творении учителя истории учатся построению всех курсов истории (истории древнего мира в V и VI классах, истории средних веков в VII и VIII классах, новой истории в VIII и IX классах и истории СССР в VIII, IX и X классах). Они учатся на этом образце марксистско-ленинской исторической науки изложению и марксистскому анализу исторических событий. При изучении истории СССР, начиная со второй половины XIX века, учитель получил возможность положить в основу преподавания классические характеристики и определения «Краткого курса истории ВКП(б)». Работая над «Кратким курсом» и изучая исторические произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, учитель истории значительно поднял за истекший год свой идейно-теоретический уровень.

«Краткий курс истории ВКП(б)» дал учителю ясное понимание многих коренных вопросов истории, по которым прежде преподаватели допускали ошибки и неточности. Мы имеем в виду такие вопросы, как роль географической среды, роль личности в истории, роль идеологии, вопросы о росте народонаселения, о развитии производительных сил и т. п. Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» положил конец вреднейшему вульгаризаторству и извращению истории, которые были связаны с антимарксистской, антиленинской «школой» Покровского. «Краткий курс истории ВКП(б)» система-

тически учит историзму, т. е. историческому подходу к событиям прошлого, подчеркивая одно из основных положений материалистического понимания истории о том, что все зависит от условий, места и времени. Обогащенный основными методологическими указаниями марксистско-ленинской исторической науки, преподаватель истории стремится применить их в своем преподавании, дать в доступной детям форме изложение основных законов развития общества, подвести учащихся к марксистскому пониманию истории.

Исключительное значение для повышения уровня преподавания истории в школе имел исторический доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии. Отчетный доклад товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) вооружает преподавателя истории знанием движущих сил советского общества на нынешнем этапе, учением о развитии нашего социалистического государства, о фазах его развития, учением о советской социалистической народной интеллигенции. На основе доклада товарища Сталина учителя по-новому ставят на уроках истории СССР (в X классе) тему о развитии нашего социалистического государства, о советской интеллигенции.

Слова товарища Сталина: «Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,—это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма»¹ — дают основные, направляющие указания и учителям истории в их работе.

«Краткий курс истории ВКП(б)», доклад товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) помогли учителю перестроить преподавание истории в соответствии с историческим постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома

¹ И. Сталин «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)», стр. 43.

(май 1934 года), в соответствии с замечаниями товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспекты учебников по истории СССР и по новой истории (август 1936 года).

Значительную помощь преподавателю оказали и вышедшие в истекшем учебном году вузовские учебники по истории древнего Рима и по истории средних веков, в которых изложен проверенный конкретно-исторический материал. Определенную пользу принесли учителю и четыре выпуска «Методического пособия по истории», в которых подобран и систематизирован материал для исторических курсов средней школы по истории древнего мира, истории средних веков и новой истории, а также даны методические указания к каждому уроку.

Правильное использование преподавателями в своей работе «Краткого курса истории ВКП(б)», исторических произведений классиков марксизма и новой исторической литературы помогло им добиться успехов в преподавании истории несмотря на трудности, с которыми было сопряжено преподавание истории именно в истекшем учебном году¹.

2

Улучшение преподавания истории, его более высокий уровень нашли свое выражение прежде всего на повышении качества рассказа учителя. А рассказ учителя,

¹ Эти трудности заключались в том, что в некоторых классах пришлось проходить историю усиленными темпами вследствие того, что в предшествовавшем 1937—1938 учебном году в VI, VII и VIII классах проходил курс истории СССР в связи с выходом «Истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова. Ученикам VI класса пришлось за один год пройти полуторагодовой курс (весь курс истории древнего мира); ученики VII класса также прошли за это время полуторагодовой курс (историю Рима и часть истории средних веков). В лучшем положении были ученики VIII класса. Хотя и они прошли в один год курс двух классов (2-я часть истории средних веков, 1-я часть «Новой истории»), однако в VIII классе для каждого из этих курсов было отведено по 80 часов (нормальное число часов), т. е. у них был снят курс истории СССР. В VI и VII классах за 80 часов была пройдена полуторная программа. Это привело к напряженному положению в этих классах. Даже в Москве программа была выполнена с большим трудом и без повторения, т. е. без достаточного закрепления этих знаний. В сельской школе положение было значительно хуже. Особенно ухудшалось положение отсутствие пособий. Курс V класса, шедший нормально, был выполнен повсюду за редкими исключениями. Курс X класса был также выполнен.

как известно, является важной частью урока; значение его особенно велико в связи с отсутствием учебников.

Следует отметить яркие, насыщенные конкретным материалом образные рассказы тов. Чегосова (Муром). Уроки тов. Чегосова неоднократно описывались в местной муромской газете. Интересные рассказы были у очень многих учителей.

Лучшие учителя строят свой рассказ таким образом, что он дает связное изложение исторических событий в историко-хронологической последовательности, фиксируя внимание учеников на важнейших исторических событиях. Систематически излагая исторические события, разбирая и обобщая их, такие преподаватели подводят учеников к марксистскому пониманию истории. Отмечая эти достижения, надо сказать, однако, что есть еще многие учителя, у которых и сейчас рассказ беден по содержанию, сух, неполон, необразен. Иногда рассказ учителя превращается в лекцию вузовского типа.

Много внимания учителя уделяют конкретности изложения событий. Можно даже констатировать перегиб в сторону чрезмерного насыщения уроков фактами и мелкими подробностями. В результате такой перегрузки, как показывают ответы учеников, мелкие, частные детали событий подчас заслоняют перед ними главное, основное. В то же время совершенно недостаточно используются на уроках истории документы и статистические данные. Это приводит к тому, что нередко ученики не имеют точного представления о многих событиях.

В связи с рассказом учителя находится и вопрос о записях учеников. Лучшие педагоги — Большухин (Горький), Вагин (Ленинград), Поволоцкая (Ленинград) и др. — выработали методику ученических записей, имеющую своей задачей постепенно развить у учеников навыки записи рассказа и тем подготовить учеников к тому, чтобы по окончании школы они были в состоянии записывать лекции профессоров в вузе. Преподаватели вузов жалуются на беспомощность многих студентов в ведении записи лекций.

Вилнейшее место в двух старших классах средней школы заняла систематическая работа учеников под руководством преподавателя над изучением «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Учителя-отличники, основываясь на опыте, постепенно развивают у учеников умение изучать эти произведения. Ученики X класса под руководством преподавателей регулярно ведут конспекты изучаемых произведений Ленина и Сталина, составляют конспекты «Краткого курса истории ВКП(б)».

Работа по изучению классиков марксизма-ленинизма в школе трудна, она требует от преподавателя большого напряжения сил, но она очень важна. Так например изучение в X классе работы Ленина «Доклад о революции 1905 года», основного пособия при прохождении темы «Первая русская революция», дало ученикам понимание классового характера первой революции в России, ее движущих сил и ее своеобразия по сравнению с прежними буржуазными революциями.

Изучение в X классе «Апрельских тезисов» Ленина и «Доклада о политическом положении», сделанного товарищем Сталиным на VI съезде партии, дало ученикам понимание ленинско-сталинского анализа событий от февраля до Октября как процесса перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Изучение в X классе классических работ товарища Сталина: «Октябрь и тактика русских коммунистов», «Международный характер Октябрьской революции», — а также страниц «Краткого курса истории ВКП(б)», которые излагают причины победы Великой Октябрьской социалистической революции, дало ученикам понимание ленинско-сталинской характеристики Великой Октябрьской социалистической революции как начала мировой пролетарской революции и базы для дальнейшего развития мировой революции, а значит, подвело учеников к пониманию законов развития пролетарской революции.

Именно такую работу ведут лучшие учителя во всех частях Советской республики. В Архангельске ее ведет тов. Уланов, в Иркутске — тов. Самаркина, в Пятигорске — гг. Ефимов и Старовойтов. Ведется такая работа и в Ленинграде (гг. Новопашенная, Гондратьев и другие) и в Москве (Бер, Костюкович, Дубосарская и др.).

Иногда учителя при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина ставят перед учениками неправильные задачи. Так, в некоторых школах (например в Сталинграде) «Краткий курс истории ВКП(б)» превратили в учебник по истории СССР в IX и X классах средней школы, что совершенно неправильно. Ленинградская практика показала, что особенно хорошие результаты работы учеников получались тогда, когда на основе «Краткого курса истории ВКП(б)» шла повторение пройденного материала по истории СССР.

Изучение произведений классиков марксизма-ленинизма в массовой школе вследствие трудности этого дела стоит еще далеко не на должной высоте. Даже в Москве в ряде школ изучение было постав-

лено так поверхностно и формально, что на испытаниях в этих школах ученики обнаруживали незнание основных работ Ленина и Сталина, хотя и считалось, что они их изучили. В Архангельске в ряде школ были даже удивлены, когда ученикам X класса задавался на испытаниях вопрос об отдельных работах Ленина и Сталина. А в 5-й архангельской школе ученики, зазубрив пять ленинских признаков империализма, не знали, где же это изложено у Ленина.

Следует выделить большую работу учителей истории по воспитанию у учащейся молодежи советского патриотизма, горячей любви к социалистической родине и неуга-симой ненависти к врагам народа всех мастей.

3

Лучшие учителя пользуются для наглядности преподавания различными пособиями, используют отрывки из художественных произведений. Так, тов. Большухин (город Горький, Институт усовершенствования учителей) очень подробно разработал методику изучения былин в преподавании истории СССР (раздел Киевское государство). Тов. Вербицкий (Кунцевский район, Московской области) использует на уроках об образовании Российской империи в XVIII веке роман А. Толстого «Петр Первый». Тов. Кузин, орденносец (Угодско-заводская школа, Московской области), очень удачно проводит на уроках о войне 1812 года работу на материале романа Льва Толстого «Война и мир». Тов. Ефимов (Пятигорск) на уроках о гражданской войне — первый период — читает отрывки из повести А. Толстого «Хлеб». Многие учителя на уроках о гражданской войне зачитывают эпизоды из книг Н. Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Много творческой инициативы проявляют лучшие учителя в создании наглядных пособий: используют старые карты, создают новые карты, макеты, аппликации, ведут педагогическое рисование и т. д. Надо отметить работу тов. Безбаха (Ленинград), который с затратой минимальных средств создал очень ценное наглядное пособие по истории древней Греции. Путем линогравюры были размножены изображения памятников искусства древней Греции. Большую помощь в подборе иллюстраций оказал Эрмитаж. Себестоимость одной линогравюры — от 30 до 60 копеек. Для изготовления была использована оберточная бумага, давняя очень яркие оттиски линогравюр. Цвет бумаги подбирался под тон раскраски ваз. Однако это ценное начинание тов. Безбаха не встретило сочувствия со стороны Учпедгиза, причем в качестве

одного из возражений против напечатания этой коллекции в масштабе РСФСР была выставлена «нехудожественность» ряда картин, которые на самом деле являются точным воспроизведением подлинной древнегреческой живописи на вазах. Тов. Филиппова (Москва) организовала в течение ряда лет интереснейшую школьную историческую выставку. Выставка эта была показана в Институте школ Наркомпроса учителям-орденоносцам, которые заявили о том, что она принесла им большую пользу. Учителя-орденоносцы яростно воспроизвести материалы этой выставки в качестве наглядного пособия для массовой школы. Тов. Уланов (Архангельск) создал плакаты по истории Крестьянской войны в Германии. Тов. Виноградов (Старооскол, Курской области) собрал большую коллекцию (свыше 100) наглядных пособий. Большую коллекцию наглядных пособий создал и тов. Сошенко (Белгород, Курской области). Коллекциями наглядных пособий Угледско-заводской школы, Московской области, пользуются соседние школы. Инициативный учитель может создать при школе небольшой музей наглядных пособий по истории, которыми будут пользоваться окрестные школы. Ярким образцом такой инициативы является деятельность тов. Прохорова (директора и преподавателя истории Автозаводской школы № 1 в городе Горьком). Тов. Прохоров при затрате минимальных средств создал при своей школе небольшой музей наглядных пособий; он собрал старинные монеты, книги петровского времени, газеты времени революции 1905 года, газеты, листовки, плакаты Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, марки, картины и прочее. Тов. Прохоров сумел добиться отдельной комнаты для кабинета истории. Созданный тов. Прохоровым музей неоднократно описывался в местной горьковской областной газете.

Лучшие учителя ищут и находят новые формы наглядных пособий. Так, тов. Гитис (Ленинград) создала интересные пособия для прохождения и закрепления в памяти учащихся хронологии. Тов. Безбах (Ленинград) организовал в школе, где он преподает, исторические витрины, в которых выставляется материал об изучаемых событиях или о тех исторических событиях, которые будут отмечаться в ближайшее время. Тов. Старовойтов (Пятигорск) устроил календарь-витрину исторических событий за каждый месяц и витрину вырезок из газет и детских журналов на исторические темы.

Но вместе с тем нередки факты пренебрежительного отношения к использованию наглядных пособий. Так например отсутствие карты на испытаниях в X классе

в архангельской школе № 1 объяснялось тем, что картой преподаватель не пользовался в течение всего курса. В результате ученики не смогли показать на карте районы гражданской войны в СССР. Подчас даже и при наличии карты ею пользуются очень небрежно. Так, в другой архангельской школе (4-я школа Октябрьского района) и учитель и ученики на испытаниях вместо север, юг, восток и запад говорят выше, ниже, правее и левее.

Как положительное явление нужно отметить большую роль, отводимую в ряде школ экскурсиям. Среди школьных преподавателей есть мастера экскурсионного дела: например тов. Козлова (экскурсии в Исторический музей, Москва), гг. Иванова и Ползикова-Рубец (экскурсии в Эрмитаж, Ленинград). Но нужно отметить, что экскурсиям в старших классах уделяется недостаточное внимание. Вот интересные цифры по Москве. Для V—VII классов было организовано в Музей изящных искусств имени Пушкина в первое полугодие 1410 экскурсий и во второе полугодие — 1547 экскурсий; в Музей нового западного искусства было проведено 70 экскурсий (1625 участников); в Исторический музей было проведено 743 экскурсии (13 457 участников). Гораздо слабее организованы экскурсии для VIII—X классов. Музей Ленина при этом не назван ни разу.

Интересный опыт экскурсии был совершен под руководством орденосца тов. Кузина, учителя Угледско-заводской школы. Учащиеся совместно с преподавателями прошли пешком от Малоярославца до Бородина по историческим местам боев 1812 года. Такая экскурсия способствует воспитанию в молодежи чувства советского патриотизма.

Огромное значение для конкретизации материала имеет привлечение местного материала.

Многие учителя-историки широко пользуются местным материалом. Тов. Некрасов (Воронеж) иллюстрирует местным материалом темы древнего периода нашей истории, темы по истории Киевского государства и тему «Образование русского национального государства». Тов. Кузин (Угледско-заводская школа) широко применяет местный материал при прохождении истории войны 1812 года, так как школа находится недалеко от места боев под Тарутиным и Малоярославцем. Тов. Серова (Архангельск) привлекает местный материал по курсу истории гражданской войны в Северном крае. Тов. Повопашенная очень интересно изучает на местном материале тему «Петербург—Петроград—Ленинград». Тов. Андреева (Таганрог) вставляет в общий курс истории СССР события из исто-

рия Таганрога и тем оживляет материал. Тов. Лагун на основе изученного на уроках местного материала создала очень интересную выставку «Октябрьская революция в Дмитрове, Московской области». Однако обычно учителя игнорируют интереснейший местный материал. Так, в Пятигорске многие учителя при прохождении темы «Завоевание Кавказа» совершенно не используют богатейшие коллекции пятигорского музея на эти темы. То же наблюдается и в других местах. Например ученики кабардино-балкарских школ знают Днепродзержинск, но не знают своей местной электростанции — Баксангрэс, которая для экономики Кабардино-Балкарской республики имеет первостепенное значение.

Большинство учителей поняло необходимость серьезной и тщательной подготовки к уроку. Они систематически изучают «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма, а также используют имеющуюся в их распоряжении историческую литературу. Практика преподавания истории выработала несколько типов уроков. Очень подробно и хорошо разработана методика подготовки преподавателя к уроку истории тов. Безбахом (Ленинград), который в своих статьях показывает преподавателям, как надо готовиться к урокам, как надо постепенно накапливать знания, как производить отбор материала и как методически оформлять отобранный материал для использования на уроках. Тов. Старовойтов (Пятигорск) указывает на необходимость систематически, регулярно собирать материалы по истории и давать урок, всемерно избегая штампа.

Наиболее целесообразно, как показывает опыт, начинать урок со спрашивания учащихся. Прежние годы методика этой важной работы учителя очень хромала, так как преобладала вопросно-ответная форма занятий. Такая форма не давала преподавателю возможности судить о том, насколько глубоко усвоен учеником исторический материал. Теперь учителя требуют в большинстве случаев от ученика связного небольшого рассказа, в котором ученик описывает основные исторические события в их историко-хронологической последовательности. Учителя обращают внимание также на технику речи ученика, выправляя неправильную терминологию, неверные обороты, ошибки ударений и т. д. Лучшие учителя заранее продумывают и составляют вопросы для беглого опроса учеников, который проводится на каждом уроке сверх спрашивания систематического рассказа заданного урока.

Следует, однако, отметить существующие еще в этом отношении недочеты. Так, в Горьковской области отмечается, что

обычно вопросы (к тому же часто плохо продуманные) касаются материала только текущего урока и вовсе не затрагивают материала, пройденного на предшествующих уроках. А между тем спрашивание материала прошлых уроков помогает ученикам понять историко-хронологическую последовательность событий на протяжении длительного периода истории.

Даже в Москве в некоторых школах наблюдается, что беглый опрос несистематичен, а предлагаемые ученикам вопросы носят случайный характер.

Кроме того в московских школах очень часто спрашивают только одного ученика, а остальные ученики занимают в это время посторонними делами.

Что касается учащихся, то основным недостатком их ответов является неумение рассказывать часть урока, они обязательно начинают рассказывать с начала весь заданный урок. Оказывается, что для большинства учеников еще трудно ответить только на определенный вопрос, хотя бы он и был выделен в плане урока. Поэтому учителям надо добиваться того, чтобы ученики четко представляли себе каждую часть заданного им урока и могли бы выделить ее в самостоятельный рассказ.

4

Результатом улучшения работы массового учительства явилось повышение успеваемости учащихся. Четвертные и годовые отметки показывают успеваемость от 90 до 100%. Но эти отметки обычно несколько завышены. Этот вывод можно сделать на основе интересного контрольного исследования, которое произвел Куйбышевский институт усовершенствования учителей. Контрольной проверкой было охвачено 15 школ, в которых средняя оценка успеваемости по истории была 82,4%. В результате проверки в этих школах было установлено, что успеваемость в среднем равна 77,4%, т. е. меньше на 5%. Сравнительно низкая успеваемость объясняется, очевидно, незначительными историческими познаниями преподавателей. Достаточно привести только один пример. В Клиньской средней школе ученик VI класса отвечал на уроке о рабстве в Риме так: «Рабы в древнем Риме употреблялись на постройку железных дорог, их не кормили и заставляли заниматься грабежом на большой дороге».

Некоторые ученики обнаруживают на испытаниях непонимание и незнание терминологии. Так например не понимают разницы между заключением мира и его ратификацией. Один ученик даже утверждал, что брестский мир был ратифицирован в ноябре 1917 года. Одна ученица

объясняя термин «валовая продукция» так: «Это выделывают войлок». Но такие случаи вопиющей неграмотности наблюдаются все реже и реже.

В ряде московских школ учащиеся давали прекрасные ответы.

В чем же основные причины недочетов работы по истории?

Они состоят: во-первых, в недостаточном историческом образовании очень многих учителей, в особенности в сельских школах; во-вторых, в отсутствии учебников, что заставляет учителей все преподавание строить на своем рассказе, подчас сводя весь урок к диктовке его ученикам; в-третьих, в недостаточной методической помощи и в отсутствии систематического методического руководства со стороны Наркомпроса и его органов; в-четвертых, в том, что все еще не выкорчеваны окончательно остатки ошибок так называемой школы Покровского, поскольку очень многие учителя истории получили свое высшее историческое образование на основе неправильных, вредных концепций Покровского и его «школы». Примером этого может служить следующий факт: в рекомендованных в Ленинграде уроках для III—IV классов про Невскую битву рассказано так, что у учащихся создается представление, будто устье Невы было исконной финской землей. Это неверное утверждение повторяет ошибки статьи об Александре Невском из Большой Советской Энциклопедии, статьи, отредактированной Покровским, в которой Александр Невский изображен к тому же только как верный слуга новгородского торгового капитала.

5

Краткий анализ состояния преподавания истории в школе за прошедший учебный год позволяет наметить некоторые вопросы преподавания истории в 1939—1940 учебном году.

Прежде всего надо дать учителям истории средней школы возможность получить высшее историческое образование (заочное). Следует также помочь учителям с высшим историческим образованием поднять свои знания на уровень требований марксистско-ленинской исторической науки. Это даст возможность выкорчевать остатки вульгаризаторства и извращений, связанных со «школой» Покровского и все еще имеющих хождение среди некоторых учителей.

Далее надо помочь учителям истории разобраться в тех вопросах истории, вокруг которых идут большие споры. Вот яркий пример этого: в «Учительской газете» была напечатана статья члена-корреспонден-

та Академии наук СССР проф. А. В. Шестакова, в которой он утверждал, что в Киевском государстве существовала рабовладельческая формация. Через некоторое время в той же «Учительской газете» была опубликована коллективная статья специалистов по истории СССР во главе с академиком Грековым, которая столь же категорически утверждала совершенно обратное, а именно, что в Киевском государстве не было рабовладельческой формации. Обе статьи высказали эти взаимно отрицающие положения не развернуто, а в виде тезисов. И ныне учитель в полном недоумении, кто же из спорящих прав, так как нет развернутого изложения этой научной дискуссии, на основании которого он смог бы самостоятельно разобраться в доводах обеих сторон. Необходимо подробно осветить подобные спорные вопросы истории.

Надо ускорить выход в свет учебников и других пособий по истории и исторической литературе для школ и для учителя.

Самое же главное — помочь начинающему молодому учителю истории, в особенности сельскому, овладеть педагогическим мастерством преподавания истории. Для этого нужно описать и научно обобщить опыт лучших преподавателей истории и широко его популяризировать, чтобы молодые преподаватели учились на опыте лучших мастеров преподавания и, глядя на них, стремились сами творчески работать. Одновременно следует бороться против попыток превратить методику истории в сборник обязательных заштампованных правил.

При систематической планомерной методической работе с учителями, при настойчивой работе самих учителей истории школа сможет выполнять лежащие на ней громадные воспитательные задачи.

Преподаватели истории в текущем учебном году должны усилить работу систематического разбора исторических событий и научиться делать обобщения, которые подвигали бы учеников к марксистскому пониманию истории, то есть к пониманию марксистско-ленинской науки о законах развития общества. На основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина учителя на конкретных исторических событиях должны показывать, как подтверждались жизнью законы развития общества, законы развития пролетарской революции, установленные Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Особенно большое внимание в своем преподавании учителя истории должны уделить выяснению происхождения и развития движущих сил советского социалистического общества, о которых говорил на XVIII съезде товарищ Сталин: «Советское

общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий¹, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм»².

Крепить и всячески растить движущие силы нашего советского общества и составляет воспитательную задачу преподавателей истории, как и всех остальных педагогов.

Задачи воспитательной работы в курсах истории на будущий год состоят во всемерном развитии и укреплении советского патриотизма. Этому поможет ознакомлению учащихся с учением большевиков о двух родах войн: справедливых, которые поддерживали и поддерживают рабочие и крестьяне, и несправедливых, против которых всегда боролись и борются рабочие и крестьяне.

Надо уделить большее внимание в курсе истории СССР преподаванию истории народов СССР. Надо помочь учителям Западной Украины и Западной Белоруссии поднять на должную высоту преподавание истории в местах, где миллионы наших единокровных братьев — украинцев и белоруссов — освобождены с помощью нашей героической Красной Армии от ненавистного, подлого панского ига.

¹ То есть противоречий эксплуататорского общества — противоречий между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками. — А. Ф.

² И. Сталин «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)», стр. 36 — 37.

Надо на примере героической борьбы народов СССР в прошлом, на примере созданных ими неуязвимых памятников искусства, их совместного социалистического строительства крепить и растить дружбу народов СССР, этот нерушимый фундамент силы нашего социалистического государства.

В основу изучения советского периода истории СССР в X классе надо положить сталинское учение о развитии нашего социалистического государства, о диктатуре рабочего класса при социализме. Надо показать коренное, принципиальное отличие нашего советского общества от любого капиталистического общества, где нет и не может быть морально-политического единства общества, так как там «общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения»³.

Изучение истории и должно показать ученикам, как в результате долгой, непрерывной борьбы угнетенных классов во всех классовых антагонистических обществах прошлого были подготовлены условия для пролетарской революции, как в результате Великой Октябрьской социалистической революции в жесточайших классовых боях было создано современное советское социалистическое общество, где «нет больше антагонистических враждебных классов, где эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества»⁴.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Там же.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ ПО ИСТОРИИ

1. ОБ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕНИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Вопрос о самостоятельной работе учащихся на уроках истории в старших классах теснейшим образом связан с вопросом о характере ученических записей.

Подавляющая масса учащихся в старших классах стремится вести сплошную, дословную запись, стараясь записать как можно больше фактов и сведений, сообщаемых учителем. В результате таких записей сплошь да рядом искажается смысл того, что сказано учителем, путаются факты, неправильно записываются имена и термины. Учащиеся «некогда» взглянуть на доску, чтобы правильно списать наименование: они пишут «с голоса».

Но даже при отсутствии этих искажений, даже при условии сравнительной доброкачественности записанного материала сплошная запись всего, что рассказано учителем, ведет нередко к тому, что и в 10-м классе при ответе получается пассивный пересказ урока «слово в слово», а это совсем не то, что требуется от оканчивающего среднюю школу.

Каковы причины этих ненормальных явлений?

Основная причина в том, что при отсутствии учебника по истории ученическая тетрадь является одним из основных пособий, что приводит к стихийному стремлению учащихся сделать это пособие наиболее полным.

Второй причиной является неумение учащихся вести конспект, неумение работать по конспекту.

Между тем умение вести краткую запись, правильно составить конспект имеет большое значение для будущей работы выпускника и на вузовской скамье и на практической работе.

Выработка этих навыков является поэтому одной из важнейших обязанностей средней школы.

Появление школьного учебника по истории не снимает этих обязанностей с преподавателей школы, а лишь поднимает их качественное исполнение на более высокую ступень: рабочая тетрадь по истории примет иной вид, получит иное содержание и несколько иное назначение, но оста-

нется необходимым элементом классной и домашней работы. Прочные навыки самостоятельного конспектирования попрежнему будут оставаться составной частью обязательных культурных навыков, которыми должна обладать советская молодежь, кончающая школу.

Уже в настоящее время наличие такого замечательного источника, как «Краткий курс истории ВКП(б)», широкое использование произведений Ленина и Сталина в курсе 10-го класса позволяют по-новому ставить вопрос о характере ученической записи и усилить методическое руководство этой записью со стороны учителя-историка.

Необходимым и обязательным при любых условиях этапом этого руководства является, с нашей точки зрения, работа учителя над организацией записи учащихся. Учитель прежде всего сообщает учащимся план и четко сформулированные заголовки пунктов плана. Разговоры о том, что учащиеся 10-х классов необязательно давать план урока, являются, повидимому, остатком левацких теорий, снижающих руководящую роль учителя. План нужно давать потому, что он организует и систематизирует самостоятельную запись учащихся.

Нужно также требовать от учащихся выполнения некоторых элементарных правил записи: подчеркивания заголовков плана в тексте записи, оставления широких полей для возможных исправлений и дополнений, а также для вынесения важнейших дат, имен, терминов и соответствующих страниц из сочинений Ленина и Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)».

При составлении конспекта следует избегать сплошной, нерасчлененной записи, во всю строку и во всю страницу. Целесообразно выделять главное путем подчеркивания, а перечень исторических фактов или цифровые данные писать столбиком. Это поможет потом быстро ориентироваться в записи.

Конспект нужно записывать сразу начисто, не тратя времени на домашнее переписывание целых тетрадей. Однако необходимо дома несколько отредактировать свою запись, внося те или иные дополнения и исправления. И лучше всего делать

это в тот же день, когда содержание урока еще свежо в памяти.

Целесообразно коллективное редактирование записей группой учащихся после уроков: оно обычно занимает не более 5—10 минут, в течение которых учащиеся проверяют правильность записей друг у друга и вспоминают пропущенное.

Целью не подчеркнуть, что методическое руководство записью учащихся требует постоянной и упорной борьбы с укрепившейся среди школьников вредной привычкой дословной письменной записи.

Простейшим способом подведения учащихся к сознательной домашней работе над своей записью является использование схематических планов или схематических карт, зарисованных в ученической тетради.

Рассказывая об июньском восстании пролетариата в 1848 году, преподаватель чертит на доске схематический план Парижа; учащиеся воспроизводят этот план в тетрадях; следя за рассказом учителя, они наносят на свой план красные стрелки, указывающие движение основных сил восставших к центру города, к ратуше, а синими стрелками обозначают продвижение войск Кавеньяка от набережных мимо Тюильрийского дворца к ратуше и отсюда к предместьям.

Эта работа отвлекает учащихся 8-го класса от пассивной дословной записи: они успевают сделать лишь краткие заметки о ходе восстания.

На следующем уроке часть учащихся чувствует себя растерянно, так как у них почти нет записи по пункту «ход восстания». Но многие учащиеся, пользуясь схемой, восстановили в памяти рассказ учителя и записали его дома.

Работу со схемой полезно проделать и в классе, не прибегая к домашним записям. Отстающим ученикам дают их тетради с нанесенными в них схемами и предлагают им, пользуясь схематическим планом Парижа, рассказать подробнее о ходе восстания. Первый опыт может оказаться не вполне удачным, но в дальнейшем можно, безусловно, добиться активной домашней работы учащихся над схематической картой и приучить учеников свободно и связно рассказывать о ходе событий по схеме. Такой рассказ уже не будет дословным пересказом.

Применение схем, диаграмм, цифрового материала помогает избегать дословной записи, активизирует домашнюю и классную работу учащихся, организует их рассказ и подводит их к ведению сжатого конспекта.

Следующим приемом активизации работы учащихся над записью является частичное перенесение записи материала урока уже в самостоятельной работе надом.

Например, закончив анализ ленинского текста в классе, преподаватель предлагает ученикам оставить в своих записях пустой промежуток и дома вписать только что изученный в классе отрывок. На полях учащиеся помечают том и нужные им страницы в сочинениях Ленина. Они сами должны отыскать это место, отобрать цитату, вписать ее.

Самостоятельный подбор и изучение по заданию учителя цифр, таблиц и других материалов из произведений Ленина, Сталина (например из ленинских трудов «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма») также являются методом активизации ученических записей и формами самостоятельной работы учащихся в старших классах.

Нужно стремиться к тому, чтобы место сплошной, нерасчлененной записи лекции преподавателя заняла справочная запись такого рода: план урока, отмеченный особыми подчеркнутыми заголовками, краткая запись событий, имена и даты. На полях указание на первоисточники (соответствующие страницы из произведений Ленина, Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)», самостоятельно сделанные дома выписки из этих источников, цитаты, отрывки, выводы, обобщения, схемы, цифровые данные, хронологические таблицы, диаграммы, вырезки из газет, самостоятельно по заданию преподавателя законспектированные отрывки из статей, из «Краткого курса истории ВКП(б)» и пр.

С помощью всех этих материалов ученик дополняет, уточняет и осваивает краткую запись, сделанную им в классе.

Только такая тетрадь по истории является показателем самостоятельной и сознательной работы учащихся над историческим материалом.

Только такая запись может стать ценным пособием для учащихся.

Ведение такой записи указывает на тесную связь классной и домашней работы учащегося.

2. ЗАДАНИЯ НАДОМ И САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДОМАШНЯЯ РАБОТА УЧАЩИХСЯ ПО ИСТОРИИ

Организуя домашнюю работу учащихся, преподаватель истории ставит своей задачей: во-первых, помочь учащимся закрепить знания, полученные на уроке, пополнить, расширить их с помощью дополнительных материалов и, во-вторых, провести частично самостоятельную подготовку к следующему уроку.

Домашняя работа учащихся есть по своему характеру своему самостоятельная

работа. Регулярное выполнение этой работы имеет, кроме учебного, и огромное воспитательное значение.

Остановимся кратко на методах разрешения каждой из этих задач в отдельности.

Приемы по закреплению знаний учащихся сводятся к следующему:

1) Приведение учеником в порядок своих записей и их проверка.

2) Использование схем и планов, зарисованных в классе. Задание: дорисовать, раскрасить для большей ясности схему (план), обдумать по схеме содержание урока (ход восстания, ход сражения и т. д.).

3) Составление плана прослушанного урока, придумывание заголовков пунктов плана. (Такая работа по систематизации записей самими учащимися применяется изредка в 9-х и 10-х классах. Как правило, план дает сам учитель.)

4) Обращение к первоисточникам: дополнение записей соответствующими выдержками из сочинений Ленина и Сталина, разобранными в классе.

5) Завершение начатой в классе работы по составлению тезисов; окончание синхронистической таблицы.

6) Самостоятельное изучение по указанию преподавателя ряда дополнительных материалов по вопросу, разобранному в классе (использование цифрового материала, текста произведений Ленина, Сталина и другой рекомендуемой литературы).

Примером домашнего задания, дополняющего классную работу, может служить следующее задание. После урока на тему «Столыпинская земельная реформа» учащиеся должны дома прочесть статью Ленина «К вопросу об аграрной политике современного правительства» (том XVI, стр. 449—451 и 455—460) и сделать в свои тетради три кратких выписки:

1) О повороте в правительственной земельной политике после революции 1905 года.

2) О цели новой аграрной политики Столыпина.

3) О результатах его «реформирования» (см. стр. 450—451).

Для более сильных учащихся можно рекомендовать самостоятельную работу над статьей Ленина «Последний клапан» (том XVI, стр. 87—91), с заданием ответить на вопросы:

1) Почему статья Ленина названа «Последний клапан»?

2) Почему столыпинская аграрная реформа не может уничтожить кабалу и отработки?

Возьмем другой пример домашнего задания для закрепления и дополнения материала, пройденного на уроке по теме

«Третьеиюньская монархия». Учащиеся должны прочесть статью Ленина «Политические партии в России» (том XV, стр. 479—487) и сделать из этой статьи краткие выписки с характеристикой думских партий: черносотенцев, октябристов и кадетов (не более обычной тетрадной страницы в общей сложности) — в дополнение к своим классным записям.

Таким образом, закрепление и дополнение материала, пройденного в классе, связывается в 10-м классе с сознательной обработкой ученической записи, с большой самостоятельной работой над произведениями Ленина, Сталина.

Выход в свет учебника по истории освобождает учащихся от необходимости вести постоянную запись материала урока и открывает возможности для более углубленного изучения произведений классиков марксизма и других материалов.

Центром работы по закреплению материала станет учебник, а не ученическая тетрадь.

Огромную роль сыграл в истекшем учебном году выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Книга эта, являясь образцом классического изложения и демонстрирования на фактах основ марксизма-ленинизма на высоком теоретическом уровне, требует от учителя, как правило, большой предварительной классной работы с учащимися над сжатыми, теоретически насыщенными формулировками текста «Краткого курса истории ВКП(б)». Отдельные страницы «Краткого курса» могут быть изучены школьником выпускного класса в качестве учебного материала для закрепления пройденного в классе.

Изложение хода событий февральской революции 1917 года (стр. 168—169) по своей простоте, ясности, сжатости, политической отчетливости представляет собой образец того, каким должен быть текст учебника по истории для старших классов.

И таков весь «Краткий курс истории ВКП(б)». В истекшем учебном году многие преподаватели, работавшие с выпускными классами, использовали как материал для закрепления пройденного следующие страницы «Краткого курса истории ВКП(б)»:

143—150 (О газете «Правда» и о работе большевиков в Государственной думе).

191—199 (Разгром корниловского мятежа. Подготовка и проведение Октябрьской социалистической революции).

287—289 (Международная обстановка в 1930—1934 годах) и многие другие.

Переходим к вопросу о домашней работе учащихся в плане самостоятельной подготовки нового материала к следующему уроку.

При наличии учебника по истории для старших классов этот вид самостоятельной домашней работы учащихся найдет широкое место. Преподаватель будет избавлен от необходимости сплошного словесного изложения всего материала урока. Он получит возможность детально остановиться на немногих сложных вопросах темы. Остальную, менее сложную часть материала учащиеся смогут разработать к следующему уроку самостоятельно по тексту учебника.

Такого рода подготовка имеет большое значение, так как эта работа подготавливает учащегося к восприятию рассказа учителя на следующем уроке, активизирует подготовку к уроку, вводя в нее новый материал, еще не разобранный в классе учителем, приучает сочетать материал рассказа учителя с материалом учебника, повышая тем самым уровень сознательного усвоения курса.

При отсутствии учебника для старших классов преподаватель имеет возможность развернуть эту работу в выпускных классах на классическом материале произведений Ленина, Сталина и текста «Краткого курса истории ВКП(б)».

Систематическая домашняя работа учащихся выпускных классов над произведениями Ленина, Сталина должна быть распланирована таким образом, чтобы учащиеся в результате равномерных домашних занятий в течение всего учебного года изучили основные произведения классиков марксизма, предусмотренные планом учебной работы 10-го класса, а в конце года имели бы возможность кратко повторить и подытожить результаты этих занятий.

Начальной ступенью этой системы домашних заданий может служить простейшая форма самостоятельной домашней работы над классическим текстом: чтение небольшой статьи или отрывка и самостоятельный разбор его с помощью ряда руководящих вопросов, заданных учителем.

В истекшем учебном году мы применяли, например, такую форму задания по тексту «Краткого курса истории ВКП(б)».

После ознакомления учащихся с борьбой партии против Иудушки-Троцкого, ознакомления с героической деятельностью большевиков в годы столыпинской реакции (деятельность товарища Сталина в 1907—1912 годах, борьба Ленина против махистов и т. д.) учитель дает задание надом.

Учащиеся должны изучить по «Краткому курсу истории ВКП(б)» вопрос об

оформлении большевиков в самостоятельную марксистскую партию.

Для этого нужно:

1) Прочитать по «Краткому курсу» стр. 134—136 (до Пражской конференции).

2) Вспомнить материал прошлых уроков: значение и основное содержание ленинских трудов: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

3) Ответить на вопросы:

а) Почему к 1912 году стал необходимым немедленный и полный разрыв с меньшевиками?

б) Для чего необходимо было создание самостоятельной большевистской партии?

в) Какая партия нужна пролетариату?

г) Как такая партия была подготовлена теоретическими трудами Ленина и какими именно?

Выполнение этой работы дает возможность учителю развернуть следующий урок в форме повторения и обобщения материала целого ряда уроков по истории революции 1905 года и столыпинской реакции. Такого рода задание заставляет учащихся задуматься над вопросами марксистско-ленинской теории, привести в связь свои знания материала различных отрезков курса (период 1902—1904 годов, революции 1905 года и т. д.). Такое задание особенно хорошо подготовленному классу.

Аналогичное задание дается по 1-му ленинскому «Письму из далека» (т. XX, стр. 13—20).

Учащиеся получают это задание после урока о февральской революции 1917 года и, прочитав это письмо, готовят ответы на следующие вопросы (по ленинскому тексту):

1) Каковы две причины «быстроты» завершения первого этапа русской февральской революции?

2) В чем Ленин видит международное значение февральской революции? (стр. 15 и стр. 20).

3) Какие два противоположных потока снесли романовскую монархию?

4) Почему Временное правительство оказалось буржуазным правительством?

5) Борьба каких трех сил определяет, по Ленину, переход ко второму этапу революции?

6) Какие задачи Ленин выдвигает перед рабочими в первую очередь?

7) Почему Временное правительство не могло дать стране ни мира, ни хлеба, ни свободы?

Письменные ответы были не обязательны, учащимся разрешено было огра-

ничиться краткими заметками по каждому вопросу.

Проверка выполнения задания велась в форме вызова отдельных учащихся; остальные вносили поправки, дополнения и уточнение формулировок.

Следующей ступенью работы над классическим текстом является составление краткого плана и тезисов. Подготовку к такой работе мы начинаем на уроке в классе, проводя вместе с учащимися углубленное изучение текста. Так, анализ предоктябрьской обстановки в условиях назревшего осенью 1917 года политического кризиса мы строим на основе ленинского «Письма к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (т. XXI, стр. 321—325). При изучении в классе этого произведения с учащимися была проведена работа по составлению конспекта-плана этого произведения, которая помогала учащимся выпускного класса вырабатывать навыки самостоятельной работы над ленинским текстом.

Большинство учащихся по указанию преподавателя заранее приобрело XXI том сочинений Ленина, и поэтому учитель смог ознакомить учащихся с новой для них, чрезвычайно экономной формой работы над текстом. Разбирая ленинский текст вместе с учителем, учащиеся подчеркивали по его указанию отдельные места таким образом, чтобы подчеркнутая часть текста составила в целом как бы краткий конспект этой статьи.

Затем учащимся в качестве домашнего задания было предложено еще раз внимательно изучить «Письмо к товарищам большевикам...», составить план этого письма в виде немногих кратких тезисов так, чтобы каждый тезис имел характер довода в пользу необходимости вооруженного восстания.

В результате такой работы учащиеся получают ответ на вопрос, почему Ленин настаивал на вооруженном восстании именно в октябре 1917 года. Вместе с тем составленные ими тезисы являются сжатой характеристикой политического положения в стране осенью 1917 года, т. е. предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

В дальнейшем учащиеся переходят к более самостоятельному составлению кратких планов содержания статьи Ленина или Сталина, без предварительной кропотливой подготовки в классе.

Опыт самостоятельного составления учащимися 10-х классов тезисов по классическому тексту мы проводили в истекшем учебном году на материале речи товарища Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года — «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства».

Учащиеся должны были изложить содержание речи товарища Сталина в форме кратких тезисов, характеризующих изменившуюся обстановку и условия хозяйственной работы, с одной стороны, и новые задачи, отсюда вытекающие, с другой стороны.

Формулировку первого из этих тезисов, касающегося изменившихся условий обеспечения предприятий рабочей силой, учащиеся вырабатывают в классе под руководством преподавателя.

Формулировку соответствующей задачи полностью берем из речи товарища Сталина.

Дальнейшую работу учащиеся проводят дома.

Проверку выполнения задания учитель ведет аналогично описанной выше проверке задания по ленинским «Письмам из далека»: учащийся по вызову преподавателя читает свою формулировку; другие сообщают свои варианты, вносят дополнения; идет оживленная работа; учащиеся уточняют, исправляют свои записи и т. д.

Примерно так мы работали над статьей товарища Сталина «Год великого перелома» и др.

Третья стадия работы наиболее сложная: самостоятельное конспектирование ленинских статей, политических докладов товарища Сталина и «Краткого курса истории ВКП(б)».

Преподаватель разбирает в классе план доклада Ленина на IV конгрессе Коминтерна (т. XXVII, стр. 338—341) и, пользуясь одновременно текстом самого доклада (стр. 345—355), показывает учащимся, как надо составлять план, конспект.

* * *

Работа над классиками марксизма, над ленинским и сталинским текстами, над страницами «Краткого курса истории ВКП(б)» по самому содержанию своему оказывает огромное воспитывающее влияние, развивая революционное мировоззрение учащегося, помогая ему овладеть большевизмом, воспитывая в нем сознательную любовь к великому народу Советского Союза и ненависть к его врагам.

ЗАПИСЬ В ТЕТРАДЯХ ПО ИСТОРИИ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

(Из опыта преподавания истории в 6 и 7-х классах 1-й школы Петроградского района Ленинграда)

Необходимость закрепления знаний по истории вследствие отсутствия учебника заставляет учителя особенно серьезно продумать вопрос о правильной организации записи.

Те формы записи, о которых я рассказываю ниже, выработались на практике ряда лет работы без учебника и применяются всеми учителями 1-й школы Петроградского района. Применение этих форм записи я показываю на примерах своей работы. Запись в исторических тетрадях должна быть четкой, краткой, дающей возможность ученику восстановить и закрепить в памяти основное содержание урока: конкретные исторические факты в их хронологической последовательности, имена, даты, характеристики исторических явлений и деятелей.

В нашей школе учителя истории пользуются следующими видами записи:

1. План развернутый.
2. План краткий.
3. Таблицы и схемы по содержанию урока.
4. Календарь хода событий.
5. Хронологические и синхронистические таблицы.
6. Картографические и графические формы записи.
7. Запись выводов.
8. Запись выдержек из первоисточников и высказываний классиков марксизма-ленинизма.

Развернутым планом пользуются в тех случаях, когда нельзя применить других видов записи. В этот план включаются исторические названия, даты, имена и события в их историко-хронологической последовательности. Вот пример такого развернутого плана.

Урок: Спартак.

План:

1. Причины восстания Спартака.
2. Характеристика личности Спартака.
3. Повод к восстанию. Бегство на гору Везувий (лето 74 года до нашей эры).

4. Вожди восставших: Спартак, Крикс и Эномай.

5. Захват восставшими Кампаньи в 73 году до нашей эры.

6. Организация и вооружение восставших.

7. Наступление Спартака (73—71 годы до нашей эры):

- а) победоносный поход на север,
- б) поход на юг и попытки переправы в Сицилию,
- в) поход в Брундизиум.

8. Разгром восстания Спартака 71 года до нашей эры.

9. Причины поражения.

Для того чтобы запись не была механической, я записываю пункты этого плана по мере развития моего рассказа.

Тогда, когда используются другие формы записи, дается краткий план. Привожу пример записи плана на уроках по теме «Греко-персидские войны».

Урок 1: Начало войны.

План:

1. Господство персов в Малой Азии.
2. Поход Дария I против скифов.
3. Восстание малоазиатских греков.
4. Поход Мардония.
5. Подготовка Афин к новой войне. Фемистокл и Аристид.

Урок 2: Нашествие Ксеркса.

План:

1. Подготовка персов к новому походу.
2. Бой в Фермопильском ущелье.
3. Саламинский бой.
4. Битва при Платее и Микале.
5. Окончание войны.

Записи двух этих планов подробны, но они не содержат хронологических дат и не дают характеристики событий.

В отличие от развернутого плана этот краткий план записывался в начале урока. Ученики оставили место в тетрадях для записи второго плана и заранее разлиновали рамку для календаря событий, который занесли в ходе моего рассказа.

Календарь хода событий по теме „Греко-персидские войны“

Годы	События	Исход событий
513 год до нашей эры	Поход Дария I на скифов	Бегство Дария с остатками войска
500 год до нашей эры	Восстание малоазиатских греков	Победа персов. Разорение Милета
492 год до нашей эры	Поход на греков под начальством Мардония	Гибель флота в пути из-за бури. Возвращение войска
491 год до нашей эры	Требование Дарием I от греков „земли и воды“	Убийство послов в Спарте и в Афинах
490 год до нашей эры	Марафонская битва	Победа греков под начальством Мильтиада
480 год до нашей эры	Саламинский бой	Блестящая победа греков
479 год до нашей эры	Бой при Платее и у мыса Микале	Победа греков. Перенос военных действий на побережье Малой Азии
469 год до нашей эры	Битва в устье реки Эвримедонт	Победа греков. Конец войны

Иногда, кроме плана урока, полезно дать таблицу по содержанию. Такая таблица давалась в уроке «Солон и его реформы».

План:

1. Положение афинского демоса.
2. Недовольство господством эвпатридов.
3. Законодательство Дракона.
4. Рост долговой кабалы.
5. Солон и его реформы (594 год до нашей эры):
 - а) уничтожение долговой кабалы,
 - б) политическая и военная реформа Солона.
6. Классовая борьба после реформы.

Но одной записи плана в этом уроке недостаточно, так как при прохождении реформ Солона особенно трудным является вопрос классовой структуры общества древней Аттики.

Для лучшего понимания этого вопроса с учащимися разбиралась следующая схема:

Классовый состав общества Аттики

СОСТАВ ОБЩЕСТВА		
Свободные афинские граждане	Метеки	Рабы
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА		
Политические права в зависимости от имущественного положения	Не имеют избирательных прав	Лично и политически бесправны

До рассказа о реформах Солона разбиралась первая половина схемы—«Состав общества». В конце урока, после рассказа о реформах, разбиралась вторая половина схемы—«Политические права». При рассказе о реформах записывалась таблица. (См. стр. 126).

На основе рассмотренных таблиц и схемы уже нетрудно было показать классовую сущность реформ Солона.

Формы таблиц могут быть самыми различными, в зависимости от содержания самого урока.

Привожу еще один пример записи таблицы на уроке о Гракхах. Целью этой таблицы было показать, в интересах каких общественных групп проводили законодательство Гракхи.

Законы Гракхов

З а к о н ы	В чьих интересах
Земельный закон Тиберия	Крестьянства
Законы Кая Гракха: хлебный закон	Люмпен-пролетариев
Судебный закон	Всадников
Закон о провинции Азии	Всадников
Закон о колониях	Беднейшего крестьянства
Закон о союзниках	Итальянского крестьянства

В уроке «Перикл и расцвет рабовладельческой демократии», кроме записи пла-

Политическая и военная реформа Солона

Разряд	Названия разрядов	Ценз в медимнах	Военные обязанности	Политические права
I	Пентакосиомедимны (пятисотмерники)	500	Конница	Право избрания в архонты, в совет 40 и во все другие учреждения
II	Всадники (трехсотмерники)	300		
III	Зевгиты (двухсотмерники)	200	Гонлиты	Право избрания в совет 400 и суд присяжных. Участие в народном собрании
IV	Феты	Меньше 200 медимнов	Легковооруженная пехота	Право участия в суде и в народном собрании

на, записывалось содержание реформ. Вот образец этой записи.

Реформы Эфиальта (462—461 годы до нашей эры).

Уничтожение политической власти ареопага, превращение его в суд по уголовным делам.

Реформы Перикла (445—430 годы до нашей эры).

1. Всеобщее избирательное право для свободного мужского населения Аттики.

2. Органы власти:

- а) народные собрания (эклесия),
- б) суд присяжных (гелиэя),
- в) совет пятисот.

3. Занятие государственных должностей путем жребия.

4. Вознаграждение за несение государственных обязанностей.

При окончании тем и подтем мы составляем хронологические и синхронистические таблицы.

Составление синхронистических таблиц чрезвычайно важно для закрепления знаний тогда, когда курс истории проходит по странам. Синхронистическая таблица дает возможность проследить исторические события, происходившие в одно и то же время в ряде стран.

Поэтому такие таблицы чрезвычайно облегчают работу учителя над закреплением знаний в таких курсах, как история стран Древнего Востока и курс истории средних веков.

Составление этих таблиц проводилось нами как на уроках, так и путем домашнего задания учащимся с последующей проверкой.

Следующие записи, на которых я хочу остановиться, — высказывания классиков марксизма-ленинизма. Записывала я особо важные высказывания, дающие характе-

ристику и оценку исторических событий или деятелей.

Так, в уроке о Спартаке записывались слова Маркса из письма к Энгельсу от 27 февраля 1861 года:

«Спартак является самым лучшим человеком всей древней истории. Крупный полководец... благородный характер, истинный представитель древнего пролетариата» (Маркс и Энгельс «Письма», стр. 119. Соцэкгиз. 1931).

В уроке «Революция рабов и гибель Западной Римской империи» записывались слова товарища Сталина из «Речи на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников»: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 527).

На уроке о «Рабстве в ремесле и земледелии» используется цитата из работы Ленина «О государстве»: «...рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми» (Ленин. Т. XXIV, стр. 370).

Эти указания Ленина и Сталина я записывала в классе после того, как они были разобраны и поняты учениками.

Учителями нашей школы, а также и мной проводились и картографические формы записи. Они производились следующим образом: на контурной карте ученик в классе или в порядке домашнего задания дома наносил названия городов, рек, отмечал пути военных походов, иногда составлял схемы, диаграммы и планы.

Вот перечень таких картографических и графических работ.

По теме «Греция»:

1. Карта Греции с делением ее на области.
2. План Кносского дворца.

3. Нанесение на карте центров крито-микенской культуры.

4. Карта персидских походов.

5. План сражения при Фермопилах и Саламине.

6. Диаграмма количества рабов в Афинах.

7. Карта Аттики с делением ее на три-тии.

По теме «Рим»:

1. Карта Италии.

2. Схема военных дорог вокруг Рима.

3. План римского военного лагеря.

4. Карта Пунических войн.

5. Карта походов Спартака и т. д.

Картографические и графические работы способствуют лучшему пониманию истории и закреплению событий в памяти учащихся.

Например, если ученик дома рисует карту Аттики с разделением ее на филы по

реформам Клисфена, он тем самым в процессе работы над картой запоминает, что Клисфеном было введено новое территориальное деление Аттики на 10 фил взамен прежнего родового деления на 3 филы. Картографическая запись помогает ему понять, что реформы Клисфена сломали власть старой родовой аристократии в Аттике.

Опыт работы показывает, что эти виды записи при отсутствии учебника помогают закреплению знаний.

В своей статье я привела примеры записей на моих уроках. Аналогичные формы записи применяются всеми учителями нашей школы. Повидимому, формы таких записей могут быть самыми разнообразными. Здесь большое поле деятельности для творчества учителя.

Возможно, что у других учителей есть более интересные и целесообразные формы записи. Интересно было бы обменяться с ними опытом на страницах журнала.

А. Аренштейн

В. К. КУРНАТОВСКИЙ

История партии Ленина—Сталина знает много славных имен замечательных большевиков, чья героическая жизнь была отдана борьбе за торжество пролетарской революции.

На заре развития революционного движения, в бурные дни революции 1905 года, в глухие годы реакции эти люди преданно и непоколебимо несли великое знамя нашей партии и умирали на боевом посту.

К числу этих героев принадлежит и Виктор Константинович Курнатовский, «подготовленный, образованный марксист, крепкий и последовательный сторонник ленинской «Искры». Так говорит о нем тов. Л. П. Берия, таким его узнали в 1900 году товарищи Сталин, Ладз Кецховели и А. Цулукидзе. Приехав в Тифлис, Курнатовский оказал немалую помощь «грузинским социал-демократам в деле проведения ленинско-искровской линии» (Л. Берия).

В. К. Курнатовский родился 23 мая (6 июня) 1868 года в Риге.

Учился он в рижской гимназии, потом вместе с семьей переехал в Петербург. Там перешел в 8-й класс и, окончив гимназию, сразу же поступил в университет.

В юности мировоззрение Курнатовского складывалось и формировалось под влиянием народнической идеологии. С 16 лет он начинает искать «оправдание» жизни и пути борьбы с окружающей мрачной действительностью. Юноша вступает в «Союзную студенческую организацию», которая примыкала к «Народной воле». В 1887 году он впервые «знакомится» с полицией. Это произошло после казни старшего брата Владимира Ильича — Александра Ульянова. Полиция начала «расчищать» столицу. Студентов, участвовавших в каких бы то ни было кружках, высылали из Питера. Выслали на родину — в Ригу — и Курнатовского. Через год, сбегав из-под надзора, Курнатовский переехал в Москву и поступил в университет. Здесь он занимается с рабочими, начинает изучать Маркса. Ошибки народников заставляют его внимательно продумывать свой будущий революци-

онный путь. Полиция вскоре нападает на его след... В донесении в Жандармское управление сообщается, что «студент естественного факультета Московского университета Курнатовский, разыскиваемый С.-Петербургским жандармским управлением», арестован. Дело, начатое о нем в 1889 году Московским охранным отделением, завершается высылкой Курнатовского за принадлежность к «Народной воле» в Шенкурск, Архангельской губернии.

...Далекий север... Снег и пурга. Лучина и книги... Всепобеждающая молодость и уверенность в правильности избранного пути. Курнатовский усиленно работает над трудами Маркса, Энгельса, знакомится с ссыльными социал-демократами и возвращается из ссылки, окончательно излечившись от народовольческих иллюзий.

В октябре 1892 года Курнатовскому удается выехать за границу. Он поступает в Цюрихский политехнический институт. В 1893 году знакомится с Плехановым, с группой «Освобождение труда». Перед Курнатовским разворачивается жизнь революционера. Как член группы «Освобождение труда», он участвует в работах конгресса II интернационала в Цюрихе, поддерживает связь с русским социал-демократическим подпольем, ведет большую организационную работу.

Жандармерия продолжает преследовать Курнатовского. Он числится в списке разыскиваемых на всей территории Российской империи. В жандармскую сводку, написанную позднее, при его аресте в Тифлисе, вошли сообщения о деятельности Курнатовского в Цюрихе, о связях его с Россией. В частности его разыскивало Херсонское жандармское управление. По донесению агентуры охраны, Курнатовский передавал «некому лицу» литературу: «Подпольная Россия» Степняка, «Материалы для революционного дела Людвига Фейербаха», «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма» Энгельса¹. Позднее имя Курнатовского фигурирует в

¹ Сообщение начальника Херсонского жандармского управления.

материалах Особого совещания, в донесениях провокатора Азефа.

Окончив Цюрихский политехнический институт с дипломом инженера-химика, Курнатовский заручился рядом связей и явок для продолжения революционной работы в России и выехал на родину. О дне его прибытия было заранее сообщено в Жандармское управление, и едва лишь Курнатовский переступил границу, как был арестован. Из Цюриха он попал прямо... в Восточную Сибирь.

Восточная Сибирь, Енисейская губерния, Минусинский уезд, село Шушенское — адрес ссылки Курнатовского.

Владимир Ильич Ленин, П. Н. Лепешинский и другие — товарищи Курнатовского по этой ссылке.

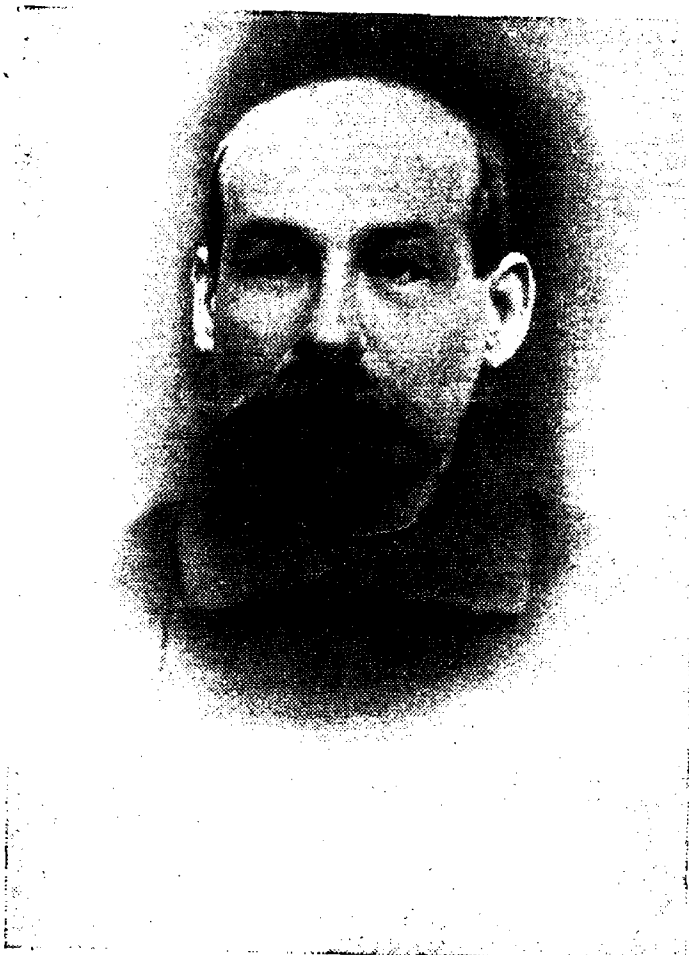
Очень много значило для Курнатовского то, что он находился рядом с Ильичем в течение трех долгих сибирских лет. Быть с Лениным — это значило быть в первых рядах борцов за знамя Маркса, за чистоту марксистской научной мысли. Быть с Лениным — это значило научиться владеть самым острым оружием — марксистской революционной теорией.

Владимир Ильич находился в селе Шушенском с 20 мая 1897 года до 11 февраля 1900 года. Курнатовский почти все время своего пребывания в ссылке проводил в близлежащих селах и в самом Шушенском. Он участвовал в подписании ленинского «Протеста русских социал-демократов», протеста 17 ленинцев против «кредо» Прокоповича и Кусковой — этого манифеста экономизма. Курнатовский навсегда становится последовательным ленинцем, проводником ленинских идей.

В середине 1900 года, освобожденный из ссылки, Курнатовский уезжает в Воронеж, оттуда направляется в Тифлис (Тбилиси), где по заданию партии продолжает революционную работу.

В Тифлисе Курнатовский нашел уже сложившуюся центральную социал-демократическую группу под руководством юного Иосифа Джугашвили (товарища Сталина), Ладо Кецохели, Александра Цулукидзе и передовых тифлиссских рабочих: Ваню Стурца, М. Бочоридзе, З. Чодришвили и других. Курнатовский — активный деятель русского революционного движения, крупный революционер, прошедший две ссылки, архангельскую и енисейскую, крепкий и непримиримый марксист — оказал грузинским социал-демократам большую помощь в проведении ленинско-искровской линии.

В Тифлисе в течение последних лет XIX столетия шла упорная борьба революционной марксистской группы, входившей в социал-демократическую организацию «Месаме-даси» и бывшей в «меньшинстве»,

В. К. Курнатовский.

с так называемым «большинством» «Месаме-даси», оппортунистами, искажавшими основы революционного марксизма. «Месамедасисты» из «большинства» всеми силами старались удержать рабочих Закавказья от политических выступлений, приспособить учение Маркса к интересам буржуазно-капиталистического развития и буржуазного национализма. Лидером оппортунистического «большинства» был Ной Жордания, будущий меньшевик и предатель рабочего класса.

За революционной марксистской группой пошли все сознательные рабочие Тифлиса, а затем Баку и Батума (Батуми). На всех предприятиях организовались нелегальные рабочие социал-демократические кружки. «Только у одного товарища Сталина их было более восьми»¹. Вместо беззубой оппортунистической «Квали» появились яркие и страстные сталинские прокламации и листовки, появилась подпольная марксистская литература. Революционная группа — будущий Тифлиссский социал-демократический комитет — готовила выпуск своей подпольной газеты. В Баку Ладо Кецохели организовывал нелегальную типографию. В Тифлисе буквально не проходило дня без забастовки — настоящей политической забастовки на фабриках и мелких предприятиях. В авгу-

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 21. Госполитиздат. 1938.

Протест семнадцати.

С картины Смиряева.

сте 1900 года прошла под руководством товарища Сталина и при активном участии М. И. Калинина крупнейшая забастовка в железнодорожных мастерских.

В этой забастовке участвовало 4 тыс. рабочих.

В атмосфере такой напряженной и горящей борьбы появление Курнатовского было встречено радостно. Виктор Константинович немедленно включился в работу социал-демократической группы. Под руководством товарища Сталина и В. Курнатовского тифлиссские социал-демократы провели огромную работу по подготовке к этой демонстрации. Надежды Ноя Жордания на помощь «месамедасистам» со стороны вновь прибывших русских ссыльных оказались напрасны.

Курнатовский занимался с несколькими рабочими кружками, вел повседневную пропагандистскую революционную работу, работу, знакомую и привычную, ставшую для него профессиональной.

Все это происходило, конечно, в обстановке строгой конспирации. Курнатовский — инженер-химик с дипломом Цюрихского политехнического института — как политически неблагонадежный занял скромное место сверхштатного техника-химика на шелководческой станции в Тифлисе, с окладом в 40 рублей. Ушедший из Тифлиссской семинарии сын рабочего обувной фабрики Иосиф Джугашвили работал наблюдателем в Тифлиссской физической обсерватории. В этой обсерватории находилась конспиративная квартира Тифлиссского комитета. Обсерваторию окружали такие «почтенные» учреждения, как Жандармское управление, полицейские участки, Охранное отделение.

В 1901 году в Баку начала работать

подпольная типография. По заданию и под руководством тифлиссской социал-демократической группы и товарища Сталина Ладю Кецхвели организовал эту типографию в труднейших условиях полицейской слежки. Он подготовил к печати первый номер газеты «Брдзола» («Борьба»). Газета «Брдзола» отстаивала теоретические основы революционного марксизма и задачи революционной классовой борьбы пролетариата... обосновывала и развивала ленинскую идею гегемонии пролетариата в российском революционном движении. «Брдзола» указывала, что «...для социал-демократического организационного движения главным средством является широкая агитация и пропаганда революционных идей»¹.

Курнатовский содействовал самой широкой устной и печатной агитации и пропаганде среди рабочих Тифлиса, участвовал во всей работе, которую вела тифлисская социал-демократическая революционная группа. Он видел в среде этой молодежи настоящих марксистов-ленинцев, будущих больших руководителей рабочего движения.

1 Мая 1901 года тифлисская революционная социал-демократия решила отметить Первомайской демонстрацией; впервые на улицы города должны были выйти организованные рабочие, открыто заявить о себе, о своих правах.

Курнатовский деятельно участвовал в подготовке этой демонстрации, в обсуждении плана действий, места сбора и маршрута.

Жандармерия получила через провока-

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 40. Госполитиздат. 1938.

торов сведения о подготовке к еще небывалой в Тифлисе демонстрации и постаралась по возможности «изъять» беспокойные элементы.

Как значилось в жандармских делах, «наблюдением установлено, что Курнатовский, весьма деятельный интеллигент-демократ, посещавший как тайный кружок наборщиков, так и такой же кружок железнодорожных рабочих... 24 февраля был на сходке у наборщика... 11 сего марта, на сходке в Ортачалах, где говорил речь, 17 марта был на сходке в квартире и 18 марта — на сходке на Давыдовской горе... преимущественно на этой сходке была молодежь...»¹.

В ночь на 22 марта 1901 г. тифлиские жандармы произвели ряд обысков и арестов. Они явились в комнатку наблюдателей при Тифлисской обсерватории, где жил молодой «наблюдатель обсерватории Пасиф Джугашвили», и произвели обыск в его отсутствие. После этого товарищ Сталин перешел на нелегальное положение.

Виктора Константиновича Курнатовского жандармы «обнаружили» на его квартире. Профессиональному революционеру всегда приходилось быть готовым к подобному визиту. Курнатовский вел себя спокойно, потребовал, чтобы жандармы составили опись на отбираемые книги, хладнокровно собрал необходимые вещи. Виктор Константинович предполагал, что его отправят в метехскую тюрьму, но туда он попал только через несколько месяцев. Сначала его отправили на тифлисскую военную гауптвахту.

Связи Курнатовского и других ранее арестованных революционеров свидетельствовали о том, что пропагандистская работа социал-демократов ведется не только в железнодорожных мастерских, на тифлисских фабриках, заводах, и в типографиях, но и в солдатских казармах. Агитация и пропаганда в войсках смертельно пугали царское правительство. Поэтому жандармы расправлялись в подобных случаях с революционерами особенно свирепо.

* * *

Курнатовский начал вести однообразную жизнь политического заключенного, уже знакомую по предыдущим отсидкам в «государственном университете», как в шутку называли тюрьму в революционной среде. Изоляция была почти полная. Все связи заключенного с внешним миром тщательно проверялись, в особенности проверялась

¹ Архивные материалы тбилисского филиала ИМЭЛ.

переписка. В деле Курнатовского есть одно письмо без подписи, которое было направлено для «надлежащего химического исследования». В сопроводительной к этому письму жандармский ротмистр писал: «Хотя письмо ничего предосудительного в себе не заключает, но в виду того, что в нем встречаются загадочные выражения и к тому же письмо без подписи, передача его обвиняемому Курнатовскому нежелательна, как упорно к тому же отказавшемуся от всяких показаний».

Письмо это было за подписью «Санчо-Панса». Вероятно, Курнатовский понял бы, что означают фразы: «Суровый север рассердился на меня за измену. За четыре месяца жизни на юге я все время хворал. У меня была лихорадка, плеврит, дизентерия и ревматизм». Все дальнейшее в письме было ясно и без химического анализа: «Промышленный кризис очень сильно отразился на механическом производстве. Заводы везде стоят, и куда ни придеши, говорят: «не нужно». Но как бы долго ночь ни длилась, рассвет наступит»².

Письмо Курнатовскому не передали.

Такие заключенные, как Курнатовский, были для жандармов и тюремного начальства источником сплошных огорчений. Жандармы ничего не могли добиться от профессиональных революционеров-большевиков, отказывавшихся давать показания, презрительно относившихся к своим тюремщикам. Немногие заявления таких заключенных были чрезвычайно смелыми и подходили скорее на приказ чем на просьбу.

«Прошу Тифлисское жандармское управление, — писал Виктор Константинович 2 января 1902 года, — или вернуть мне, принадлежащие мне, книги, взятые на просмотр при арестовании меня, в количестве целого чемодана, или, во всяком случае, прислать опись взятым книгам, что собственно говоря, был обязан сделать тогда же при обыске, производивший его, офицер, так как всегда при всех обысках, всем отбираемым вещам должна производиться опись»³.

Через полтора года после ареста, в августе 1902 года, Курнатовский еще раз «потребовал» Тифлисское жандармское управление своим вторым заявлением: «В числе вещей, взятых при обыске 22 марта 1901 года и не возвращенных мне, находится револьвер. Честь имею просить вернуть этот револьвер г. заведующему Метехским замком для хранения впредь до окончательного решения моего дела».

Подписав это заявление, Курнатовский добавил: «Патроны могут быть, конечно,

² Там же.

³ Там же.

Метехский замок - тюрьма, в которой сидел В. К. Курнатовский.

вынуты. В таком виде револьвер будет совершенно безопасен»¹.

Это звучало явной насмешкой. Возбешенный генерал-майор Дебиль наложил на заявления резолюцию: «Объявить заключенному, что за неимением у него разрешения на право держания револьвера, ввиду содержания его под стражей, револьвер не может быть возвращен».

Эти два заявления по тону перекликались с заявлением арестованного 2 сентября 1902 года Ладю Кецохели. Ладю просил сообщить, почему не доставлены пересланные ему «Капитал» Карла Маркса и другие книги политического порядка, а также приготовить при допросе все взятые при аресте материалы «во избежание могущих произойти недоразумений».

Весной 1903 года следствие по делу Курнатовского закончилось.

В течение двух лет, проведенных Курнатовским в заключении, в общественной жизни произошло много перемен. В Тифлисе состоялась первомайская демонстрация 1901 года, в Батуме — демонстрация 9 марта 1902 года, руководимая товарищем Сталиным.

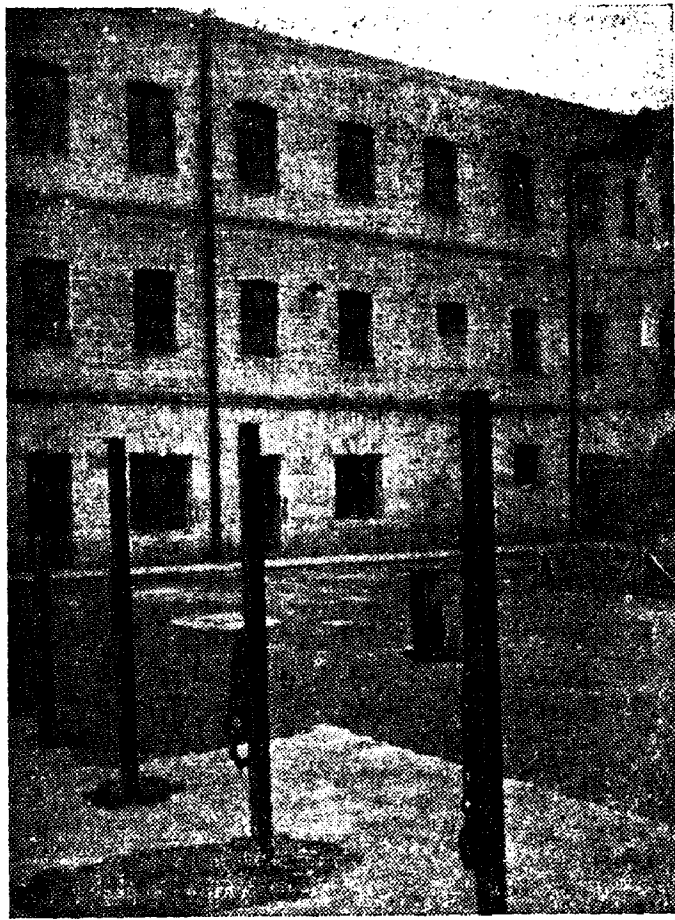
Революционное движение росло, охватывая весь юг России. Несмотря на аресты руководителей ряды революционной социал-демократии расширялись все больше и больше. Ленинская «Искра» воспитывала сотни и тысячи новых бойцов. Товарищ

¹ Архивные материалы тбилисского филиала ИМЭЛ.

Сталин, находившийся в заключении, продолжал из тюрьмы руководить разраставшимся движением в Закавказье.

«Дознание» по делу Курнатовского и других заключенных разрослось неимоверно. По всем жандармским управлениям были посланы запросы. Составили специальную сводку, подписанную начальником Тифлисского жандармского управления и генерал-майором Дебилем. В эту сводку вошло сообщение Херсонского жандармского управления о привлечении к дознанию Курнатовского за снабжение «преступными изданиями некоего лица», сообщение Енисейского жандармского управления о минусинской ссылке Курнатовского, сообщение об архангельской ссылке, о жизни Виктора Константиновича в Цюрихе, с указанием, в какие революционные кружки он входил, где бывал, с кем встречался. В жандармское дело внесено было описание примет Курнатовского, сделанное ротмистром Руниным 30 апреля: «Рост — 2 арш. 7 вершк. 33 года, впечатление от наружности интеллигентное, волосы темнорусые, глаза голубые, брови выдвинутые. Рубец на затылке, величиной в 10-копеечную серебряную монету. Лоб длиной в 6 сантиметров, шириной в 12 сантимет. Нос прямой, средней величины, лицо овальное, светлорозовое. Рот прямой, под левым ухом рубец».

Заканчивая дело, тот же ротмистр Рунин в донесении начальнику Дебилю сообщил, что «по состоявшемуся соглашению г.г. министров внутренних дел и юстиции

Двор метехской тюрьмы.

приостановлено дознание в отношении обвиняемого Михаила Калинина для совместного рассмотрения с другим производящимся о нем делом»¹. У охраны не хватало гласных «улик», и Михаила Ивановича Калининна выпустили на свободу, продержав в Метехе недолго.

По отношению к Курнатовскому «привлечения дополнительных дел» не требовалось. Все, что можно было, «привлекли» и «обеспечили» высылку его в Восточную Сибирь на 4 года.

В камере недалеко от Курнатовского сидел Ладо Кецховели, горячий защитник всех обиженных, готовый всегда протестовать против всякой несправедливости. 15 июля 1903 года у одного из заключенных отобрали постель, в связи с этим в Метехе разыгрался форменный «бунт», в котором Ладо Кецховели и Курнатовский играли главную роль. Заключенные выбили стекла, переколотили все табуретки в камере, требуя улучшения обращения.

После «бунта» Курнатовскому и еще нескольким заключенным объявили об отправке в ссылку. Вторично полетели из окон стекла, снова забаррикадировали двери табуретками и койками. Высылаемые требовали сообщения приговора заранее и разрешения проститься с родными. Начальство испугалось и ускорило отправку.

«Не оплаканных друзьями, не простившихся с товарищами», как писал Ладо

¹ Архивный материал тбилисского филиала ИМЭЛ. «Дело о Курнатовском».

Кецховели в своем предсмертном письме к брату, приговоренных увели по этапу в далекую Сибирь. На этот раз Курнатовского постарались отправить подальше, в Якутскую область.

По дороге в ссылку, из Александровской тюрьмы, Курнатовский переслал Иркутскому комитету РСДРП(б) написанную им в тюрьме и на остановках этапа брошюру «1903 — революционный год».

В 1904 году Виктор Константинович Курнатовский был «водворен» на новое местожительство. Но «мирная» жизнь продолжалась недолго. Разбросанные по разным глухим углам Якутии, политические ссыльные решили повторить знаменитый протест якутских ссыльных 1889 года. Своим героическим самоотверженным поступком они хотели дать возможность передовой части общества узнать о тех безобразиях, которые творились администрацией тюрем и полицией.

Курнатовский был одним из инициаторов и активных участников этого протеста, вылившегося в вооруженное сопротивление политических ссыльных. Ссыльные забаррикадировались в доме якута Романова (отсюда название всей истории «Романовка») в количестве 54 человек и подняли красное знамя. В течение 2 недель держался этот своеобразный революционный островок. Со всех сторон Якутии и Сибири неслись к нему заявления о солидарности с «романовцами» других ссыльных, не имевших возможности физически присоединиться к ним. Одно из таких заявлений подписал Иван Васильевич Бабушкин, ученик В. И. Ленина, крупнейший рабочий-организатор и будущий соратник Курнатовского по работе в «Читинской республике».

«Романовцы» стали только под угрозой обстрела артиллерией и были приговорены к каторжным работам.

Через 7 месяцев Курнатовский бежал с каторги и прибыл в Читту.

Это было в 1905 году. На окраинах страны революционный пожар еще только разгорался. Курнатовский в Чите становится организатором Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

Он редактирует газету «Забайкальский рабочий», является организатором местного Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Он освобождает из Акатуйской каторжной тюрьмы осужденных на бессрочную каторгу матросов — участников восстания на военном корабле «Прут». И в продолжение всего недолгого существования «Читинской республики» Курнатовский является одним из самых деятельных ее руководителей. Вместе с ним работает верный ленинец Иван Бабушкин.

В ночь на 1 января 1906 года в Иркутске жандармы захватили и посадили в Александровский централ весь местный комитет РСДРП. На помощь иркутским товарищам выехал с транспортом оружия Бабушкин, который на станции Слюдянка был постигнут царской карательной экспедицией Ренненкампа. Бабушкина расстреляли без суда. Он и его товарищи не назвали себя и безвестными героями пали на посту. Но «Читинская республика» была предупреждена. Подготавливая отступление и спасая от расстрела людей, Виктор Константинович сам остался в городе. Болезнь, глухота, желание убедиться в полной безопасности остальных помешали ему использовать возможности побега, и он был захвачен царскими палачами. Две недели возил его за собой Меллер-Закомельский в подвижной тюрьме, тут же, в составе поезда карательного отряда. Это был так называемый вагон смерти. Несколько раз выводили Курнатовского и других на расстрел, выстраивали на полотне железной дороги под прицелом ружей. Но не расстреляли, а предали военному суду, который приговорил Виктора Константиновича к смертной казни, замененной впоследствии бессрочной каторгой.

Курнатовскому удалось при помощи товарищей бежать из тюремной больницы в Нерчинске. До Владивостока он дошел пешком. Измученный, почти совершенно ослепший, он переправился в Японию.

Это расскажет о всех мытарствах рус-

ского революционера, заброшенного на закате жизни в чужую страну на самый Дальний Восток! Вечный холод и голод в юности, бесконечные ссылки и тюрьмы, хроническая болезнь ушей окончательно подорвали здоровье Курнатовского. Честный, гордый, привыкший всегда всем помогать, он и слышать не хотел о помощи от товарищей. Он писал статьи по-английски в покогамской газете, жил в клубе политэмигрантов. Потом переехал в поисках работы в Гонконг, в Сидней. Добывая средства на жизнь, Виктор Константинович мыл посуду в ресторане, выполнял любую черную работу, наконец, пошел на исключительно тяжелую работу — выкорчевку пней в австралийских лесах. Здесь он простудился и совсем потерял слух, начались невыносимые головные боли. Тогда только Курнатовский уступил просьбам друзей и согласился получить билет для проезда в Европу. Из сиднейской больницы он на пароходе попал в Геную, где снова надолго слег. И только в 1911 году его, совсем разбитого и больного, привезли в Париж. Здесь следил за его лечением и заботился о нем Владимир Ильич Ленин. Однако спасти Курнатовского не удалось, и он умер 19 сентября 1912 года.

Мы всегда сохраним память о Викторе Константиновиче Курнатовском, скромном и большом человеке, верном ленинце, ближайшем соратнике товарища Сталина в годы создания первых большевистских организаций Закавказья.

А. Бочкарев

ПЛАН ГОЭЛРО

1

Когда к весне 1918 года молодое советское государство ценою борьбы, лишения и жертв добилось мирной передышки (брестский мир), Ленин немедленно выдвинул задачу составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России. Он наметил в этой области ряд мероприятий, среди которых было следующее:

«Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию»¹.

Однако гражданская война отодвинула все задачи, кроме одной, — обеспечения обороны страны диктатуры пролетариата.

Когда в начале 1920 года страна после успешного отражения второго похода Антанты получила новую передышку, сроки которой тогда было трудно предвидеть, советская власть, Ленин вновь возвратились к мысли о необходимости создать план социалистического строительства народного хозяйства.

На первой сессии Всероссийского центрального комитета советов, 2—7 февраля 1920 года, Ленин поднимает вопрос об электрификации, и сессия принимает решение:

«Наряду с ближайшими, насущнейшими, неотложными и первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе и продовольствии, борьбе с эпидемиями, организации дисциплинированных армий труда, для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства»². Принимая во внимание исключительное значение электрификации для промышленности, транспорта и для сближения города и деревни, для культурного и экономического подъема крестьянского хозяйства, сессия предложила ВСНХ совместно с Народным комиссариатом земледелия разработать проект постройки сети электрических станций.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 434.

² «План электрификации РСФСР», стр. 7. М. 1920.

После необходимой подготовки Совет обороны республики, во главе которого стоял Ленин, утвердил положение о ГОЭЛРО — Государственной комиссии по электрификации России. ГОЭЛРО была утверждена в составе сначала восьми, а затем двенадцати крупнейших техников России под председательством Г. М. Кржижановского и с марта 1920 года начала свою работу. В начале работ этой комиссии Владимир Ильич писал:

«На восстановление промышленности мы теперь направили все свои силы и идем неуклонно в этой новой войне, в которой мы одержим такую же победу, какие одерживали до сих пор. Мы поручили комиссии ученых и техников разработать план электрификации России. Этот план через два месяца будет готов и даст полную возможность ясно представить себе, как в течение нескольких лет вся Россия будет покрыта сетью электрических проводов и будет восстановлена не по-старому, а по-новому...»³.

IX съезд партии, заседавший в конце марта 1920 года, уделил особое внимание вопросу о едином хозяйственном плане, предусматривавшем поднятие в первую очередь топливной промышленности, транспорта и металлургии. Электрификация занимала в этом плане главное место.

Временная передышка оказалась короче, чем можно было предположить: началась новая вспышка гражданской войны. Однако комиссия, поддерживаемая Лениным, не прекратила своей работы и тогда, когда гремели пушки на польском и врангелевском фронтах. Она сколотила вокруг себя коллектив специалистов: инженеров, агрономов, статистиков и др., которые входили в разные подкомиссии, занимавшиеся работой по отдельным районам и выполнявшие отдельные важные задания.

Ленин позже говорил об их работе:

«Более 200 специалистов — почти все, без исключения, противники Советской власти — с интересом работали над этим (планом электрификации. — А. Б.), хотя они и не коммунисты. Но, с точки зрения технической науки, они должны были признать, что это единственно правильный путь»⁴.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 62.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 462.

В конце 1920 года гражданская война окончилась. Восстановление народного хозяйства стало теперь основной, первоочередной задачей советской власти.

Ленин уже раньше подчеркивал то значение, какое имела для социалистического государства электрификация:

«Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне»¹.

Первая часть задачи в основном была выполнена: пролетарское государство отстояло свою независимость и подавило прямое сопротивление эксплуататоров. Нужно было начать выполнять вторую часть, рассчитанную, конечно, на значительно больший промежуток времени.

В условиях величайшей разрухи, кризисов продовольственного, топливного, сырьевого, транспортного, валютного и т. д. страна должна была сделать «зигзаг» — переход от борьбы с оружием в руках к борьбе за новый, социалистический хозяйственный строй. Ленин подчеркивал, что разъяснить массам и убедить их в необходимости отстаивать свою свободу с оружием в руках легче, чем пробудить в массах сознание их хозяйских прав и поднять их на длительную, полную трудностей борьбу за создание социалистического строя.

План электрификации нужен для того, говорил Ленин, «чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу, да, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической... Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет»².

Широкие массы советского народа должны были понять великую жизненную цель электрификации, должны были увидеть конкретную, реальную силу этой идеи, понять место электрификации в создании крупной машинной промышленности и реорганизации земледелия.

Ленин писал, что единственной матери-

альной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие, но что этим общим положением нельзя ограничиться. Ленин требовал конкретизации. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность, указывал Ленин, есть не что иное, как электрификация всей страны.

Ленин прилагал много усилий для того, чтобы увлечь трудящихся Советской страны великой программой электрификации, неизменно заботился о том, чтобы результатом работы ГОЭЛРО был обширный и превосходный научный труд, который мог бы увлечь миллионы людей. К концу 1920 года был напечатан и вышел в свет «План электрификации РСФСР», введение к докладу ГОЭЛРО VIII съезду советов.

Составители плана, руководимые Лениным, поняли и выполнили свою задачу, которая была определена так: «Составить план народного хозяйства России на электрической основе, конечно, невозможно, но отдавая себе более или менее ясного отчета о перспективах этого хозяйства в целом. Более того, составить проект электрификации России, это означает, дать красную руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства»³.

В повестку дня VIII всероссийского съезда советов, открывшегося 22 декабря 1920 года, был включен этот доклад.

В своем выступлении на этом съезде Ленин ясно определил значение электрификации в восстановлении всего народного хозяйства: «Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем»⁴.

Ленин показал глубоко революционное значение электрификации для пролетарского государства:

«Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Ина-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 276.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 432.

³ «План электрификации РСФСР», стр. 8. М. 1920.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 45.

че страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»¹.

Электрификация должна была явиться могучим рычагом хозяйственного подъема, так как перспективы использования электрической энергии — самого совершенного и дешевого вида энергии — для технических целей в условиях отмененной частной собственности необычайно расширились.

2

План электрификации, представленный VIII съезду, давал цифровые наметки развития по экономическим районам, по всем отраслям хозяйства: промышленности, транспорту, сельскому хозяйству; связующим звеном здесь была электрификация. Электрификация позволяла: 1) повысить производительность труда; 2) механизировать труд для большей его выгодности и для уменьшения затраты сил трудящимися; 3) ускорить разрешение топливного вопроса: использовать местное, второсортное топливо, а также энергию воды, механизировать добычу топлива; 4) улучшить качество, быстроту и повысить экономичность транспорта; 5) механизировать сельское хозяйство.

Чтобы электрифицировать все процессы хозяйственной деятельности, план намечал постройку 30 районных электрических станций общей мощностью в 1500 тысяч киловатт. Из этих станций 20 паровых и 10 гидростанций (Волховская, Свирская, Днепровская и др.). Предполагалось, что за это время с хозяйственной разрухой будет покончено и промышленная продукция удвоится по сравнению с довоенным уровнем, общая мощность машин-двигателей в промышленности увеличится не менее чем на 70%. В то же время благодаря электрификации число рабочих возрастет лишь на 20%, а расход топлива — на 40%.

Осуществление этого невиданного до тех пор плана по расчетам требовало огромных затрат: электрификация (1500 тысяч киловатт) — 1,2 миллиарда рублей золотом;

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 46—47.

расширение промышленности на 80—100% — 8 миллиардов рублей; восстановление, улучшение и расширение транспорта — 8 миллиардов рублей. Всего около 17 миллиардов рублей.

Между тем дефицит золотого баланса советского государства составлял 11 миллиардов рублей. Где могла разоренная страна, имевшая лишь несколько миллионов золотого запаса, взять такие колоссальные средства для того, чтобы немедленно приступить к реализации плана? Вывоз продовольствия за границу категорически отвергался: он был до последней степени нежелательным и опасным. Оставался еще источник: значительные средства можно было получить от иностранных концессий, причем Ленин указывал на то, что концессия — это не мир с капитализмом, а война в новой плоскости.

План ГОЭЛРО был рассчитан на десятилетие. Ленин писал: «Конечно, это — план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план «в порядке первого приближения...»². Военная угроза попрежнему висела над Советской страной, а потому нужно было ускорить восстановление хозяйства.

План ГОЭЛРО встретил сопротивление политических филлистов, оппортунистов и врагов социализма всех мастей. Часть из них, не веря в выполнение ленинского плана, пыталась подменить его другими, обывательскими планами, но получила решительный отпор.

«Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Гоэлро», нет и быть не может. Его надо дополнить, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указанных практического опыта, внимательно изучаемого»³.

Троцкий, Рыков, «рабочая оппозиция» и другие ожесточенно боролись против плана.

Товарищ Сталин со всей решительностью выступил за ленинский план электрификации, против убогих, рутинных «планов» Троцкого и Рыкова.

Товарищ Сталин прочел план во время своей болезни и немедленно в письме к Ленину в марте 1921 года написал:

«Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую постройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 169—170.

³ Там же, стр. 173.

Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянской рабочей массы (труд армии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Г о э л р о! Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам,— детский лепет приготовишек... Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине...

Мое мнение:

1) Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;

2) начать немедленный практический приступ к делу»¹.

Принятие плана ГОЭЛРО имело наряду с колоссальным значением во внутренней жизни страны и огромное международное значение. Ленин писал, что план ГОЭЛРО привлекает наверняка сочувствие всех рабочих и даже разумных капиталистов.

Вместе с тем такие идеологи либеральной буржуазии, как например писатель-фантаст Герберт Уэллс, считали этот план «электрической утопией», которой поддались марксисты, а Ленина называли кремлевским мечтателем.

3

План ГОЭЛРО, переработанный в 1921 году Госпланом, был утвержден постановлением Совета народных комиссаров от 21 декабря 1921 года. Предполагалось поднять мощность районных электростанций до 1750 тысяч киловатт, причем из них 1500 тысяч киловатт должны были дать новые электростанции.

На Госплан было возложено общее планирующее руководство всем делом электрификации.

Госплан был утвержден 22 февраля 1921 года как комиссия для разработки единого, общего государственного плана на основе указаний VIII съезда советов и для общего наблюдения за осуществлением этого плана.

Уже с весны 1921 года условия существования Советской страны коренным образом изменились. Партия и советская власть перешли к новой экономической политике (нэп). Вот в этот именно период и проявилось наибольшее значение планз

¹ Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II, стр. 365.

ГОЭЛРО как генеральной линии развития нашей экономки. Ленин видел в осуществлении плана ГОЭЛРО могущественную, непобедимую силу социализма.

«Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? его «свободная торговля»? Нет.

Электрификация: мерило... Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму»²,— так писал Ленин весной 1921 года в своем конспекте брошюры «О продовольственном налоге».

План ГОЭЛРО был создан в конце военно-коммунистической политики, когда была сделана попытка превратить все хозяйство страны в единую государственную, централизованную систему. Крутой поворот к нэпу потребовал нового отношения к плану ГОЭЛРО. В конце 1921 года Ленин писал, что новая экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана, основанного на электрификации страны, и не выходит из его рамок, а только меняет подход к его осуществлению.

Напряженно работая над выполнением плана ГОЭЛРО, надо было сочетать эту гигантскую работу с текущими задачами восстановления, на первых порах хотя бы мелкой промышленности, необходимой для налаживания оборота с деревней.

Отсюда вытекали те задачи, которые Ленин возлагал на созданный в основном из ГОЭЛРО Госплан, на который была возложена разработка эксплуатационных хозяйственных планов на основе плана электрификации.

Насколько трудно было в эти годы — 1921—1922 — и даже позже вести строительство электростанций, показывает постоянная личная забота Ленина о снабжении оборудованием, рабочей силой и материалами Каширстроя, Волховской электростанции и др.

Изо дня в день В. И. Ленин любовно помогал Каширстрою и Волховстрою преодолевать огромные препятствия в их работе. Сохранилось большое количество ленинских документов, по которым шаг за шагом можно проследить решающую помощь Ленина в строительстве электрических станций, его непосредственное участие во всех важнейших вопросах этого строительства³. Ленин заботился о каждой сотне пудов кокса и угля для Каширской электростанции, о снабжении ее болтами, шайбами, гайками, проводом, ин-

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 313.

³ См. Ленинский сборник XXIII.

струментами и т. д.; специально занимался продовольственным снабжением каширских рабочих, заботился о подборе кадров. Такую же заботу проявлял Ленин и в строительстве Волховской электростанции.

В период 1921—1925 годов были достигнуты решающие успехи по восстановлению народного хозяйства. «Страна Советов прошла с успехом восстановительный период в развитии народного хозяйства и стала переходить к новому периоду, к периоду индустриализации страны»¹.

Создание тяжелой промышленности и электрификация не имели сколько-нибудь широкого размаха в восстановительный период нап. Все же и за это время осуществление плана ГОЭЛРО продвинулось вперед, состоялся пуск ряда станций: Каширской, Шатурской, Волховской и др.

С 1926 года, когда был достигнут довоенный уровень народного хозяйства, перед партией и правительством встала задача, сформулированная товарищем Сталиным:

«Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование,— вот в чем суть, основа нашей генеральной линии»².

А в своей речи на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года товарищ Сталин в следующих словах раскрыл сущность и значение плана электрификации страны:

«...под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации»³. Следовательно, электрификация является базой современной крупной промышленности, построение которой означает победу социализма в СССР.

Индустриализация страны требовала обеспечения промышленности электроэнергетической базой. Однако электрификация еще некоторое время отставала от роста промышленности, так как темпы капитальных затрат ускорялись лишь постепенно.

Во времени III конгресса Коминтерна В. И. Ленин писал:

«Если в 1918 году у нас было вновь построенных электрических станций 8

(с 4757 кв—килоуатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1.648 кв), а в 1920 году до 100 (с 8.699 кв).

Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше»⁴.

В последующий период мощность районных электрических станций стала расти быстрее⁵:

Годы	
1921	255
1922	277
1923	287
1924	307
1925	338
1926	398
1927	510
1928	572
1929	710
1930	1300

Фактические расходы на электростроительство составляли (в миллионах рублей):

Годы	
1919 — 1920	0,7
1920 — 1921	2,7
1921 — 1922	5,8
1922 — 1923	40,0
1923 — 1924	52,7
1924 — 1925	66,1
1925 — 1926	84,8
1926 — 1927	138,8
1927 — 1928	194,3
1928 — 1929	264,6
1929 — 1930	330,0

Лишь в 1928 — 1929 году ежегодные вложения достигли цифры, предусмотренной планом ГОЭЛРО (250 миллионов рублей).

Однако темпы развития нашей электрификации были уже тогда явлением исключительным, совершенно не мыслимым для капиталистических стран. Эксперты Лиги наций принуждены были отнести СССР в первый из пяти классов стран по скорости электростроительства: за 1925 — 1928 годы этот подъем выразился в 125%.

1931 год был решающим годом для выполнения плана электрификации, который фактически начали выполнять в 1922 — 1923 году. Тогда вступили в эксплуатацию новые мощные станции, в общей сложности близкие к объему мощности, намеченной всем планом ГОЭЛРО.

Цифры выполнения плана ГОЭЛРО отражают борьбу пролетарского государства за овладение хозяйством, за подчинение пролетарскому государству мелкобуржуазной, рыночной стихии.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 434.

⁵ Показатели даются в тысячах киловатт.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 266.

² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии. Стенографический отчет, стр. 488. 1926.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 362. 9-е изд.

Выполнение плана ГОЭЛРО шло в условиях ожесточенной классовой борьбы, когда вредители в советском аппарате боролись против выполнения плана. Особенно эта борьба антисоветских элементов усилилась при переходе к периоду индустриализации (процесс «Промпартии»), когда надежды их на перерождение советской власти полностью провалились.

План ГОЭЛРО, составленный в годы хозяйственной разрухи, при отсутствии у пролетарского государства опыта и достаточных ресурсов, делал главную ставку на новую, социалистическую организацию труда, способную поднять страну:

«Единственный путь для выхода из хозяйственной разрухи — подъем в возможно более короткий срок производительности труда с расходом минимума трудовых единиц и материальных ресурсов страны»¹ (основной тезис введения к плану). Электрификация целиком отвечала этой задаче.

Борьба за выполнение плана ГОЭЛРО, начатая под руководством Ленина, была победоносно завершена под водительством товарища Сталина.

Первый сталинский пятилетний план, в годы которого заканчивалось выполнение плана ГОЭЛРО, был планом более конкретным: он опирался на значительно возросшие ресурсы и накопления страны, Советская страна имела уже огромный опыт социалистического строительства и, в частности, выполнения плана ГОЭЛРО. Пятилетний план уже ставил в качестве конкретной задачи не восстановление народного хозяйства (которое было уже осуществлено в кратчайший срок, не мыслимый ни для какой капиталистической страны), а задачу создания новой экономической базы социализма.

Пятилетний перспективный план имел, как и перспективный план ГОЭЛРО, свою генеральную линию — индустриализацию страны. В этом, несомненно, сказался опыт предыдущего социалистического планирования: план ГОЭЛРО, контрольные цифры 1927 — 1928 и 1928 — 1929 годов сыграли большую роль в создании более высоких форм планирования на основе перспективных планов. Общие черты пятилетки и плана ГОЭЛРО и в том, что тот и другой осуществляют ленинский принцип планирования: план должен быть планом-директивой, а не планом-прогнозом; считал же Ленин план электрификации «нашей второй программой партии».

Первый пятилетний план был выполнен в четыре года вопреки проишкам врагов народа всех мастей, вопреки многим трудностям. Электрификация страны за годы

первой пятилетки необычайно двинулась вперед.

Если в 1928 году мощность всех электрических станций была 1875 тысяч киловатт с выработкой электроэнергии в 5 миллиардов киловаттчасов, то в 1933 году эти цифры поднялись до 4600 тысяч киловатт и 13,5 миллиарда киловаттчасов. Выработка электроэнергии в царской России составляла 2 миллиарда киловаттчасов, при мощности станций в тысячу киловатт. Следовательно, при социалистической системе хозяйства наряду с подъемом мощности электростанций в 4,5 раза выработка электроэнергии поднялась почти в 7 раз. Это была блестящая победа советской электрификации. Проблема электроснабжения Донбасса была разрешена.

Тов. Куйбышев, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 года, по итогам первой пятилетки говорил:

«В нашем электростроительстве мы последовательно осуществляем технико-экономические принципы, которые были сформулированы в плане ГОЭЛРО, разработанном под непосредственным руководством Владимира Ильича. Эти передовые технические принципы — концентрация выработки энергии в мощных районных центрах, кольцевание станций и использование для них в первую очередь местных низкосортных видов топлива и гидроэнергии»².

Советское планирование хозяйства достигло к 1933 году таких успехов и такой степени совершенства, что тов. Куйбышев мог заявить:

«1933 год есть год второй пятилетки, он обладает всеми характерными чертами этой второй пятилетки».

Второй пятилетний план построения социалистического общества, план завершения реконструкции всего народного хозяйства был новым шагом в планировании и электрификации. Он показал революционное значение социалистического планирования для социальной природы советского общества и его культурного прогресса. За вторую пятилетку мощность электрических станций поднялась с 4677 тысяч киловатт до 8100 тысяч киловатт, а выработка электроэнергии с 13,5 миллиарда киловаттчасов до 36,4 миллиарда киловаттчасов.

Третья пятилетка, пятилетка завершения построения социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, определяет могучий подъем советской электрификации.

XVIII съезд ВКП(б) установил, что:

«На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в

² В. В. Куйбышев. Статьи и речи, стр. 335.

¹ «План электрификации РСФСР», стр. 22. М. 1920.

третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму...»¹.

Товарищ Сталин в своем отчетном докладе определил основную экономическую задачу, от выполнения которой будет зависеть движение нашего общества к коммунизму:

«Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»².

Далее товарищ Сталин наметил основные мероприятия для выполнения главной экономической задачи в ближайшие 10—15 лет и, в частности, основные мероприятия в области промышленности: 1) дальнейший подъем промышленности, 2) рост производительности труда и 3) усовершенствование техники производства.

Совершенно очевидно, что выполнение этих грандиозных задач будет во многом зависеть от состояния энергетической базы. Повышение энерговооруженности рабочего, еще большая механизация трудоем-

ких процессов, использование местного дешового топлива — белый и зеленый уголь и т. д., — дальнейшая электрификация страны полностью решат все эти вопросы.

План третьей пятилетки намечает рост мощности электростанций с 8100 тысяч киловатт до 17 200 тысяч киловатт, что в 4 раза превышает пометку плана ГОЭЛРО. Производство электроэнергии вырастет в третьей пятилетке с 36,4 миллиарда киловатт-часов до 75 миллиардов киловатт-часов; по выработке электроэнергии мы выйдем на второе место в мире (после США), пойдем к уровню передовых капиталистических стран по потреблению электроэнергии на душу населения и обгоним в этом отношении такие страны, как Франция и Япония.

Третий пятилетний план требует покончить с гигантоманией в области строительства электростанций и перейти наряду с постройкой крупнейших мировых сооружений (Куйбышевский узел, волжские станции и др.) к строительству средних и мелких электростанций. Это позволит, во-первых, создать резервы мощности (что важно для обороны), во-вторых, использовать шире местное топливо, в-третьих, обеспечить более глубокое проникновение электроэнергии в сельское хозяйство, в быт и т. д.

Выполнение плана третьей пятилетки ускорит осуществление лозунга, выражающего основную экономическую задачу нашей страны, — догнать и перегнать в экономическом отношении капиталистические страны в ближайшие 10—15 лет.

В. Перцев

О ФОРМЕ СОБСТВЕННОСТИ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Маркс и Энгельс, характеризуя различия в формах собственности в разные эпохи общественного развития, указывают, что вслед за первой формой собственности — племенной, свойственной первобытно-общинному строю, — на следующей, более высокой ступени общественного развития, а именно на ступени рабовладельческого

строю, возникла вторая форма собственности — «античная общинная и государственная собственность»³.

Это выражение — «античная общинная и государственная собственность» — часто неправильно истолковывается в том смысле, что основоположники марксизма будто бы отрицали наличие в античном мире частной собственности на средства производства и на рабов или, во всяком случае, придавали ей второстепенное значение.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 11. 1939.

² И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 23.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 12.

Такое толкование выражения Маркса—Энгельса об «античной общинной и государственной собственности» в корне неверно. Энгельс, характеризуя в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» самую раннюю ступень цивилизации, с которой началось рабство, указывает в качестве одной из основных ее черт — наряду с введением металлических денег, появлением купцов и применением рабского труда — возникновение частной собственности¹. В другом месте, говоря о реформе Солона, направленной к ликвидации родового строя, Энгельс подчеркивает, что Солоном был «введен в конституцию совсем новый элемент — частная собственность»². В полном соответствии с этим и в «Кратком курсе истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» — этом замечательном труде, играющем колоссальную роль в деле выяснения наших основных исторических понятий, — прямо и категорически говорится, что в рабовладельческом строе нет «общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность»³.

Что же в таком случае понимали Маркс и Энгельс под «античной общинной и государственной собственностью»? Существует мнение, что они в это понятие включали пережитки первобытного коммунизма, сохранившиеся в античном обществе. Ведь рабовладельческий строй был самой ранней классовой формацией, и в нем пережитки первобытной старины должны были сказаться особенно сильно. Но в данном случае Маркс и Энгельс, очевидно, имели в виду не эти пережиточные явления. Энгельс в «Анти-Дюринге» подчеркивал, что своего полного развития рабовладельческий строй достиг только там, где общинные порядки разложились. «Там, где он (общинный быт.— В. П.) распался, самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда»⁴. Следовательно, наиболее характерные признаки рабовладельческого строя, к которым основоположники марксизма относили и античную форму собственности, возникли в результате распада первобытного общинного строя, а не в результате сохранения его пережитков. Пережитки общинных отношений были сильны на древнем Востоке, на что неоднократно

указывали классики марксизма⁵, но в Греции и Риме община рано исчезла, и, говоря об античной собственности, Маркс и Энгельс имели в виду не то, что уцелело в античном обществе от старого, а то, что возникло в качестве нового явления, не существовавшего при первобытно-общинном строе.

В чем же заключался этот новый момент, появившийся только в рабовладельческом обществе и сообщивший специфическую форму античной собственности? Этим новым моментом была необходимость поддерживать сплоченность и единство рабовладельцев для совместной борьбы против рабов. Рабовладельцев было так немного, а протест рабов против той грубо примитивной формы эксплуатации, которой они подвергались, был так силен, что только при объединении эксплуататорских элементов общества в сплоченную организацию и только при соответственном подчинении отдельных рабовладельцев интересам рабовладельческого класса в целом они могли удержать в своих руках власть. Текст соответствующего места «Немецкой идеологии» не оставляет сомнения в том, что под совместной собственностью античности основоположники марксизма понимали совместную власть рабовладельцев, обеспечивавшую им возможность коллективными мерами защищать свою рабовладельческую собственность от всяких на нее покушений. В немецком тексте мы читаем:

«Die Staatsbürger besitzen nur in ihrer Gemeinschaft die Macht über die arbeitenden Sklaven und sind schon deshalb an die Form des Gemeineigentums gebunden. Es ist das gemeinschaftliche Privateigentum der aktiven Staatsbürger, die den Sklaven gegenüber gezwungen sind in dieser naturwüchsigen Weise der Assoziation zu bleiben» (Marx — Engels, Gesamtausgabe, erste Abteilung, Band V, S. 12).

Русский перевод должен быть таков: «Граждане государства лишь сообща обладают властью над своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных держаться этой естественной формы ассоциации перед лицом рабов». Имеющейся же русский перевод (Маркс—Энгельс, Соч. Т. IV, стр. 12) неверно передает выражение «besitzen die Macht» словами «владеют» (а не «обладают властью») и таким образом искажает мысль Маркса и Энгельса о том, что совместная античная собственность вытекала из совместной власти рабовладельцев над рабами, совме-

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 349—352.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 151.

² Там же, стр. 94.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 119.

⁴ Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 129. Партиздат. 1936.

стная же власть была необходима рабовладельцам как средство для обуздания рабов.

Иначе говоря, при определении сущности античной собственности Маркс и Энгельс выдвигают на первый план момент классовой борьбы, из которого они выводят необходимость политического объединения рабовладельцев в один государственный коллектив, в одну социальную ассоциацию, которая была необходима для борьбы с рабами. Что иного толкования здесь быть не может, показывает и сочетание слов «совместная частная собственность» («das gemeinschaftliche Privateigentum»), которое мы встречаем в приведенной цитате. Частная собственность могла быть совместной только в том смысле, если она обеспечивалась соединенными силами рабовладельческого коллектива, непрерывно охраняющего ее от покушений со стороны эксплуатируемых общественных элементов. Иначе говоря, Маркс и Энгельс здесь указывают, что права частных рабовладельцев на их индивидуальную собственность защищались коллективными средствами.

Античный полис и являлся коллективной организацией рабовладельцев, которая обеспечивала им их частную собственность и господство над рабами. Для сравнительно немногочисленного класса рабовладельцев необходимо было объединение в одном центре, а таким центром мог быть только город с его обширными материальными, военными и духовными ресурсами. В этом смысле Энгельс говорит в «Анти-Дюринге», что «античные республики были основаны на городах», и противопоставляет им «восточный деспотизм», который «был основан на общинном землевладении»¹. В этом же смысле Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» противопоставляли античному строю строй феодальный: «...если античность исходила из города и его небольшой округи, то средневековые исходило из деревни»².

Вся структура античного города-государства была приспособлена таким образом, чтобы служить для активных граждан единым центром политического, хозяйственного и культурного воздействия на рабов и свободных бедняков. Городским властям принадлежала государственная власть. Только пребывание в городе обеспечивало свободным возможность пользования политическими правами. Только общественная и государственная структура полиса — подвижного, чуждого жесткости восточных деспотий,

способного лавировать в сложной обстановке партийной борьбы, — могла быть надежной защитницей интересов класса рабовладельцев, которым в условиях острых классовых противоречий античного общества приходилось быть постоянно настороже, и искусно маневрировать при столкновениях со всеми недовольными. Структура эта имела много недостатков, которые особенно ярко сказались тогда, когда господство Рима распространилось на весь тогдашний «orbis terrarum» («круг земли»), т. е. когда границы города оказались в слишком явном несоответствии с огромными размерами всего государства, но она давала рабовладельцам одно большое преимущество — возможность централизованно управлять обществом и государством.

Таким образом марксистское понимание термина «античная общинная и государственная собственность» тесно связано с понятием полиса как сплоченной коллективной власти рабовладельцев и несколько не противоречит преобладанию в античном обществе частной собственности на рабов, землю и другие виды имущества.

Но коллективная организация рабовладельческой власти была делом весьма сложным. Прежде всего надо было уберечь свободных бедняков от союза с рабами. Для этого приходилось идти на всякие подачки по отношению к этим свободным беднякам, и первой из этих подачек было предоставление им формальных политических прав, которые на деле, конечно, давали беднякам очень мало реальных преимуществ. Рабовладельческая демократия с ее народным собранием, выборными должностями и обсуждением главнейших государственных вопросов на народной площади придавала демократическую видимость властям и законам, в действительности же сохраняла в полной мере государственную власть в руках рабовладельцев. Массам свободных бедняков бросались и другие подачки — в виде коллективных угощений, раздач денег и хлеба, устройства празднеств, общественных развлечений и т. п. В большинстве случаев все эти подачки исходили от рабовладельческого коллектива, облеченного властью и располагавшего государственно-городскими богатствами, или от отдельных рабовладельцев, не останавливавшихся в целях самосохранения перед необходимостью отдать долю своих частных средств на замаскированный, а иногда и открытый подкуп масс. В своей ранней работе «Критика философии государственного права Гегеля» Маркс говорит: «...частная собственность в целом, как у древних классических народов вообще, проявляет себя по отношению к толпе как общественная собственность: то, как в доброе время,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 392.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 14.

в форме пышных празднеств, устраиваемых от имени республики, то в форме роскошных и служащих всеобщему благу учреждений (бани и т. д.)»¹.

Необходимость устраивать на общественный счет («от имени республики») развлечения для масс вытекала, конечно, не из пережитков старины, а из условий, вызванных новыми классовыми порядками, т. е. из опасений, что свободные бедняки («толпа») могут соединиться с рабами. Для коллективного подкупа масс, как и вообще для всякого коллективного проявления власти, надо было иметь и коллективные средства. Поэтому античная общинная и государственная собственность часто проявлялась и в прямой, непосредственной форме. У античных государств в их прямой собственности были довольно обширные государственные земли, рудники, пастбища, были и государственные рабы. Коллектив рабовладельцев, находившийся под постоянной угрозой восстаний рабов, был заинтересован в том, чтобы в его распоряжении находились средства, пригодные для подавления движения рабов. Такими средствами являлись хорошо обученные боеспособные воины, патриотически настроенные граждане и казна. Эти же интересы требовали, чтобы частные лица несли исправно свои обязанности в пользу всего класса рабовладельцев, а это в свою очередь было связано с контролем над частной жизнью и над частными имуществами. Аристотель в «Политике» говорит о многочисленных случаях ограничения свободного распоряжения землей («Polit». VI, 2, 5). Известно спартанское (а в более позднее время и римское) законодательство, направленное против роскоши в частной жизни, против обильных яств и богатых одежд. Известно установленное Солоном запрещение приобретать земли свыше определенных размеров, направленное против обеднения свободных граждан, которое могло вредить боеспособности войска и ослаблять патриотизм воинов. Известно также и законодательство Фив, направленное к поддержанию постоянного числа наделов. Такой же характер носило запрещение свободным жителям многих местностей (Спарты, Локриды, Элиды и др.) отчуждать их наделы. При проведении

этих мер власти часто пользовались пережитками первобытно-общинного строя, но вкладывали в них совершенно новые задачи. Так, ограничения в свободе распоряжения частной собственностью в древней Спарте берут свое начало еще от древних родовых отношений, но они закрепились в более позднее время уже под влиянием новых условий, а именно под влиянием опасений ослабления боевой силы и гражданской сплоченности спартанцев, поставленных лицом к лицу с илотами, «готовыми съесть своих господ с кожей и волосами» (Ксенофонт).

Все эти факты не говорят, конечно, об отсутствии частной собственности в античных государствах. Они указывают только на то, что необходимость для рабовладельцев выступать объединенными силами против многочисленного класса рабов заставляла их в одних случаях подвергать ограничениям свободу частных хозяйств, в других — заботиться о концентрации в руках самого государства больших средств, направленных как на насильственное подчинение рабов, так и на оказание материального и идеологического воздействия на массы свободных. Без концентрации в руках рабовладельческого государства всех многообразных средств воздействия на свободных бедняков и средств насильственного подавления движения рабов оно не могло бы существовать. А эта концентрация в свою очередь требовала подчинения частнохозяйственных интересов интересам всего класса рабовладельцев. В этом — ключ к пониманию термина «античная и государственная собственность».

Таким образом, античную общинную и государственную собственность нельзя понимать ни в смысле пережитков форм первобытно-общинного строя, ни в смысле обобществления частных имуществ. Ее надо понимать как систему коллективных государственных и общественных мер воздействия на рабов и на свободных бедняков, мер, иногда связывавшихся с ограничением прав свободного распоряжения частной собственностью, но в конечном счете направленных к лучшей ее защите. Она была связана со структурой полиса, с подачками в пользу масс с некоторым контролем над свободной частнохозяйственной деятельностью, с концентрацией в руках общества и государства больших материальных средств и с подчинением культуры и воспитания граждан интересам господства класса рабовладельцев.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 636.

А. Кронгауз

КНИГИ О ХАСАНЕ*

События у озера Хасан войдут в историю нашей страны как непревзойденный пример патриотической отваги, непоколебимого упорства в борьбе против врагов социалистического отечества. Историки и писатели будут с напряженным интересом изучать эти события, восстанавливая по ним картину идейной жизни нашего общества. И особенно ценным материалом для них явятся документы и свидетельства самих героев хасанских боев, которые творили историю и тут же записывали ее. Эти разрозненные документы и свидетельства, которые нам пришлось читать в газетах страны во время хасанских событий, ныне собраны в сборники и составляют исключительный по яркости материал.

Нападение японских войск 29 июля 1938 года на советскую пограничную заставу в районе озера Хасан явилось очередным звеном в цепи провокационных преступлений японской военщины.

Отношение японской военщины к нашей стране определил один из идеологов японского империализма, Танака, в своем известном меморандуме.

«В программу нашего национального роста, — писал он, — входит, повидимому, необходимость скрестить мечи с Россией... Пока этот старый риф не будет взорван, наш корабль не сможет пойти вперед».

Нападая на нашу страну в районе озера Хасан, японцы хотели «взорвать риф», но вместо этого сами взлетели на воздух.

Достойный ученик Танака генерал Араки писал в своем памфлете «О задачах Японии в эпоху Сиова» следующее:

«Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратное течение! На материю нельзя положиться. Сильный дух, бодрость в конечном счете решают все».

Однако материальные средства и высокий советский патриотизм нашей доблест-

ной Красной Армии показали свое превосходство над «божественным японским духом» и решили исход боев у озера Хасан.

Самурайские банды, коварно подкрavшись в темную, туманную ночь к сопке Безымянной, напали на наряд советских пограничников из поветского погранотряда. Наряд состоял всего из одиннадцати человек под командой лейтенанта Махалина, но в борьбе против чужеземных налетчиков одиннадцать советских пограничников не отступили. Несмотря на подавляющее численное превосходство военных сил противника пограничники приняли на себя первые удары японцев и упорно сражались до прихода резерва, который штыковой атакой выбросил захватчиков с советской земли. Пятеро советских бойцов дали смертью героев в этой неравной борьбе, а остальные шесть, истекая кровью, обороняли границу до самого прихода красноармейских подкреплений.

С этого и начались хасанские события, которые показали всему миру несокрушимую мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии, непоколебимое моральное и политическое единство советского народа. Весь мир мог убедиться в эти дни в правильности слов товарища Сталина о том, «что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений».

Книга «Боевые эпизоды» составлена из статей, большинство которых написано участниками хасанских битв и опубликовано в газетах «Правда», «Красная звезда», «Тревога» и в газете 1-й Отдельной Краснознаменной армии «На защиту родины». Материал книги разделен на семь частей: «Что произошло у озера Хасан», «Герои-пограничники», «Доблестная пехота», «Меткие артиллеристы, отважные танкисты», «Сталинские соколы», «Самоотверженность врачей и жен командиров», «Партийно-политическая работа в бою».

Первый раздел начинается передовой «Правды» от 8 августа 1938 года. В ней кратко излагаются события от 29 июля,

* «Боевые эпизоды». Сборник статей и материалов о событиях у озера Хасан. Воениздат. 1939.

«Документы советского патриотизма в дни боев у озера Хасан». Воениздат. 1939.

т. е. от начала японской провокации до трусливого отступления беспокойного и неумного врага под беспощадными ударами Красной Армии. Тут же даны сводки с передовых позиций от 7 по 12 августа.

7 августа наша авиация и артиллерия бомбардируют высоты Безымянную и Заозерную, захваченные японцами, после чего наши части могучими ударами выбивают японцев за линию границы. 8-го советские стрелковые части укрепляют отбитые у японцев высоты, бьются за пулеметную горку. Японцы ведут ожесточенный обстрел советской территории, особенно сильный артиллерийский огонь ведут они из Мантокусана. Советская артиллерия и бомбардировочная авиация громят японские батареи, разбивают бетонированные укрепления, построенные японцами на высоте Богомольной. 9-го противник несколько раз переходит в атаку, но все атаки успешно отбиваются с большими потерями для японцев. Наша артиллерия уничтожила японскую батарею у Мантокусана, а также японские части, переправлявшиеся через реку Тумень-Улу. Японцы продолжают интенсивный артиллерийский, минометный и ружейно-пулеметный обстрел высоты Заозерной, но наши части крепко обороняют занятый рубеж. 11-го японцы усиливают обстрел Заозерной, под прикрытием артиллерии атакуют высоту, но контратакой доблестных частей Красной Армии отбрасываются от наших позиций, неся большие потери. 12-го тов. Ворошилов приказал, на основе соглашения, заключенного между советской и японской сторонами, прекратить военные действия, но быть сугубо бдительными и в случае необходимости отражать всякую малейшую попытку продвижения вперед японских войск.

Эти лаконичные сводки являются как бы заглавными текстами огромного значения событий, которые произошли в незабываемые дни хасанских боев. Вслед за сводками дано краткое сообщение, вызывающее жгучую ненависть к самурайским извергам, подвергшим пыткам и издевательствам раненых красноармейцев, которые укрылись за камнями: «Трусливые японские бандиты в бессильной злобе зверски прикончили раненых безоружных героев».

Дальнейшие материалы этого раздела отчетливо отвечают на вопрос: что произошло в районе озера Хасан? Посъетский район как самая южная часть Дальневосточного Приморья имеет важное стратегическое значение: здесь сходятся границы СССР, Манчжурии и Кореи. Граница здесь изобилует озерами и низменностями. Одно из этих озер — ныне знаменитое озеро Хасан, к которому с запада прилегают высоты Заозерная (Чанкуфын) и Безымян-

ная. Именно здесь советские пограничники и войска 1-й Отдельной Краснознаменной армии вели двенадцать дней упорные бои против японских захватчиков.

Не случайно японская военщина выбрала этот район для вооруженной авантюры: озеро Хасан находится всего в десяти километрах от Тихого океана и в ста тридцати километрах от Владивостока. Высоты Заозерная и Безымянная, по вершинам которых проходит граница, утвержденная хунчунским соглашением, являются местами, с которых можно в ясную погоду увидеть все советское побережье. Японцы надеялись, что, захватив эти высоты, они смогут держать под наблюдением и огнем всю нашу территорию у залива Посъет.

Японцы рассчитывали на успех, так как характер местности у озера Хасан необычайно труден для нашей обороны. За сопками Заозерной и Безымянной, вдоль границы, расположено озеро. Только узкая полоса земли отделяет его от сопки. И только по этой полоске можно к ним подойти с нашей стороны. Японцы рассчитывали на это так же, как и на болотистые места, по которым почти невозможно пройти танковым частям. Выбрав для нападения столь выгодный участок границы, японцы подтянули к нему тяжелую и зенитную артиллерию, бронепоезда. Они готовились к провокации долго и упорно, определив каждый свой шаг, рассчитывая на верный успех, но не учли одного: что имеют дело с Красной Армией, с советским народом, которые непобедимы.

Насколько сложные условия пришлось преодолевать советским войскам, можно увидеть из слов капитана Стеженко, участника хасанских боев. «Наш батальон, — пишет он, — наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в полтора метра, сплошь оплетенное проволокой и находившееся под перекрестным пулеметным огнем. Через этот лабиринт огня и проволоки нам предстояло пробиться и выбросить захватчиков с советской земли. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную».

Ночи и дни отважно сражались бойцы дальневосточники, отбивая непрерывные контратаки японцев, отбрасывая врага штыковыми ударами на исходные позиции. Ожесточенно сражаясь за каждый метр, красноармейцы продвигались к японским укреплениям. К 4 августа наше командование сосредоточило технические средства для решительного разгрома японских сил, а 6 августа, в день годовщины 1-й Отдельной Краснознаменной армии, могущественные эскадрильи советских бомбардировщиков и истребителей двину-

лись в боевом строю на врага. Авиобомбардировка, удары нашей тяжелой артиллерии, пулеметный огонь наших истребителей — все это сплошной лавиной обрушилось на врага.

Столбы земли поднялись над японскими укреплениями, разорванные орудия полетели над головами японцев как щепки, стоны раненых и вопли насмерть перепуганных самураев смешались с грохотом канонады. Это была подготовка к наступлению советской пехоты. Она ринулась вперед в сопровождении танков, и после упорного боя враг в панике отступил, оставив укрепленные окопы, убежища и блиндажи; они были основательно разрушены нашей авиацией и артиллерией; повсюду валялись пустые бутылки от спирта и водки, которыми обычно японские самураи укрепляют свой дух перед боем.

Долго еще озверелые самурайские банды неистовствовали, стремясь вернуть утраченные позиции, но все их усилия были тщетны. Советские бойцы с именем Сталина на устах непоколебимо отстаивали советскую землю, беспощадно громя чужеземных захватчиков. К 11 августа, когда было объявлено перемирие, все до одного японские солдаты были выбиты с советской территории.

Во втором разделе книги — «Герои-пограничники» — приводятся рассказы героев о событиях, предшествовавших приходу к месту боев красноармейского резерва.

Японские солдаты и полицейские после отповеди, которую получил посол Сигемизу от товарища Молотова, переоделись в крестьянскую одежду и инсценировали перед киноаппаратом у самой границы «возмущение масс» советской политикой. Настоящих крестьян изгнали из деревни. На другой день, когда крестьяне вернулись в свои дома, они увидели, что кур и поросят у них разворовали, собак передушили. Действительному возмущению крестьян не было границ, но киносъемка к этому времени уже закончилась.

После окончания этой инсценировки начались более активные действия японцев: они нарушили советскую границу и открыли по нашим пограничникам ружейно-пулеметный огонь.

Советский снайпер Бигус взял на мушку японского пулеметчика и меткой пулей сразил его. В ответ на ожесточенный огонь японцев он отвечал четким сокрушительным огнем, уничтожая захватчиков. Внезапно Бигус увидел рядом с собой тяжело раненого товарища и решил оттащить его в безопасное место. Выполнив это, он на несколько мгновений притаился в траве, прекратив огонь. Японский снайпер взгляделся в него, определяя, убит ли боец, затем решил для верности выстре-

лить в него. Но Бигус следил за японцем и, предупредив его выстрел, убил японского пулеметчика.

Так же, как Бигус, вели себя и остальные пограничники в этой неравной борьбе.

Размеры журнальной статьи заставляют нас ограничиться только несколькими примерами, которые отнюдь не являются исключением: они типичны для наших мужественных пограничников.

В проливной дождь и сильный ветер отбивали бойцы, командиры и полнотработники наступление все новых и новых японских сил.

... Лейтенант Терешкиги, сменивший у пулемета убитого пулеметчика, получил восемь ран, но не оставил поля боя. Одна из вражеских пуль нанесла ему тяжелое ранение, и он свалился у своего пулемета. Обеспокоенные бойцы бросились к нему, но он крикнул:

«Не теряйте времени, продолжайте огонь!»

Продолжая отстреливаться, бойцы вынесли своего командира из-под огня и переправились с ним вплавь через озеро Хасан.

... На лейтенанта Христолюбова, который наклонился в окопе, чтобы взять гранату, кинулся сверху японский офицер. Христолюбов стряхнул его с себя и пристрелил из револьвера, как бешеную собаку.

На малочисленную группу советских пограничников лезли целые полчища врагов. Вражеские клещи сжимались все теснее. Лейтенант Христолюбов, трижды раненый, оставался на боевом посту. Когда он почувствовал себя совсем плохо, он назначил своим помощником Чернопятко и пополз к перевязочному пункту. Но тут взорвалась вражеская граната и Христолюбова тяжело ранило в четвертый раз. Едва пришел он в сознание, как захотел вновь вернуться в бой, но ему сообщили, что он может быть спокоен: к месту боев подошли полевые войска Красной Армии.

В третьей главе книги «Боевые эпизоды» рассказывается о подвигах нашей доблестной пехоты. Красноармейцы шли на помощь пограничникам в труднейших условиях бездорожья. Проливные дожди размывали почву. Чтобы не дать японцам возможности обнаружить войска, они совершили переход ночью совершенно бесшумно, умело применяя светомаскировку. Прибыв на место, Н-ский полк оказал помощь пограничникам и приостановил дальнейшее продвижение вперед японских захватчиков.

Утром, после артиллерийской подготовки, полк перешел в наступление на сопку Пулеметную, которая примыкает к Заозерной. Противник установил на ней около

сорока пулеметов. Он располагал в это время большим количеством огневых средств. Кроме пулеметов с его стороны действовали два дивизиона артиллерии и бронепоезд. Японцы вели по нашим батальонам ураганный огонь.

Советская авиация совершила несколько налетов на вражеские позиции. И сразу вслед за этим наши батальоны двинулись на врага. Японцы подпустили наши войска на близкое расстояние, надеясь расстрелять их в упор, но наши бойцы под прикрытием станковых пулеметов и артиллерии броском пошли в атаку и смяли японские части, которые в панике отступили.

Приведем несколько заметок из дневника заместителя политрука тов. Сазыкина, которые правдиво передают отважную жизнь наших бойцов в обстановке боев у озера Хасан.

«— Вперед, за родину, за Сталина! — кричим мы с командиром во весь голос. Бойцы подхватывают наш призыв. Бросаемся в реку. Плыть трудно. Японцы обстреливают. Переправили оружие, помогли слабым. Выбрались все. Вот, наконец, высота. Завязался ожесточенный бой. Японцы не выдержали нашего натиска. Мы бьем их из винтовок, пулеметов, колом штыками».

«Вдалеке слышится гул моторов, идут наши самолеты... Ярко сияют красные звезды на крыльях... Слышны первые выстрелы с наших истребителей по врагу. Появились бомбовозы. Мощные, они плывут под облаками.

Взрыв. Другой... Высота Заозерная, где были японцы, покрылась клубами сплошного черного дыма. Земля сотрясается от разрывов бомб... а сзади нарастает новый грозный гул. Идут танки. Раздается команда:

— За танками, бойцы, вперед! За коммунизм!

Мгновенно все поднялись. По убегающим японцам открыли ружейный и пулеметный огонь».

Надо прочитать все эти краткие рассказы и заметки, чтобы почувствовать все величие и силу проявленного советскими бойцами, командирами и политработниками высокого мужества, пламенного патриотизма. В тесном взаимодействии сражались против общего врага пехота, артиллерия, танки, авиация. О действиях метких артиллеристов и отважных танкистов рассказывает четвертый раздел книги «Боевые эпизоды». Даже заголовки отдельных рассказов передают их сущность: «Командир Ольховик уничтожил японскую батарею», «Налетчики побежали назад», «Лучше умереть на советской земле, чем в плену у японцев», «Танки ворвались в расположение противника».

Высокие образцы летного мастерства и боевого искусства показали в боях у озера Хасан сталинские соколы, героические летчики, подвигам которых посвящен пятый раздел книги.

В следующей части «Боевых эпизодов» показана самоотверженность врачей и жён командиров, которые спасали, излечивали, возвращали в строй раненых бойцов, действуя под огнем вражеских пулеметов и артиллерии.

Последняя часть книги посвящена партийно-политической работе в бою, которая была направлена на то, чтобы обеспечить высокое политико-моральное состояние армии и одержать решительную победу над врагом. Политработники доводили сталинское слово до каждого бойца и командира, воодушевляя их на священную борьбу за социалистическую родину. Комиссары и политработники показывали пример личной отваги и военного искусства. Военком части Иван Алексеевич Пожарский пал смертью героя в боях у озера Хасан. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Пожарскому звание Героя Советского Союза.

Трижды шла в атаку часть комиссара Пожарского. И он все три раза был впереди. Японцы ранили Пожарского в первой же атаке, но он, перевязав рану, снова шел в бой. Голос его гремел среди шума битвы:

— Вперед! За родину! За Сталина!

В третьей атаке Пожарский был смертельно ранен. Умирая, он сказал:

— Прощайте, с честью постоите за родину!

С удесятеренной силой пошел вперед его батальон и в рукопашном бою уничтожил противника. Так отомстил батальон за смерть своего любимого комиссара.

В книге «Боевые эпизоды» есть недочеты: в подборе материала редакция допустила отдельные повторения, иногда наряду с яркими эпизодами дана сухая хроника. Оформление книги должно было быть более высокого качества. Однако все эти недочеты не заслоняют собранных в книге замечательных материалов о победе могущественной советской армии над японскими захватчиками.

Победа над злобным и вероломным врагом была победой не только Красной Армии, но и всего советского народа. Герои Хасана — это любимые наши герои. Хасановцы воскресили героические традиции победоносной борьбы нашего народа против чужеземных завоевателей. Только народ, который умеет воевать и любит воевать за правое дело, может с такой безграничной отвагой, с таким презрением к

смерти наступать на врага и побеждать в любых условиях. Только чувствуя за собой великую, непобедимую силу своего народа, своей партии, своего правительства, могла наша доблестная Красная Армия уничтожить озверевшего врага, вторгшегося на нашу священную землю.

Книга «Документы советского патриотизма» в простых и трогательных словах, не предназначавшихся для печати, дает величественную картину всенародной любви к социалистической родине и згучей ненависти к врагам Советского Союза. Договор о социалистическом соревновании частей Красной Армии, заявления бойцов по разным волнующим их вопросам, письма, присланные на фронт, записки к родным, заявления о приеме в партию, в комсомол, протоколы красноармейских собраний — ярко свидетельствуют об однородности и внутреннем единстве тыла и фронта нашей армии. Многогранные чувства, заветные мечты простых советских людей видны в этих кусках подлинной жизни. Создатели этих документов — не писатели, а бойцы, они написали «на спинах охотников до легкой поживы свой ответ о действительной боеспособности советской армии, о состоянии ее командных и политических кадров» (В о р о ш и л о в). По документы эти убеждают не меньше чем полноценные художественные произведения.

Патриотические документы подобраны в книге по разделам: «Наказать зарвавшихся хищников», «Гнев народа», «В бой идем большевиками», «У народа и Красной Армии одни мысли, одни чувства», «Всегда в боевой готовности». Во многих случаях рядом с печатным текстом даны фотокопии подлинных документов, записок, написанных под разрывом гранат, боевых листовок, которые читались бойцами в промежутках между атаками на врага. С одной из страниц сборника глядит на нас прекрасное мужественное лицо Героя Советского Союза Ивана Алексеевича Пожарского, легендарного комиссара. Ясные его глаза прямо смотрят вперед. Отвага, воля, правдивость видны в каждой черточке его лица. Орден Красной звезды приколот над левым карманом тм-настерки.

На другой странице мы видим пробитый пулей партийный билет коммуниста Д. Т. Кряпак. На маленькой карточке, под черным провалом, образованным в билете самурайской пулей, владелец партбилета, герой, отдавший свою молодую жизнь в борьбе за дело рабочего класса.

Мы приведем некоторые из замечательных документов, вошедших в эту книгу.

«В п а р т б ю р о В К П (б) п а р т о р г а н и з а ц и и

От члена ВЛКСМ командира пулеметной роты лейтенанта Робук, В. П.

Заявление

Прошу принять меня в ряды ВКП(б) партии Ленина—Сталина—авангарда мирового пролетариата. В будущих боях я оправдаю доверие партии. От моих пулеметов будут самураи подыхать и самурайский дух будет выбит из них далеко на их территории. Впереди всех своих пулеметчиков до конца своей жизни буду показывать смелость, доблесть и героизм. Прошу в моей просьбе не отказать, буду драться в рядах славной ленинско-сталинской большевистской партии.

3 августа 1938 года.

Л е й т е н а н т Р о б у к .

«Добрый день, Ваня! Шлю привет и желаю быть здоровым. Ваня, пишу я тебе короткое письмо. Ваня, я каждый день читаю газеты и слышу, что фашисты задумали войну. Ваня, если тебе придется быть на фронте, то я думаю, что ты никогда не отступишь. Ваня, бей так, чтобы от японцев была каша, бей не на живот, а на смерть, если придется пойти на фронт и папе, то и я пойду с ним, тогда мы не так будем драться, а по-новому.

17 августа 1938 года.

Остаюсь твой брат В. Дегтярев.

Ваня, если придется тебе встретить японского офицера, то не щади их, бей их и живых и мертвых».

Записка, найденная в ранце пулеметчика А. Е. Ширманова, погибшего смертью героя в боях у озера Хасан:

«Я буду воевать до конца, насколько моей силы хватит, но врагу не уступлю со своим героическим пулеметом, отступать не буду от советского рубежа, и японец не вырвется из-под моего пулемета.

Отличный стрелок Ширманов».

Отвага бойцов, командиров и политработников 1-й Отдельной Краснознаменной армии по заслугам оценена советским народом. 32-я и 40-я стрелковые дивизии награждены орденами, орденом награжден посъетский пограничный отряд, который принял на себя первый удар самурайских банд. Двадцать шесть бойцов, командиров и политработников получили звание Героя Советского Союза. Ордена и медали получило больше шести тысяч участников хасанских событий.

В целях увековечения памяти героев Хасана Посъетский район, Приморского края, переименован в Хасанский район; в

районе боев сооружается памятник; для всех участников хасанских боев учрежден специальный нагрудный знак. День взятия советскими войсками высоты Заозерной и очищения советской земли от японских захватчиков—6 августа—установлен праздником 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Этот день торжественно отмечает вся наша страна.

За время, прошедшее от хасанских боев, мощь Красной Армии значительно возросла. Социалистическое соревнование на лучшую роту, батарею, эскадрон выдвинуло новые многочисленные кадры отличников боевой и политической подготовки. Боевая мощь пехотных, артиллерийских, танковых и воздушных частей нашей армии поднялась на новую высоту. Наша доблестная Красная Армия, овладевшая лучшей в мире могущественной военной техникой, стоит на страже мира, но готова к беспощадному разгрому любого врага. Это со всей очевидностью подтвердили события у озера Буир-Нур, недалеко от монголо-манчжур-

ской границы. Беспокойный и неумный японский сосед решил поживиться за счет дружественной нам Монгольской народной республики. Несмотря на предупреждения товарищей Сталина и Молотова, что в случае нападения на нее мы поможем Монголии, японская военщина снова решила испытать силу нашего оружия. Относительно Монгольской народной республики генерал Араки заявил, что она является «двусмысленной территорией, которая обязательно должна быть захвачена японским духом».

Монгольский народ, поддержанный великим советским народом, дал далеко не двусмысленный ответ на разглагольствования зарвавшегося японского генерала о «двусмысленной» монгольской территории.

Традиции хасанских боев воскрешены на подступах к Буир-Нуру с грозной силой. В грядущих боях против черных сил реакции советский народ останется верен славным традициям Хасана.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ТИСКАХ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1910—1914 ГОДЫ, ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», «ПРАВДА». Сборник документов под редакцией В. А. Быстрянского. Издание Ленинградского института ВКП(б) и управления центральных государственных архивов в Ленинграде. 1939. 200 стр. 5 руб.

Царская цензура с давних пор ожесточенно преследовала всякое проявление печати и литературой живой, вольной мысли. Особенной силы эти преследования достигли в те годы, когда на историческую арену выступил пролетариат, который стал через свою печать выражать чаяния рабочего класса, защищать его интересы.

Произведения классиков марксизма беспощадно уничтожались царской цензурой. Бешеным гонениям подвергалась и легальная большевистская печать, созданная в 1905—1907 годы. Большевистская печать 1912—1914 годов (к этому времени относится создание большевистской «Правды») продолжала традиции большевистских газет 1905 года. Чувствуя, что «Правда» и «Звезда» представляют большую опасность для самодержавия, царская цензура непрестанно стремилась сорвать всю их деятельность, но это было не так-то легко сделать: «Царское правительство за два с половиной года восемь раз закрывало «Правду», но при поддержке рабочих она снова начинала выходить под новым, сходным названием...»¹.

Рецензируемый сборник документов из истории большевистской печати содержит интереснейший материал, который показывает, какую напряженную борьбу пришлось вести рабочему классу нашей страны за свободу печати, какие трудности пришлось преодолеть, какие жертвы понести.

В 1914 году Ленин писал: «Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т.-е. историю не рабочего, не пролетарского, а «общедемократического», т.-е. буржуазно-демократического освободительного движения, — а затем свою собственную, двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии.

Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера»². Нашему русскому пролетарскому движению предшествовало несколько этапов революционного движения, в соответствии с которыми шло также и развитие не подвергавшейся цензуре печати.

Как указывал Ленин, самостоятельная «История рабочей печати за двадцатилетие 1894—1914 гг. есть история двух направлений в русском марксизме и русской (вернее: российской) социал-демократии. Чтобы понять историю рабочей печати в России, надо знать не только и даже не столько названия разных органов печати, названия, ничего не говорящие современному читателю и только сбивающие его с толку, а содержание, характер, идейную линию разных частей социал-демократии»³. И действительно, на всех этапах рабочего движения рабочая печать ярко отражала это идейное разделение. В 90-х годах, в начале 900-х годов — в период первой русской революции, в период нового подъема революционного движения — постоянно, неизменно рабочая печать отображала резкую борьбу между революционным марксизмом и оппортунизмом.

Период «Звезды» и «Правды» (1910—1914 годы) явился наиболее ярким и характерным во всей истории рабочей печати. Эти газеты несмотря на преследования реакции сумели стойко и сравнительно долго держаться, сумели наладить связь с рабочей массой, получить от нее моральную и материальную поддержку и даже привлечь массы передовых рабочих к активному участию в газетах.

За один лишь год (апрель 1913—апрель 1914) «Правда» напечатала 11 114 рабочих корреспонденций, в том числе специально о стачечном движении 5522. В среднем в каждом номере газеты печаталось по 41 рабочей корреспонденции. Эти корреспонденции писались обычно коллективно, и таким образом в составлении

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 144. 1938.

² В. И. Ленин. Собр. соч. Т. XVII, стр. 346—347.

³ Там же, стр. 344.

их участвовали десятки тысяч рабочих. Велика была роль рабочих и в распространении большевистских газет, так как специальные артели газетчиков не могли справиться с этим делом да часто и не хотели подвергаться риску.

Большевистские газеты «Звезда» и «Правда» создавались на рабочие гроши. Тысячи групп рабочих упорно собирали деньги для своей печати. Эти сборы помимо большого материального значения имели огромное политическое значение, так как характеризовали сочувствие подавляющего большинства рабочего класса большевистской линии газет «Звезда» и «Правда». Из опубликованных в довоенное время денежных отчетов «Правды» видно, что $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих поддерживало большевиков («правдистов», как тогда называли) и только $\frac{1}{5}$ сочувствовала меньшевикам-ликвидаторам («лучистам»). Из 7095 рабочих групп, проводивших в 1912—1914 годах денежные сборы на большевистскую «Правду» и меньшевистскую газету «Луч», 5674 внесли свои деньги в кассу «Правды», а 1421 группа отдала деньги газете «Луч».

Ленин чрезвычайно интересовался цифрами денежных сборов, анализировал их, приходил к весьма важным и интересным выводам. Так, Ленин указывал, что большинство групп, поддерживавших своим сборам «Луч», является нерабочими группами, тогда как большинство групп, собиравших сборы на газету «Правда», — рабочие группы. На каждый рубль, собранный на «Правду», 87 копеек принадлежали рабочим, а у ликвидаторов на каждый собранный рубль рабочим принадлежали только 44 копейки.

Ленин писал, что «чем развитее рабочие массы, чем выше их сознательность и политическая активность, тем сильнее преобладание правдистов среди рабочих. В Питере ликвидаторы совсем почти вытеснены (14 из 100); кое-как держатся они продолжают еще в провинции (32 из 100), где массы наименее разбираются в политике»¹.

Данные сборов, произведенных ко дню рабочей печати в 1914 году, подтвердили те же факты, что и сборы за все 2½ года существования ежедневной рабочей печати. Тут кроме того выяснилось, что и в Петербурге и в провинции во главе рабочих групп, поддерживающих газету «Правда», идут металлисты, среди рабочих не оказалось ни одной профессиональной группы, которая собрала бы в пользу ликвидаторов больше чем для большевиков. Среди служащих сборы на большевистские газеты

также несколько превысили сумму, собранную на ликвидаторскую газету.

Как ни стремились ликвидаторы обманывать рабочих общим денежным итогом сборов, который будто бы показывал, что симпатии читателей делятся пополам между большевиками и ликвидаторами, им это не удалось. Достаточно было разложить общее число групп на рабочие и нерабочие, достаточно было подсчитать среднюю сумму сборов, приходящуюся на одну группу, как картина становилась ясной: $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих идут за «Правдой», а $\frac{1}{5}$ — за ликвидаторами, причем большая часть объединенных ликвидаторами рабочих принадлежит к рабочей аристократии, поэтому собранная ликвидаторами сумма несколько выше чем у большевиков. Денежный дефицит, неизбежно получавшийся при малом тираже «Луча», должен был покрываться богатыми друзьями ликвидаторов из буржуазии.

В анализе цифр денежных сборов на рабочую печать Ленин находил подтверждение общепартийных решений о буржуазном характере ликвидаторства. «Опыт ежедневной газеты, открыто обращающейся к массам, неминуемо должен был вскрыть действительный классовый характер ликвидаторского течения. Опыт вскрыл его. Ликвидаторская газета оказалась на деле буржуазным предприятием, ведущим за собой меньшинство рабочих»².

«Правда» же была родней рабочим массам, тесно связанной с ними газетой, подготовившей победу рабочего класса и над царизмом и над капитализмом. Не даром товарищ Сталин дал такую оценку роли и значения довосинной «Правды» в день десятилетия ее основания: «Правда» родилась в волнах революционного подъема в знаменитые «ленские дни». Появление на свет массовой рабочей газеты «Правды» в эти именно дни знаменовало собой 1) ликвидацию периода общей усталости в стране после Столыпинской «тишь да гладь», 2) мощное пробуждение русского рабочего класса к новой, второй после 1905 года революции и 3) начало завоевания широких масс рабочего класса на сторону большевиков. «Правда» 1912-го года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 г.»³.

Рецензируемому сборнику документов предпослано краткое предисловие В. А. Быстрянского, вводная статья одного из составителей, М. Лурье, и краткое сообщение от обоих составителей о характере книги.

¹ В. И. Ленин, Собр. соч. Т. XVII, стр. 419.

² Там же, стр. 422.

³ И. Сталин «Правда». См. газ. «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

В своем предисловии В. А. Быстрянский останавливается на общем значении «Правды» периода 1912—1914 годов, продолжавшей традиции большевистской печати 1905—1906 годов, приводит мнение В. И. Ленина об исключительной роли «Правды», энергично и смело завоевавшей на сторону большевизма широкие массы рабочего класса, указывает, что еще до появления «Правды» департамент полиции отмечал «широкое развитие легальной партийной прессы в России» в 1910—1911 годах. В своем циркуляре от 17 декабря 1911 года департамент полиции в числе других причин этого факта должен был отметить «повышение умственного уровня и идейных запросов рабочей массы, в особенности ее более сознательных элементов» (стр. 5).

Жаль, что ни в предисловии, ни во вступительной статье нет других свидетельств правительственных органов за более позднее время, когда отмеченная в циркуляре тенденция выявилась еще ярче, еще сильнее и сделала «Правду» столь жизнеспособной и сильной.

Нет таких данных и среди приводимых в сборнике документов.

Вступительная статья М. Лурье подробно и в общем удовлетворительно излагает историю борьбы «Звезды» и «Правды» с царской цензурой.

Переходя к содержанию помещенных в сборнике документов, нужно прежде всего отметить, что в книге, как пишут и сами составители, отражены «далеко не все репрессии, которым подвергались «Звезда» и «Правда» со стороны царской цензуры». В результате получилась книга документов, в которых материалы подобраны лишь по одному фонду, фонду цензурного ведомства царского правительства (Главного управления по делам печати и его С.-Петербургского комитета). Составители собрали только материал о наложении ареста на тот или иной номер газеты и систематизировали его в хронологическом порядке по отдельным названиям газет. Но они не поработали над другими фондами, например фондами петербургского градоначальства, департамента полиции (попадающиеся единичные документы этого департамента являются копиями отношений, посланных в цензурное ведомство и найденных составителями среди его дел).

Таким образом, в книге нет даже документов о наложении штрафов градоначальником; лишь в конце книги приводится перечень различных репрессий, которым подвергались те или иные номера «Звезды» и «Правды». В перечне не всегда объяснено, что сделал градоначальник с представленным ему для наложения административного взыскания номером газеты. Не

всегда объясняют составители, утвержден ли судебной палатой наложенный цензурным ведомством арест или отменен. Бывало так, что наложение ареста обходилось без последующего утверждения его судом и подобные факты незакония сходили безнаказанно, но составители нигде не рассказали об этом.

В книге почти нет документов или каких-либо сведений о другом роде репрессий: притеснениях розничной торговли рабочими газетами. В некоторых городах (например Ревеле) «Правда» вовсе не допускалась к продаже, даже конфискованные номера задерживались и т. д. Имеется только два документа, которые оживляют несколько однообразную картину материалов о конфискации номеров «Звезды» и «Правды». Это — секретное отношение департамента полиции Главному управлению по делам печати о том, что в вагонные мастерские ст. Тамбов высылаются газета «За правду», хотя ее никто там не выписывает, и потому эта газета немедленно по получении передается местному жандармскому управлению (стр. 136). Второй документ — донесение казанского губернатора тому же управлению о том, что выходящие в столицах газеты социал-демократической партии действуют «на настроение рабочих сильнее всяких прокламаций», о чем он и считает своим долгом довести до сведения цензурного ведомства.

Эти документы представляют большой интерес для читателя, так как ярко рисуют обстановку того времени.

Царские чиновники всеми мерами старались ухудшить рабочую печать и прежде всего газеты «Звезду» и «Правду». Особенно беспощадным репрессиям подвергались те номера большевистских газет, где помещались статьи Ленина и Сталина. В 1912 году царская цензура подвергла аресту семнадцатый и двадцать второй номера газеты «Невская звезда», в которых были напечатаны статьи Ленина «Демократия и народничество в Китае» и «Кадеты и аграрный вопрос». Такая же участь постигла тридцатый и тридцать второй номера газеты «Звезда», где были опубликованы статьи товарища Сталина «Новая полоса» и «Тронулась», приведшие в ярость царскую цензуру.

Номер тридцать второй «Звезды» конфискуется также за статью товарища В. Молотова «Социал-демократические депутаты II Думы и международный пролетариат». Интересна мотивировка конфискации номера: она производится не за какие-либо выскazyвания по поводу процесса втородумцев, а за слова автора о том, что русским рабочим будет легче бороться за лучшее будущее при наличии сочувствия пролетариата всего мира. Эти конфискации

за статьи, посвященные международным вопросам, довольно часты и для «Правды».

Царская цензура пользовалась любым предлогом для того, чтобы конфисковать большевистскую газету. Один раз номер «Правды» конфискуется за статью, в которой министерство народного просвещения называется министерством народного затемнения (стр. 76), а в другой раз конфискуется за довольно невинное стихотворение (стр. 57 или стр. 98).

Репрессии сыплются на «Правду» и на «Звезду» нещадно. Из 96 номеров «Звезды» и ее продолжательницы «Невской звезды» было подвергнуто репрессиям 49 номеров. Из выпущенных «Правдой» и ее преемницами 638 номеров подверглось репрессиям 190, из них 152 номера конфисковано, а 35 — оштрафовано на сумму 16 250 рублей. Таким образом, каждый третий номер газеты подвергается репрессиям. Но этот град репрессий особенно усилился после того, как закрывают «Правду». Ее преемницы подвергались репрессиям уже с первого или второго номера, и через какой-нибудь месяц—два каждая из них закрывалась совсем.

С.-Петербургский комитет по делам печати требовал закрытия «Правды труда» уже с № 1, так как в передовице ее было указано, что «Правда», «Рабочая правда», и «Северная правда» являются преемницами «Правды труда». Подобные же заявления в последующих после закрытия «Правды труда» газетах неизменно вызывают обращение цензуры к прокурору судебной палаты о приостановлении данного издания еще до судебного приговора.

Достаточно было поместить статью о взрыве на минном заводе, о том, что при капиталистическом строе жизнь рабочего висит на волоске, как цензура устремляется в типографию для конфискации этого номера газеты. В мотивировке для судебной палаты говорится о том, что такая статья «возбуждает в среде рабочих вражду к хозяевам промышленных предприятий». Этот же мотив выставляется и при конфискации номера газеты, в котором помещена статья об эксплуатации трактирных служащих (стр. 125). Несмотря на то что в этой статье только описана тяжелая жизнь этой категории трудящихся и дан призыв объединиться в профсоюзную организацию без каких бы то ни было резких выражений, направленных против правительства, номер газеты был конфискован. За подобные же статьи о тяжелом экономическом положении городских служащих и о необходимости противопоставить силе хозяев свою силу был конфискован другой номер газеты (стр. 111).

Царская цензура неизменно ограждает капиталистов от критики со стороны рабо-

чей печати. Особенно усердно царская цензура поддерживает капиталистов во время борьбы рабочих против штрейкбрехеров. Так и сыплются конфискации газет за появление любой статьи в пользу рабочих и против штрейкбрехеров. А так как такие заметки в газете сами по себе не являлись преступными с точки зрения даже царских законов, цензура находила и здесь статьи Уголовного уложения, по которым соответствующие номера газеты конфисковывались и редактор привлекался к судебной ответственности. В данном случае эти действия объяснялись так: приостановление работ на том или ином заводе угрожает безопасности государства, будь то казенное предприятие или частное, лишь в незначительной части выполняющее казенные заказы, поэтому борьба против штрейкбрехеров является противозаконной.

Описание положения крестьян с концовкой-призывом «Скорее, товарищи, к дружбе, ряды мы свои поплотнее сомкнем!» также вызывает конфискацию и судебное преследование против редактора.

Иногда цензура «забывалась», и даже царский суд вынужден был отменять наложенный на газету арест. Но это всегда происходило через значительное после факта конфискации время.

Объявление о конфискации большевистской газеты еще не означало ее фактической конфискации. В действительности в руки полиции попадали лишь немногие экземпляры газеты, так как дежурившие с ночи рабочие разных заводов разбросали большинство тиража и уносили к себе в районы еще до того, как цензура успевала просмотреть номер и наложить на него арест.

Эта сторона дела недостаточно освещается сборником. Только в одном случае дано два документа: о несостоявшейся конфискации № 30 газеты «Звезда», когда градоначальник признал, что редакция этой газеты, «предчувствуя, что на этот номер может быть наложен арест, ни одного экземпляра в свою редакцию не направила, а вывезла все полученные ею из типографии экземпляры неизвестно куда и постепенно начала распространять этот номер» (стр. 33).

«Правда» и «Звезда», проводившие непоколебимую большевистскую линию на свержение дворянско-буржуазного строя, вынуждены были, применяясь к условиям царской цензуры, писать инсказательным языком, намеками, аллегориями. Паризм понимал, что революционная печать является его смертельным врагом, и боялся всех этих намеков и недоговоренностей. Надо сказать, что в расшифровке на первый взгляд «невинного» текста «Правды»

и «Звезды» они добились некоторых успехов.

Так, анализируя одну из статей по делу Бейлиса, цензура писала: «...становится ясным, что под «погромщиками» и «создателями кровавой легенды» нужно подразумевать русское правительство» (стр. 115).

Точно так же цензура понимала, что подразумевалось под выражением «неурезанные лозунги»; выражение «руководящий коллектив последовательных марксистов Нарвского района» правильно расшифровалось ею как подпольная районная организация большевистской партии; департамент полиции, перехватив посланный за границу в ЦК партии денежный отчет «Правды» и основываясь на этом, называет эту газету органом большевистской партии.

Заключившая рассмотрение помещенного в сборнике материала, мы можем сказать, что и представленные в нем документы царского правительства, злейшего врага рабочего класса, подтверждают лишний раз ту огромную роль, которую играла большевистская печать, в особенности «Правда», в развитии революционного движения, какую тревогу и бешеное ожесточение она вызывала у врагов народа.

Ознакомившись с этими документами, читатель реально ощутит смысл высокой оценки, которая дана в «Кратком курсе истории ВКП(б)» рабочей печати этого периода, главным образом газете «Правда». В «Кратком курсе» сказано, что газета «Правда» явилась «могучим оружием в руках большевистской партии в деле укрепления своих организаций и завоевания влияния в массах... В этот период роль «Правды» была исключительно велика. «Правда» завоевывала на сторону большевизма широкие массы рабочего класса. В обстановке беспрестанных полицейских преследований, штрафов, конфискации за помещение не понравившихся цензуре статей и корреспонденций «Правда» могла существовать только при активной поддержке десятков тысяч передовых рабочих»¹.

Настоящий сборник несмотря на свою неполноту убедительно иллюстрирует и подтверждает оценку, данную большевистским газетам в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 143 и 144. Госполитиздат. 1938.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ВКП(б)

Ленинградский институт истории ВКП(б) преобразован из Истпарта в 1930 году. За время своего существования в качестве научно-исследовательского института им было выпущено довольно много работ, преимущественно научных публикаций, и издавался журнал «Красная летопись».

Начиная с 1935 года вследствие вредительской деятельности врагов народа, пробравшихся к руководству Институтом, его работа почти замерла. В силу своей бездеятельности Институт не мог пользоваться особым авторитетом ни в Ленинградской партийной организации, ни среди широких масс партийного актива.

После того как Институт был очищен от вражеских агентов, он ожил и развил активную деятельность. За короткое время удалось сколотить небольшой, но дружный и работоспособный коллектив научных сотрудников, считающих работу в Институте основной и отдающих ей все свои силы. Результат не замедлил сказаться. Уже в декабре 1938 года была выпущена первая после длительного перерыва книга, написанная сотрудником Института. За 9 месяцев 1939 года было выпущено 11 более или менее фундаментальных работ по истории партии. До конца же 1939 года должно выйти еще 4—5 книг.

Решающее значение в оживлении и улучшении работы Института имел выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» и постановление ЦК о постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса».

Обсуждая и изучая эти замечательные документы большевизма, коллектив сотрудников Института сделал критический обзор своей работы, проверил правильность своего пути, разработал план своей дальнейшей работы применительно к тематике «Краткого курса».

В плане Института за 1939 год (в значительной своей части уже выполненном) предусмотрен ряд научных публикаций и оригинальных работ, освещающих важнейшие этапы истории партии, в первую очередь, разумеется, истории Ленинградской организации.

В перспективном плане своей работы Институт ставит себе задачей дать систематическую научную историю Ленинградской партийной организации. Совершенно ясна актуальность такой истории. Петер-

бург — Петроград — Ленинград — крупнейший индустриальный центр, бывшая столица, — играл ведущую роль на всех важнейших этапах истории партии. Именно в Петербурге был создан Лениным зародыши партии нового типа — «Петербургский союз за освобождение рабочего класса». В борьбе между большевиками и меньшевиками питерские рабочие во все решающие моменты служили верным оплотом большевизма. Петербург был колыбелью и руководящим центром первой русской революции.

Питерские рабочие в тяжелые годы столыпинской реакции сохранили знамя ленинской партийности в борьбе против ликвидаторов справа и слева. Во главе нового подъема 1912 — 1914 годов также стоял Петроград. Питерские рабочие под руководством Ленина и Сталина создали и отстаивали против неслыханных репрессий большевистскую «Правду», воспитавшую целую плеяду верных ленинцев, рабочих-«правдивов». Они же поддерживали активной политической борьбой, массовыми политическими стачками и демонстрациями призывы большевистской фракции IV государственной думы, которые вместе с «Правдой» стали легальным штабом нелегальной партии.

В годы первой империалистической войны Петроградская большевистская организация несмотря на бесчисленные аресты и ряд полных разгромов, или «ликвидаций», как выражались жандармы, ее руководящих центров ни на один момент не теряла связи с широкими рабочими массами и не переставала руководить их борьбой, направляя ее по ленинскому пути.

Петроград был мозгом, сердцем и руководящим штабом февральской буржуазно-демократической революции.

Питерские рабочие под руководством своей большевистской организации первые очнулись от угара «добросовестного оборончества» и мелкобуржуазного соглашательства, порвали с меньшевиками и эсерами и стойко, до конца пошли за партией Ленина—Сталина. Под ее руководством они свергли господство буржуазии и открыли новую эру мировой истории.

В тяжелые годы гражданской войны и разрухи питерские рабочие, партийные и непартийные большевики, с беспримерным героизмом сражались на всех фронтах. По зову Ленина они послали первые рабочие отряды в деревню за хлебом для голодающих промышленных центров; под руковод-

ством Сталина отстояли свой город от банд Юденича.

Попытка врагов народа, презренных зиновьевцев и троцкистов, противопоставить ленинградскую организацию ЦК и повести ее на борьбу против генеральной линии партии очень быстро получила сокрушительный отпор в самой организации, которая под руководством большевика, любимца партии, верного соратника товарища Сталина — Сергея Мироновича Кирова — снова сплотилась вокруг сталинского ЦК и повела огромную строительную работу, продолжая выкорчевку замаскированных врагов из своих рядов.

В Ленинграде по инициативе ленинградского завода «Красный выборжец» началось охватившее всю страну движение социалистического соревнования. Имена ленинградских стахановцев Бусыгина, Мартехова и других известны всей стране.

Ленинградский институт истории партии стремится отразить в своей продукции основные моменты истории партии, истории борьбы рабочего класса, истории социалистического строительства в Ленинграде и Ленинградской области.

За 1939 год Институт выпустил следующие работы:

1. «Листовки петербургских большевиков». Тома I и II. 1902—1917 годы.

В первом томе собраны листовки Петербургской социал-демократической организации с 1902 года, с того момента, как руководство в ней переходит от «экономистов» к искровцам, и до 1907 года (до третьяюньюнского переворота) включительно. Второй том охватывает листовки Петербургского комитета и партийных районов за годы реакции, под'ема и первой империалистической войны до февральской революции включительно.

2. «Ленин в Петербурге». Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге — Петрограде. 1890—1920 годы. Книга дает не только перечень адресов, связанных с жизнью и деятельностью Ленина, но и хронику его деятельности, в известном смысле канву для биографии Ленина за время его работы в Петербурге — Петрограде. Сейчас составители книги гг. Шариков и Шидловский готовят по заданию Института второе, дополненное и исправленное издание этой книги, куда будут включены новые адреса и новые факты, а также будет значительно расширен текст.

3. Монументальная «История Путиловского завода», написанная коллективом авторов: Мительманом, Глебовым и покойным Ульяновским. Работа вышла под редакцией директора Института В. А. Быстринского и была тщательно просмотрена и обсуждена по разделам всеми работниками

Института. «История» охватывает период с основания завода до момента его национализации. В настоящий момент сотрудник Института тов. Мительман работает над продолжением истории ленинградского индустриального гиганта в советский период. Вторым том будет озаглавлен «Кировский завод — социалистическое предприятие».

Остальная вышедшая за этот год продукция Института распределяется следующим образом.

По годам под'ема вышли 3 документальные книги:

1. «Большевистская фракция IV государственной думы». В сборник вошли руководящие статьи Ленина и Сталина, речи и запросы большевистских депутатов Думы, материалы о нелегальной, внедумской работе фракции и материалы суда над фракцией. Сборник снабжен предисловиями А. Е. Бадаева и В. А. Быстринского, подробными примечаниями и хроникой.

2. «Большевистская печать в тисках царской цензуры». 1910—1914 годы. В сборнике показано, в каких условиях выходили большевистские газеты «Звезда» и «Правда», как их буквально душила царская цензура, как почти каждый второй номер подвергался тем или иным репрессиям (штрафам, конфискации), как газеты закрывались, редактора арестовывались, и все же газеты не только жили, но руководили массами, сплачивали их вокруг партии, организовывали их и воспитывали целое поколение рабочих-ленинцев, рабочих-«правдивцев».

3. М. Лурье «Июльские баррикады 1914 года». Это небольшая работа о революционном движении петербургских рабочих накануне первой империалистической войны.

Годам империалистической войны посвящен сборник документов и материалов, составленный сотрудниками Института Шариковым и Беркевичем, — «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны (1914—1917 годы)». В сборнике собраны материалы о рабочем движении в годы войны, о работе партийной организации, большевистские листовки, корреспонденции в большевистской печати, а также правительственные документы, характеризующие рост рабочего революционного движения. Сборник содержит подробную хронику рабочего движения за годы войны.

По 1917 году вышла книга М. Лурье «Петроградская Красная гвардия». К 23-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции намечено выпустить хронику истории Петроградской организации с момента приезда Ленина до Октябрь-

ского восстания включительно. Эта часть хроники пошла в производство. Сотрудники Института работают над второй частью хроники, охватывающей период с Октября до начала гражданской войны. Кроме того по этому периоду пишется ряд брошюр: М. Лурье «Июльская демонстрация в Петрограде», Т. Треноговой «Работа петроградских большевиков среди крестьянства в 1917 году», Н. Крушкол «Сталин — руководитель большевистской печати в 1917 году» и др.

Периоду гражданской войны посвящен сборник материалов: «Крах германской оккупации на Псковщине» (составители — Фрайман и Корнатовский) и брошюра Корнатовского «Сталин — руководитель обороны Петрограда» (о первом наступлении Юденича).

В настоящее время сотрудники Института работают над следующими темами.

Тт. Паялин и Корольчук работают над книгой о «Петербургском союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Сдана в производство «Хроника рабочего движения в Петербурге», т. I, охватывающая период с 70-х годов до 1904 года. Продолжается работа над вторым томом «Хроники» — «1905—1907 годы».

Тов. Соколова работает над диссертацией на тему «Ленинская «Искра» в Петербурге».

По 1905 году подготовлен к печати большой сборник материалов и документов о первой русской революции; многие документы будут опубликованы впервые. Книга уже закончена и должна выйти в 1940 году, к 35-й годовщине первой русской революции. Подготовлена к печати брошюра М. Ахуна «Военно-боевая работа большевиков в 1905—1907 годах».

К годовщине героической обороны Петрограда от Юденича выходят две книги: большой сборник материалов и документов и оригинальная работа тов. Корнатовского «Героическая оборона Петрограда».

Институтом также подготовлен и готовится ряд работ и популярных брошюр к 60-летию товарища Сталина:

1. Книга «Сталин в Петербурге. Места революционной деятельности товарища

Сталина в Петербурге — Петрограде». Книга составлена по типу работы «Ленин в Петербурге».

Кроме того пишутся брошюры: «Сталин — основатель большевистской «Правды», «Сталин — руководитель VI съезда партии» и др.

По периоду гражданской войны, кроме вышеупомянутых, пишутся работы на тему о комбедах (брошюра тов. Соколовой) и о продотрядах (работа тов. Беркевича «Петроградские рабочие в борьбе за хлеб»).

В настоящее время Институт стремится исправить тот недостаток, на который ему указал городской комитет ВКП(б), а именно слабость освещения советского периода — периода социалистического строительства — в работах сотрудников Института.

Ряд сотрудников Института переключается на новую тематику. Начинается работа над «Хроникой истории Ленинградской организации с 1926 по 1934 год». Одновременно тов. Аввакумов по заданию Института работает над монографией «Киров — руководитель ленинградских большевиков».

Тов. Мительман параллельно с работой над историей Кировского завода пишет книгу «От рабочего контроля к управлению производством».

Тов. Быстрова пишет монографию о борьбе большевиков за слом старого и создание нового государственного аппарата в первые месяцы советской власти.

Тов. Бердникова пишет и уже почти закончила диссертацию на тему «Роль стхановского движения в развитии производительных сил социализма». Работа написана преимущественно по материалам ленинградской промышленности; в ней сочетается теоретическая и историческая постановка вопроса.

Такова тематика, работа над которой уже развернулась. План Института очень напряженный, особенно если учесть, что в Институте всего 13 штатных научных сотрудников. Но люди работают с энтузиазмом, и мы не сомневаемся, что наш план мы выполним.

Н. Крушкол

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ленин В. И. и Сталин И. В. О классовой борьбе на Дону и Кубани в период 1917—1920 годов (Сборник. Составил Я. И. Раенко). (Истпарт Ростовского областного комитета ВКП(б). Ростиздат. 1939. 120 стр. 3 руб. 10 000 экз.

В сборнике в хронологическом порядке помещены 29 статей, речей и телеграмм Ленина и Сталина. В приложениях напечатаны: «Наказ МК РКП(б) красногвардейцам, едущим на Дон» от декабря 1917 года и отрывок из книги К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия».

Документы о революционном выступлении Усть-Куломских крестьян 1841—1843 годов. Сыктывкар. Комигиз. 1939. 112 стр. 2 р. 20 к. 4000 экз.

В сборнике собраны впервые публикуемые материалы о малоизвестном революционном выступлении крестьянства Коми в 50-х годах прошлого века. Документам предпослана вводная статья составителя А. Попова «К вопросу о революционных выступлениях крестьянства Коми в XIX веке», дающая беглый обзор революционных выступлений крестьянства на территории Коми на протяжении всего XIX века.

Дзержинский Ф. З. «Из дневника». Перев. с польского Ф. Кон. Пред. и примеч. С. Дзержинский. «Молодая гвардия». 1939. 125 стр. 2 р. 75 к. 25 000 экз.

Дневник охватывает период начала столыпинской реакции (30 апреля 1908—8 августа 1909), когда Дзержинский сидел в Варшавской тюрьме. В полном виде дневник публикуется на русском языке впервые.

Из истории рабочего движения в Ярославской и Костромской губерниях. Корреспонденции из ленинских газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий» и «Новая жизнь» (1901—1906 годов). Ярославль. Областное издательство. 1939. 122 стр. 1 р. 45 к. 5000 экз.

Корреспонденции даны в книге в хронологическом порядке. Им предшествуют предисловие Ем. Ярославского «Роль Ярославской и Костромской партийных организаций в истории революционного рабочего движения в России» (стр. 3—12) и статья составителя сборника И. В. Баскакова «Несколько исторических справок» (стр. 13—30).

История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Т. II. Ч. 3 и 4-я. Изд. Академии наук СССР. 1939. 531 стр. 250 экз. (Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра).

Во втором томе данного труда, выпущенного на правах рукописи для получения отзывов и заключений, даны история народов СССР в период крушения рабовладельческого общества и возникновения феодализма (готы, аланы и гуны; Средняя и Центральная Азия в III—VII веках нашей эры; государства Закавказья в Сасанидский период; южная половина европейской части СССР в V—VII веках) и дофеодальные и феодальные образования на территории СССР в VII—X веках нашей эры (Средняя Азия в VII—X веках; Закавказье в период арабского владычества; европейская часть СССР в период хазарского каганата; Центральная Азия, Сибирь и Дальний Восток в V—X веках).

Кашинцев Д. «История металлургии Урала». Т. I. 1939. 294 стр. 9 р. 75 к. 2000 экз.

Первый том настоящего труда заключает в себе 7 глав следующего содержания: «Первобытная металлургия Урала (VII—VIII века); ранняя эпоха (до XVIII века); начало систематической эксплуатации уральских недр (начало XVIII века); «Оформление среднеуральского горнозаводского подрайона». Окончательное оформление Урала как горнозаводского района (середина XVIII века); «Горнозаводская промышленность Урала и Пугачевское восстание. Эпоха мирового первенства Урала (конец XVIII века)».

Во многом труд базируется на впервые использованных автором документальных материалах, часть которых дана в примечаниях.

Колчигин Б. и Разин Е. «Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904—1905 гг.». Воениздат. 1939. 90 стр. 1 р. 60 к.

Авторы дают подробное описание блокады и 9-месячной осады Порт-Артурской крепости, завоевание которой составляло одну из главнейших целей японской армии и флота. Особое внимание авторы обращают на выявление высоких боевых качеств, обнаруженных при обороне Порт-Артура русскими солдатами, моряками и рядовым офицерством. Книга предназначена для начальствующего состава РККА, но с интересом будет прочитана и гражданским читателем.

Линевский А., Машезерский В. и Пегов В. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. Под ред. В. Бернадского. Петрозаводск. Каргосиздат. 1939. 236 стр. 7 р. 5000 экз.

В сборнике помещены: 8 статей, освещающих первобытно-общинный строй на территории Карелии по археологическим данным, и 103 исторических документа, распределенных по отделам: «Карелия — область Великого Новгорода (XII—XV века)»; «Карелия под властью Московского государства (XVI век)»; «Борьба с польско-литовской и шведской интервенцией на территории Карелии в начале XVII века» и «Карелия в XVII веке». В приложениях даны: хронология по истории Карелии (1137—1694 годов) и словарь малоизвестных слов и терминов.

Материалы и документы по истории СССР. Для преподавателей техникумов и рабфаков. Вып. I. Под ред. проф. К. В. Базилевича. 1939. 87 стр. 3 р. 1000 экз.

В книге помещено 39 документов по древней истории СССР: от VIII века до нашей эры по XI век нашей эры.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. МОЛОТОВА 17 сентября 1939 г.	1
Советский Союз — оплот мира и дружбы между народами всего земного шара	3
Н. РУБИНШТЕЙН — Западная Украина и Западная Белоруссия (краткая историческая справка)	10
И. ДАЙРИ — Крушение польского государства в XVIII веке	16
И. ШИФМАН — Н. Г. Чернышевский (к 50-летию со дня смерти)	26
Н. МУРАХВЕР — Поход петроградских рабочих в деревню	40
А. АРАКЕЛЯН — Присоединение Карабаха к царской России	52
И. БАС — Книжные люди XVI века (из истории русской публицистики)	62
И. ЗИЛЬБЕРМАН — Революционный подъем в Италии в 1920 году	73
О. ВАЙНШТЕЙН — Культура западноевропейского средневековья (XI — XIV века)	85
Б. ГОРЯНОВ — Славяне и Византия в V—VI веках нашей эры	101

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

А. ФОХТ и Е. КОСТЮКЕВИЧ — Итоги преподавания истории за 1938—1939 учебный год и некоторые вопросы преподавания истории в наступающем 1939—1940 учебном году	112
А. ВАГИН — Самостоятельная работа учащихся старших классов по истории	119
М. ПОВОЛОЦКАЯ — Запись в тетрадях по истории как один из видов закрепления знаний	124

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

А. АРЕНШТЕЙН — В. К. Курнатовский	128
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

А. БОЧКАРЕВ — План ГОЭЛРО	135
В. ПЕРЦЕВ — О форме собственности в античном обществе	141

БИБЛИОГРАФИЯ

А. КРОНГАУЗ — Книги о Хасане	145
Р. ГОЛУБЕВА — Большевицкая печать в тисках царской цензуры	151

ХРОНИКА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А - 19978 Изд. № 1022 Зак. № 2898 Тираж 50 000
Материал сдан в набор 10 IX 1939 г. Подписан к печати 22 X 1939 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“ 24.